

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИММ

4/2024

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78825

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук (ред. 22.10.2021) по историческим наукам, по научным специальностям:
5.6.1 — Отечественная история, 5.6.2 — Всеобщая история*

2024**Издается 4 раза в год****№ 4****Основен в 2001 г.****Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»****Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»****Редакционная коллегия:**

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

кандидат исторических наук, доцент **И. А. Буданова**

(*ответственный секретарь*)

доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

Международная редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

доктор исторических наук, профессор **Р. А. Михнева**,

Варненский свободный университет «Черноризец Храбър», Болгария (Варна)

главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)

доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,

Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Registry entry ПИ № ФС 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 22.10.2021)
on historical sciences, on scientific specialties:
5.6.1 — National history, 5.6.2 — General history*

2024

4 issues a year

№ 4

Founded in 2001

by the Council “Intelligentsia. Culture. Power” of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editorial Board:

Assoc. Prof. **Vasily Chernoperov**, Dr. of Sc. (History) (*Editor-in-Chief*)
Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of Sc. (History) (*Deputy Editor-in-Chief*)
Assoc. Prof. **Irina Budanova**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)
Prof. **Galina Budnik**, Dr. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of Sc. (History)
Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of Sc. (History)
Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History)

International Editorial Board:

Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of Sc. (History),
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
Prof. **Rumyana Mikhneva**, Dr. of Sc. (History),
Varna Free University “Chernorizets Khrabar”, Bulgaria (Varna)
Zorislav Paunkovic, Editor-in-Chief of the “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)
Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of Sc. (History),
University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Редакционный совет:

- Ю. М. Воронов** Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- О. В. Золотарев** Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
- И. В. Купцова** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторак** Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный университет
- А. В. Ренников** Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- Г. С. Смирнов** Ивановский государственный университет
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьев** Костромской государственный университет

Editorial Board:

Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotarev	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University
A. V. Repnikov	All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (Moscow)
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiriyakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
G. S. Smirnov	Ivanovo State University
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Soloviev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Кирчанов М. В.* Мемориальная культура современного бразильского монархизма 9
- Яновский О. А.* Становление и трансформация международного сотрудничества первого университета Беларуси в общественно-политических условиях 1921—1941 гг. 26

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Соловьев А. А., Комиссаров В. В.* Интеллигенция Ивановской области в деле развития аграрного образования региона: страницы истории 53

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Агафангел (Газуа), изум.* Влияние Императорского Московского университета на судьбу семьи Толстопятовых 74
- Хавкин Б. Л.* Немецкие интеллектуалы против нацизма. Граф Гельмут Джеймс фон Мольтке и «Кружок Крейзау» 93
- К 50-летию Ивановского государственного университета*
- Федотов А. А.* Золотой юбилей преподавания истории: к 75-летию со дня рождения и 50-летию преподавания в ИвГУ профессора А. А. Корникова 110

ДЕБЮТ

- Решетов Е. А.* Советско-шведские выставочно-ярмарочные связи в 1922—1928 гг. (по материалам советской печати)..... 130

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Точенов С. В.* Переписка главного режиссера Ивановского молодежного народного театра Р. М. Гринберг и коллектива театра с представителями творческой элиты московской интеллигенции (Продолжение. Начало: «Интеллигенция и мир». 2024. № 1. С. 156—171; № 2. С. 165—189) 153

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Полывянный Д. И.* Идеи и практики панславизма в Российской империи и в монархии Габсбургов. Рец. на кн.: Павленко О. В. *Панславизм реальный и воображаемый: 1830—1860-е гг.* М.: РГГУ, 2023. 404 с. 171
- Содержание журнала за 2024 год* 178
- Информация для авторов* 186

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

- Kyrchanoff M. V.* Memorial culture of modern Brazilian
monarchism 9
- Yanovsky O. A.* Formation and transformation of international
cooperation of the first university of Belarus in the social
and political conditions of 1921—1941 26

INTELLIGENCE IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

- Soloviev A. A., Komissarov V. V.* The intelligentsia
of the Ivanovo Oblast in the development of agricultural
education in the region: pages of history 53

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Agafangel (Gagua), abbot.* The influence of the Imperial
Moscow University on the fate of the Tolstopyatov family 74
- Khavkin B. L.* German intellectuals against Nazism.
Count Helmuth James von Moltke and the “Kreisau Circle” 93

To the 50th anniversary of Ivanovo State University

- Fedotov A. A.* Golden jubilee of history teaching:
on the 75th anniversary of birth of Professor A. A. Kornikov
and the 50th anniversary of his teaching activity
at Ivanovo State University 110

DEBUT

- Reshetov E. A.* Soviet-Swedish exhibition and fair relations
in 1922—1928 (based on the materials of the Soviet press) **130**

FROM ARCHIVAL FUNDS

- Tochenov S. V.* Correspondence between the chief director
of the Ivanovo Youth People’s Theatre R. M. Grinberg
and the theatre staff with representatives of the Moscow
intelligentsia creative elite (Continuation. Beginning:
“Intelligentsia and the World”. 2024, no. 1: 156—171;
no. 2: 165—189) **153**

READING AND DISCUSSION

- Polyvyanny D. I.* Ideas and practices of Panslavism
in the Russian and Habsburgs’ empires. *Review on the book:*
Pavlenko O. V. Panslavism real and imaginary:
1830—1860s. M.: RSUH, 2023. 404 p. **171**
- List of articles published in the Journal in 2024* **182**
- Information for authors* **186**

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 9—25.

Intelligentsia and the World. 2024. No. 4. P. 9—25.

Научная статья

УДК 930(81)

DOI: 10.46725/IW.2024.4.1

МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО БРАЗИЛЬСКОГО МОНАРХИЗМА

Максим Валерьевич Кирчанов

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия,
maksym_kyrchanoff@hotmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Аннотация. В представленной статье рассматривается монархизм как форма мемориальной культуры и исторической политики в современной Бразилии. Целью исследования является анализ монархизма как формы исторической памяти. Автор определяет роль и место монархических интеллектуалов в развитии исторической политики и той мемориальной культуры, которая формируется и развивается в рамках монархического исторического воображения. Новизна исследования состоит в изучении актуального (современного) этапа в развитии монархической идеологии в Бразилии не как формы политического участия, но как формы развития исторической памяти и мемориальной культуры. В статье показано, что 1) монархизм формирует и культивирует свои собственные представления о прошлом, 2) историческое воображение монархизма является формой ревизионизма в истории, так как монархическое прошлое и наследие подвергается последовательной положительной мифологизации и идеологизации, 3) монархизм в своем историческом воображении формирует альтернативные версии исторической памяти и мемориальной культуры, отличающиеся от тех версий

национальной исторической памяти, которые предлагаются республиканской идентичностью. Кроме этого, автор анализирует пространственные проявления исторической памяти современного монархического исторического воображения. Предполагается, что визуализация коллективной исторической памяти об империи, как и нарративные и дискурсивные тактики и стратегии современных монархистов, содействует консолидации уникальных представлений о прошлом, которые формируют основу монархического исторического воображения и мемориальной культуры как формы альтернативной памяти. В статье показано, что монархические формы исторической памяти содействуют гетерогенизации мемориальной культуры, стимулируя параллельное соразвитие альтернативных контрпамятей, которые функционируют в других системах политических и идеологических координат.

Ключевые слова: Бразилия, монархизм, Бразильская империя, политическая ностальгия, историческая память, политика прошлого, ревизионизм, контрпамять, мемориальная культура

Для цитирования: Кирчанов М. В. Мемориальная культура современного бразильского монархизма // Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 9—25.

Original article

MEMORIAL CULTURE OF MODERN BRAZILIAN MONARCHISM

Maksym V. Kyrchanoff

Voronezh State University, Voronezh, Russia,
maksymkyrchanoff@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Abstract. The author in this article analyzes monarchism as a form of memorial culture and historical politics in modern Brazil. The purpose of the study is to analyze monarchism as a form of historical memory. The author analyzes the role and place of monarchical intellectuals in the development of historical politics and the memorial culture that is formed and developed within the monarchical historical imagination. The novelty of the study lies in the analysis of the current (modern) stage in the development of monarchical ideology in Brazil not as a form of political participation, but as a form of development of historical memory and memorial culture. The article shows that 1) monarchism forms and cultivates its own ideas about the past, 2) the historical

imagination of monarchism is a form of revisionism in history, since the monarchical past and heritage is subject to consistent positive mythologization and ideologization, 3) monarchism in its historical imagination forms alternative versions of historical memory and memorial culture that differ from those versions of national historical memory offered by republican identity. In addition, the author analyzes the spatial manifestations of the historical memory of the modern monarchical historical imagination. It is suggested that the visualization of the collective historical memory of empire, like the narrative and discursive tactics and strategies of modern monarchists, contributes to the consolidation of unique ideas about the past that form the basis of the monarchical historical imagination and memorial culture as a form of alternative memory. The article shows that monarchical forms of historical memory contribute to the heterogenization of memorial culture, stimulating the parallel co-development of alternative counter-memories that function in other systems of political and ideological coordinates.

Keywords: Brazil, monarchism, Brazilian Empire, political nostalgia, historical memory, politics of the past, revisionism, countermemory, memorial culture

For citation: Kyrchanoff, M. V. (2024), 'Memorial culture of modern Brazilian monarchism', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 9—25 (in Russ.).

Введение

Одной из наиболее востребованных категорий в современном академическом дискурсе является «историческая память». Вокруг самого понятия «историческая память» на протяжении первой четверти XXI в. сложилась уникальная историографическая традиция. В современной междисциплинарной историографии следует выделять несколько подходов к анализу, описанию и изучению самого явления исторической памяти. Историческая память нередко воспринимается в современной историографии через призму конструктивизма, что позволяет анализировать память и возникающие в ее рамках различные культуры памяти, альтернативные памяти и контрпамяти не просто и не только как мемориальные традиции, но как изобретенные социокультурные, политические и интеллектуальные традиции, что позволяет интегрировать их в более широкие

контексты политических и исторических исследований, в основе которых лежат принципы междисциплинарности.

Таким образом, историческая память привлекает активное внимание со стороны представителей исследовательского сообщества, которые, как правило, склонны анализировать память как форму инструментализации исторического знания правящими политическими элитами, активно использующими историю и прошлое для реализации собственных задач и достижения идеологических целей. В такой ситуации подчеркивается, что история утрачивает свою академическую ортодоксальность, а ее чистота как науки постепенно размывается, хотя исторические исследования и ранее последовательно подвергались идеализации, а историческая наука давно стала элементом политической культуры.

Поэтому историческое знание перестает быть собственно знанием, подвергаясь последовательной идеологизации и политизации, что ведет к интеграции истории в число тех методов и средств, которые современные правящие элиты используют для решения своих задач в рамках укрепления легитимности тех или иных режимов и для формирования лояльности со стороны граждан в отношении групп, находящихся у власти. В этой ситуации, как правило, в центре внимания исследователей оказывается историческая память отдельных национальных государств. Между тем, в современном мире память подвержена постепенной и последовательной гетерогенизации. Поэтому развивается не только национальная память как синтетическая форма коллективной памяти, связанная с той или национальной идентичностью. Параллельно с ней сосуществуют, софункционируют и конкурируют другие формы памяти.

Цель и задачи статьи. Поэтому в центре авторского внимания в представленной статье будет монархизм как форма альтернативной исторической памяти. Целью автора в данной статье является анализ монархизма как исторической памяти в современной Бразилии. В число задач входит изучение особенностей восприятия прошлого в рамках современного бразильского монархизма, анализ стратегий идеализации монархического прошлого Бразилии и выявление перспектив развития монархической формы коллективной памяти в современном бразильском социуме.

Методология и методы исследования

В современной историографии памяти историческая политика воспринимается как государственно направляемая и контролируемая политическими элитами практика, направленная на формирование таких коллективных представлений о прошлом, которые в наибольшей степени соответствовали интересам правящих элит и соотносились с проводимой ими политикой. Общим местом в историографии стала тенденция максимально ограничивать состав участников исторической политики, которые в научной литературе обозначаются как «акторы» [Noël, 2011] или «агенты» [Winter, Prost, 2020]. Число последних, как правило, ограничивается политическими элитами [Bos, 2011] или лояльными им и зависимыми от них финансово и институционально представителями интеллектуального сообщества [Sá, 2005].

Вместе с тем современное общество отличается гетерогенным характером, который проявляется не только в социальных статусах и политических представлениях, но и в различном восприятии истории [Aumard, 2003]. Таким образом, отдельные социальные группы и политические движения могут быть не только выразителями и носителями национальной гражданской памяти [Schuman, Belli, Bischooping, 1998], но и могут иметь свои собственные мемориальные предпочтения [Klein, 2000]. Поэтому собственную память имеют не только нации и элиты, но политические институты, Церкви в христианских странах, умма в мусульманских государствах, что чревато превращением коллективных представлений о прошлом в пространства конфронтации и конфликтов [Ноеркен, 1999]. В целом, собственными коллективными памятьми обладают армия, полиция, специальные службы [Моогe, 2016].

Если такие формально «магистральные» акторы имеют свои памяти и связанные с ними мемориальные культуры, традиции коммеморации и актуализации коллективного исторического и политического опыта, то аналогичными формами представлений о прошлом могут обладать и разного рода миноритарные не только в этническом, но и политическом и идеологическом плане группы и сообщества [Cubitt, 2007]. Поэтому память современного общества гетерогенна, включая разные мемориальные культуры, степень актуализации, визуализации и представленности

которых в публичных и общественных пространствах может быть различной. В отношении современной коллективной исторической памяти Бразилии в качестве такой ее маргинальной формы, вероятно, может быть определена мемориальная культура монархизма.

Анализируя коллективные представления о прошлом современных монархистов, автор полагает, что они могут быть описаны и деконструированы через призму тех методов и теоретических подходов, которые в современной междисциплинарной историографии исторической памяти претендуют на универсальность. Поэтому представленная статья методологически основана на принципах современной междисциплинарной историографии [Barash, 2016]. Монархическая «проработка прошлого» анализируется, с одной стороны, через призму мемориального поворота, воспринимаемая не только как форма и тактика политического воображения и изобретения традиций, но и как конструкт [Landinez, 2022], институционализированный в рамках той политической альтернативы, которая актуализируется в рамках современного политического и идеологического дискурсов [Fagell-Banks, 2022].

С другой стороны, с точки зрения методологии, данная статья основана на принципах, предложенных в концептуальных рамках истории идей и интеллектуальной истории [Wiersma, 2009]. Применение последних позволяет воспринимать анализируемые монархические концепты прошлого в контекстах многочисленных, параллельно развивающихся, социокультурных, политических и идеологических конструктов [Neustadt, 1988], которые играют важную роль в функционировании современной идентичности на гражданском и этническом уровне.

Основная часть

Память о монархии: публичные пространства

Анализируя феномен коллективной памяти бразильского монархизма, во внимание следует принимать то, что она функционирует в двух формах. С одной стороны, монархическая память представлена в общественных пространствах Бразилии в форме наследия империи. С другой, современное монархическое политическое воображение, ограниченное идеологическим дискурсом сторонников монархии, также формирует альтернативную версию

исторической памяти. Память о монархии в публичных и общественных пространствах связана преимущественно с теми объектами, которые имеют отношение к династии Браганса. Эти пространства с определенной долей условности мы можем классифицировать как «места памяти».

С фигурой первого императора в пространствах современной Бразилии связана Императорская крипта в Ипиранге (*Cripta Imperial do Ipiranga*), на территории которой похоронены останки Педру I и его супруги Марии Леопольдины. Одним из таких пространств памяти является Императорский мавзолей (*Mausoléu Imperial*), расположенный в Петрополисе и открытый в 1939 г. при участии президента Жетулиу Варгаса. На территории мавзолея захоронены останки второго императора Бразилии Педру II, его жены Терезы Кристины, их дочери, принцессы Изабель, а также других членов императорской семьи. Мавзолей построен в неоготическом стиле, а его стены украшены росписями, которые визуализируют основные моменты истории Бразильской империи, связанные с правлением второго императора — от коронации до провозглашения республики и эмиграции. Уход за мавзолеем осуществляет Бразильское государство.

В этой ситуации республиканские власти фактически стали участниками исторической политики, стимулируя развитие альтернативной версии мемориальной культуры, основанной на монархической идентичности и визуализации имперского наследия. В Петрополисе расположен созданный в 1940 г. по инициативе Жетулиу Варгаса Императорский музей — крупнейшее пространственное место памяти, которое в публичных и общественных пространствах современной Бразилии актуализирует и визуализирует образы, связанные с наследием империи, включая мебель, документы, произведения искусства и личные вещи членов императорской семьи. В музее хранится политически и символически значимая корона Педру II. Пространственные формы памяти об империи ограничены территориально в то время, как нарративные и дискурсивные тактики и стратегии позволяют формировать и продвигать такие представления о монархии, которые могут более эффективно использоваться для формирования и укрепления альтернативной памяти и связанной с ней мемориальной культуры.

Положительная мифологизации монархии

В рамках современного монархического политического воображения в Бразилии предлагается уникальная версия исторической памяти. Монархизм в мемориальной культуре основан на последовательном продвижении положительного образа как Бразильской империи, так и правивших императоров. Современное восприятие прошлого в рамках монархизма представляет собой пример инструментализации истории, так как в современном мире «фактически нет недостатка в исторических свидетельствах, показывающих, что дискурсы коллективной памяти были присвоены политическими режимами, государствами и всеми видами социальных, политических и этнических групп для продвижения националистических, исключительных, авторитарных, расистских и других целей» [Schultze-Kraft, 2022: 52].

Монархическое видение истории вполне вписывается в такую модель проработки прошлого. Например, Педру I воспринимается как «конституционный император и бессменный защитник Бразилии»¹, в чем заметна попытка синтезировать ценности монархии и политического национализма. Анализируя феномен монархической коллективной памяти, во внимание следует принимать ее династическое измерение. Известно, что в Бразильской империи у власти находилась династия Браганса, которая в мемориальной культуре монархизма подвергается положительной мифологизации. В частности, утверждается, что «императоры Бразилии, а также величайшие короли Португалии были членами Светлейшего Дома Браганса, правившего с 1640 года и происходящего от короля Афонсу I, который в 1139 году основал Королевство Португалия»².

Кроме этого, подчеркиваются генетические связи между Браганса и Капетингами³, что ставит первых в число древнейших монархических династий в мире. Что касается двух императоров, то в современном монархическом историческом воображении формируется их исключительно положительный образ. Поэтому попытки монархического исторического воображения и формирование

¹ A Família Imperial. URL: <https://monarquia.org.br/a-familia-imperial/> (дата обращения: 10.04.2024).

² Ibid.

³ Ibid.

альтернативной мемориальной культуры отразили «стремление к альтернативе капиталистической модели и либерально-представительной демократии, ориентированной на партии» [Silveira Detoni, 2022], которые в значительной степени определяли основные векторы и траектории развития коллективной исторической памяти Бразилии на протяжении ее новейшей истории.

В отношении первого императора, Педру I, в заслугу которому ставится, что он «окончательно разорвал связи Бразилии с Португалией»⁴, указывается, что он «имел основательное классическое образование, полученное не формально из-за политических событий, а потому, что он был хорошим самоучкой. Он умел играть на фортепиано, флейте, фаготе, тромбоне, скрипке, кларнете, гитаре, лунду и клавесине, мастерски рисовал, занимался литографией и скульптурой»⁵. Центральным нарративом в монархическом воображении является то, что Империя была вполне современным и успешным государством, начало которому было положено Педру I, так как именно он «провозгласил политическую конституцию Бразильской империи, самую прочную бразильскую Великую хартию вольностей, гарантирующую гражданские свободы и политические основы нации с разделением властей... а в 1826 г. император, следуя конституционным предписаниям, учредил Палату депутатов — Императорский сенат и урегулировал процедуру выборов»⁶.

Подобная система в современной монархической памяти подвергается последовательной положительной мифологизации, воспринимаясь как идеальная модель⁷, которая противопоставляется «новаторству либеральной демократии XIX в.»⁸. В рамках монархической версии исторической памяти вокруг фигуры второго

⁴ Imperador D. Pedro I do Brasil. URL.: <https://monarquia.org.br/a-familia-imperial/arvore-geneologica/dom-pedro-i/> (дата обращения: 10.04.2024).

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ “Propostas básicas” com vistas à restauração da monarquia no Brasil. URL: <https://monarquia.org.br/monarquia-hoje/propostas-basicas/> (дата обращения: 10.04.2024).

⁸ Se a Monarquia é a melhor forma de governo, por que a maioria das nações prefere o sistema republicano? URL: <https://monarquia.org.br/monarquia-hoje/perguntas-frequentes/> (дата обращения: 10.04.2024).

императора — Педру II — формируется образ идеального правителя, для правления которого было характерно «добросовестное соблюдение императорской конституции 1824 года», что позволило «императора умиротворить нацию, гарантируя ее единство»⁹.

Мемориальная культура монархизма

Такая мемориальная культура не только основана на последовательной идеализации монархии, но отражает запрос и на критику республики, так как история последней «будет историей нападений на бразильский народ со стороны политических и экономических элит, которые всегда ставили свои идеологические, частные, региональные и семейные интересы выше национальных интересов» [Silveira Detoni, 2022]. Идеализация монархического прошлого в этом контексте не только является формой исторического воображения, но и попыткой сформировать альтернативную контрпамять и связанную с ней мемориальную культуру.

Эти процессы указывают на гетерогенность социума и на то, что формально миноритарные и маргинальные группы [Baumeister, Hastings, 1997], с точки зрения их политического влияния, оказываются не только относительно стабильными, но и достаточно адаптивными для формирования собственной контрпамяти. Несмотря на то, что некоторые историки настаивают, что «история должна быть старшим партнером, а память — младшим» [Rieff, 2016: 84], основными бенефициарами оказываются политики, которые свободны от академических формальных ограничений и предписаний, так как вольны инструментализировать историю, используя прошлое для решения политических задач.

В монархической версии мемориальной культуры особый акцент делается на том, что «во время второго правления империя процветала как никогда раньше. В тот период в стране была сильная экономика с внедрением новейших технологий и предпринимательства, с растущей промышленностью и крупным сельским производством... Из-за границы император импортировал новейшие технологии и инновации для своей процветающей империи, причем Бразилия была второй страной в мире, имеющей телефонную сеть,

⁹ Dom Pedro II. URL: <https://monarquia.org.br/a-familia-imperial/arvore-genealogica/dom-pedro-ii/> (дата обращения: 10.04.2024).

и второй страной, использующей почтовые марки»¹⁰. Подобная положительная мифологизация монархии в коллективной памяти свидетельствует не о реальном запросе на ее реставрацию, но скорее в таких обществах «сентиментальное стремление к монархии является реакцией на нынешние народные обиды, в частности на отсутствие стабильности, безопасности, свободы и экономических возможностей» [Bildt-de-Jong, 2017].

В рамках такой памяти «стабильность» и «гармония»¹¹ воспринимаются в качестве системных характеристик империи, а монархия в исторической памяти ее сторонников наделяется максимально положительными качествами, будучи «основанной на незыблемых принципах, обычаях, методов и потребностей жизни, которые всегда динамичны. Таким образом, существует постоянная адаптация между монархическим государством и политическим институтом, направленная на гармонию между монархией и народом»¹². Развитие в рамках мемориальной культуры именно таких образов империи не является случайным, так как бразильский социум испытывал явный дефицит позитивных образов истории, в то время как именно монархическое прошлое могло в определенной степени удовлетворить такой запрос.

Актуализация именно положительных и почти исключительно позитивных моментов в наследии монархии указывает на то, что современная версия монархической мемориальной культуры, как и другие формы коллективной исторической памяти, практикует тщательный отбор фактов, искусственно преувеличивая значение одних и последовательно игнорируя те, которые не могут быть интегрированы в формируемую ей модель памяти. Усилиями монархистов формируются позитивные образы и других представителей династии Браганса, которые, по их мнению, уже после 1889 г. внесли существенный вклад в развитие Бразилии.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Poder Moderador. URL: <https://monarquia.org.br/monarquia-hoje/regime-monarquico/> (дата обращения: 10.04.2024).

¹² Não representa a Monarquia algo de obsoleto, ou romântico, ou infantil, mais próximos às práticas da Idade Média? URL: <https://monarquia.org.br/monarquia-hoje/perguntas-frequentes/> (дата обращения: 10.04.2024).

В частности, в отношении внука Педру II — Луиша Марии Браганса — продвигается нарратив, согласно которому он был патриотом Бразилии и намеревался ее посетить в 1907 г., но «по прибытии на родину власти не позволили ему высадиться, что продемонстрировало незащищенность, которую чувствовала Бразильская республика спустя 18 лет после ее провозглашения. Поездка дон Луиша представляла собой большой успех монархической пропаганды и вызвала большой резонанс в столице... тысячи роялистов пришли на пристань, чтобы поприветствовать внука дон Педру II»¹³.

В этой ситуации монархическая версия коллективной памяти активно формирует и продвигает негативное восприятие республиканского исторического опыта, так как его системной характеристикой определяется коррупция¹⁴. Сам факт эмиграции воспринимается как «несправедливое и болезненное изгнание»¹⁵. В заслугу принцу ставится и то, что он «защищал федерализм, обязательную военную службу и улучшение качества жизни рабочих»¹⁶. В этом контексте коллективная историческая память актуализирует качества семейной или династической памяти. Так что нарративы, призванные сформировать и продвигать положительные образы династии Браганса, оказываются интегрированными в «большие нарративы» национальной истории, что содействует умеренной интеграции монархической памяти как альтернативной мемориальной культуры с доминирующими формами коллективной исторической памяти. Что касается другого представителя династии — Педру Энрики — то в отношении него подчеркивается, что он «всегда стремился получить

¹³ Dom Luiz de Orleans e Bragança, O Príncipe Perfeito. URL: <https://monarquia.org.br/a-familia-imperial/arvore-genealogica/d-luiz-de-orleans/> (дата обращения: 10.04.2024).

¹⁴ A República não luta pela melhoria de condições sociais? URL: <https://monarquia.org.br/monarquia-hoje/perguntas-frequentes/> (дата обращения: 10.04.2024).

¹⁵ Dom Luiz de Orleans e Bragança (1938—2022). URL: <https://monarquia.org.br/a-familia-imperial/dom-luiz/> (дата обращения: 10.04.2024).

¹⁶ Ibid.

наилучшую подготовку к служению Бразилии и бразильскому народу»¹⁷. В этой ситуации мемориальная культура современного бразильского монархизма актуализирует те родовые травмы, которые являются общими для политики памяти в целом. Именно поэтому идеологические факторы имеют решающее значение для формирования и развития коллективных представлений о прошлом, являясь источником и причиной многих стереотипов и односторонних интерпретаций исторических фактов, что характерно для различных версий исторической коллективной памяти, которые разделяются разными политическими группами современного бразильского общества, включая монархистов.

Выводы

Подводя итоги статьи, следует принимать во внимание ряд факторов, которые определяют основные векторы и траектории развития форм альтернативной мемориальной культуры и связанной с ней исторической памяти.

Монархисты в рамках культуры коллективной исторической памяти бросают вызов устоявшимся нарративам, республиканской историографии и связанным с ними культурам памяти, в основе которых принципы гражданского политического национализма. Поэтому исторические мифы коллективной исторической памяти республиканской политической модели подвергаются ревизии в рамках мемориальной культуры монархизма. Монархическую форму исторической памяти следует воспринимать как альтернативную контрпамять. Роль и значение таких культур памяти в современном мире маргинально. Монархистов можно отнести к маргинальной группе среди акторов исторической политики, так как их воздействие на основные векторы исторической памяти незначительно.

Монархические формы исторической памяти не только альтернативны, но и тесно связаны с развитием национализма, что может способствовать фрагментации политических культур памяти современных обществ. Альтернативные культуры памяти,

¹⁷ Dom Pedro Henrique de Orleans e Bragança. URL: <https://monarquia.org.br/a-familia-imperial/arvore-genealogica/d-pedro-henrique/> (дата обращения: 10.04.2024).

связанные с монархической идеологией, маргинальны, представляя собой уникальный вариант коллективной памяти, что указывает на пластичность интерпретаций прошлого в рамках идеологического дискурса. Все эти факторы подчеркивают важность и необходимость наиболее всестороннего и междисциплинарного исследования современной коллективной памяти монархизма как уникальной субкультуры, генерирующей альтернативные видения и понимания прошлого в странах, где доминируют республиканские формы идентичности и исторической памяти.

Список источников

- Aymard M.* Histoire et mémoire: construction, déconstruction et reconstruction // Diogène. 2003. № 201. P. 5—16.
- Barash J. A.* Collective Memory and the Historical Past. Chicago: University of Chicago Press, 2016. 280 p.
- Baumeister R. F., Hastings S.* Distortions of Collective Memory: How Groups Flatter and Deceive Themselves // Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives / eds J. W. Pennebaker, B. Rim, D. Paez. L.; N. Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 277—292.
- Bildt-de-Jong J. van de* Nostalgia for the Monarchy in Egypt // Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. 2017. March 14. URL: <https://dayan.org/content/nostalgia-monarchy-egypt> (дата обращения: 10.04.2024).
- Bos B. A.* Historical Memory and the Representation of History: Forging Connections Between National Historic Sites and Gender History // Conserveries mémorielles. 2011. № 9. URL: <https://journals.openedition.org/cm/836> (дата обращения: 10.04.2024).
- Cubitt G.* History and Memory. Manchester: Manchester University Press, 2007. 272 p.
- Farrell-Banks D.* Affect and Belonging in Political Uses of the Past. L.; N. Y.: Routledge, 2022. 190 p.
- Hoepken W.* War, memory, and education in a fragmented society: The case of Yugoslavia // East European Politics and Societies. 1999. Vol. 13, № 1. P. 190—227.
- Klein K. L.* On the Emergence of Memory in Historical Discourse // Representations. 2000. № 69. P. 127—150. doi: 10.2307/2902903.

- Landinez D.* El uso político de la historia. Una aproximación al discurso de la Revolución mexicana // *Polisemia*. 2022. Vol. 18, № 34. P. 30—47.
- Moore R. S.* Guest Historian's Footnote: Regaining the Army's Memory // *Army History*. 2016. № 101. P. 63—73.
- Neustadt R. E., May E. R.* Thinking in Time: The Uses of History for Decision-Makers. N. Y.: Free Press, 1988. 352 p.
- Noël P.-M.* Entre histoire de la mémoire et mémoire de l'histoire // *Conserveries mémorielles*. 2011. № 9. URL: <https://journals.openedition.org/cm/820>
- Bos B. A.* Historical Memory and the Representation of History: Forging Connections Between National Historic Sites and Gender History // *Conserveries mémorielles*. 2011. № 9. URL: <https://journals.openedition.org/cm/836> (дата обращения: 10.04.2024).
- Rieff D.* In Praise of Forgetting. Historical Memory and Its Ironies. New Haven; L.: Yale University Press, 2016, 160 p.
- Sá C. P.* As memórias da memória social // *Memória, imaginário e representações sociais* / ed. C. P. Sá. Rio de Janeiro: Museu da República, 2005. P. 63—86.
- Schultze-Kraft M.* Historical Memory and Its (Dis)contents // *Education for Sustaining Peace through Historical Memory*. L.; N. Y.: Palgrave Macmillan Cham, 2022. P. 37—61.
- Schuman H., Belli R. F., Bischooping K.* La base generacional del conocimiento histórico // *Memorias colectivas de procesos culturales y políticos* / eds D. Páez, J. F. Valencia, J. W. Pennebaker, B. Rimé, D. Jodelet. Bilbao: Universidad del País Vasco, 1998. P. 83—120.
- Silveira Detoni V. da,* O que faz o passado do Império do Brasil presente? Sentidos, historicidades e ativismo monárquico no ocaso da Nova República (2013—2021) // *Lusotopie. Recherches politiques internationales sur les espaces issus de l'histoire et de la colonisation portugaises*. 2022. Vol. XXI, № 2. URL: <https://journals.openedition.org/lusotopie/6186> (дата обращения: 10.04.2024). doi: 10.4000/lusotopie.6186.
- Wiersma J. M.* Politics of the Past: The Use and Abuse of History // *Politics of the Past: The Use and Abuse of History* / eds H. Swoboda, J. M. Wiersma. Wien: Renner Institut, 2009. P. 15—28.
- Winter J, Prost A.* Agents of memory: Witnesses and historians, 1918—2000: how did the memory of the First World War unfold over the course of the twentieth century? // *The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 173—192.

References

- Aymard, M. (2003), 'Histoire et mémoire: construction, déconstruction et reconstruction', *Diogène*, no. 201: 5—16.
- Barash, J. A. (2016), *Collective Memory and the Historical Past*, University of Chicago Press, Chicago, USA, Ill.
- Baumeister, R. F. and Hastings, S. (1997), 'Distortions of Collective Memory: How Groups Flatter and Deceive Themselves', in Pennebaker, J. W., Rim B. and Paez, D. (eds), *Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives*, Lawrence Erlbaum Associates, London; New York: 277—292.
- Bildt-de-Jong, J. van de (2017), 'Nostalgia for the Monarchy in Egypt', *Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies*, march 14, available at: URL: <https://dayan.org/content/nostalgia-monarchy-egypt> (Accessed 10 April 2024).
- Bos, B. A. (2011), 'Historical Memory and the Representation of History: Forging Connections Between National Historic Sites and Gender History', *Conserveries mémorielles*, no. 9, available at: URL: <https://journals.openedition.org/cm/836> (Accessed 10 April 2024).
- Cubitt, G. (2007), *History and Memory*, Manchester University Press, Manchester, UK.
- Farrell-Banks, D. (2022), *Affect and Belonging in Political Uses of the Past*, Routledge, London; New York.
- Hoepken, W. (1999), 'War, memory, and education in a fragmented society: The case of Yugoslavia', *East European Politics and Societies*, vol. 13, no. 1: 190—227.
- Klein, K. L. (2000), 'On the Emergence of Memory in Historical Discourse', *Representations*, no. 69: 127—150, doi: 10.2307/2902903.
- Landinez, D. (2022), 'El uso político de la historia. Una aproximación al discurso de la Revolución mexicana', *Polisemia*, vol. 18, no. 34: 30—47.
- Moore, R. S. (2016), 'Guest Historian's Footnote: Regaining the Army's Memory', *Army History*, no. 101: 63—73.
- Neustadt, R. E. and May, E. R. (1988), *Thinking in Time: The Uses of History for Decision-Makers*, Free Press, New York, USA, N. Y.
- Noël, P.-M. (2011), 'Entre histoire de la mémoire et mémoire de l'histoire', *Conserveries mémorielles*, no. 9, available at: URL: <https://journals.openedition.org/cm/820> (Accessed 10 April 2024).
- Rieff, D. (2016), *In Praise of Forgetting. Historical Memory and Its Ironies*, Yale University Press, New Haven; London.
- Sá, C. P. (2005), 'As memórias da memória social', in Sá, C. P. (ed.), *Memória, imaginário e representações sociais*, Museu da República, Rio de Janeiro: 63—86.

- Schultze-Kraft, M. (2022), 'Historical Memory and Its (Dis)contents', in *Education for Sustaining Peace through Historical Memory*, Palgrave Macmillan Cham, London; New York: 37—61.
- Schuman, H., Belli, R. F. and Bischooping, K. (1998), 'La base generacional del conocimiento histórico', in Páez, D., Valencia, J. F., Pennebaker, J. W., Rimé, B. and Jodelet, D. (eds), *Memorias colectivas de procesos culturales y políticos*, Universidad del País Vasco, Bilbao: 83—120.
- Silveira Detoni, V. da (2022), 'O que faz o passado do Império do Brasil presente? Sentidos, historicidades e ativismo monárquico no ocaso da Nova República (2013—2021)', *Lusotopie. Recherches politiques internationales sur les espaces issus de l'histoire et de la colonisation portugaises*, vol. XXI, no. 2, available at: URL: <https://journals.openedition.org/lusotopie/6186> (Accessed 10 April 2024), doi: 10.4000/lusotopie.6186.
- Wiersma, J. M. (2009), 'Politics of the Past: The Use and Abuse of History', in Swoboda, H. and Wiersma, J. M. (eds.), *Politics of the Past: The Use and Abuse of History*, Renner Institut, Wien, Austria: 15—28.
- Winter, J. and Prost, A. (2020), 'Agents of memory: Witnesses and historians, 1918—2000: how did the memory of the First World War unfold over the course of the twentieth century?', in *The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present*, Cambridge University Press, Cambridge, UK: 173—192.

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Информация об авторе / Information about the author

М. В. Курчанов — доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия.

M. V. Kyrchanoff — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional Studies and International Economies, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 26—52.

Intelligentsia and the World. 2024. No. 4. P. 26—52.

Научная статья

УДК [94(476):378]”1921/1941”

DOI: 10.46725/IW.2024.4.2

СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПЕРВОГО УНИВЕРСИТЕТА БЕЛАРУСИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ 1921—1941 гг.

Олег Антонович Яновский

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь,
helgoleg@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4238-0828>

Аннотация. На основе анализа с помощью историко-антропологического и просопографического подходов к многочисленным примерам разносторонних международных контактов ученых Белорусского государственного университета (БГУ) в 1921—1941 гг. выделены и систематизированы их главные направления и формы: творческие командировки профессорско-преподавательского состава в научно-образовательные центры СССР и за границу для повышения квалификации; участие ученых БГУ в научных мероприятиях в университетах и исследовательских институтах Запада; приглашение европейских коллег в Минск для участия в различных научных мероприятиях, в том числе во всебелорусских конференциях; востребованность публикаций белорусских авторов за рубежом и их публикационная активность в европейских журналах; приоритеты по отношению к преподаванию иностранных языков; пополнение библиотеки БГУ, государственной, иностранной литературой как путем прямого книгообмена, так и благодаря заинтересованному содействию со стороны многих представителей профессуры и преподавателей; зарубежная материально-финансовая помощь; фиксирование в учебных планах и программах дисциплин как по естественнонаучным, так и гуманитарным направлениям современных мировых тенденций подготовки специалистов.

© Яновский О. А., 2024

Отмечается, что конкретные научные связи основывались на личном авторитете того или иного белорусского ученого, а также на достаточно быстром росте авторитета всего коллектива БГУ. И хотя участие видных представителей коллектива БГУ в зарубежных научных форумах осуществлялось в том числе и в составе союзных делегаций, однако прежде всего подобные зарубежные контакты были обусловлены авторитетностью ученых БГУ как среди зарубежных, так и своих, советских, коллег. Сделан вывод, что становление и трансформация международного сотрудничества первого университета Беларуси проходили в сопряжении с постоянно изменявшейся внутренней и внешней общественно-политической ситуацией и в условиях доминирования властных установок.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет, международное сотрудничество, зарубежные научные командировки, зарубежная материально-финансовая помощь, научный авторитет

Для цитирования: Яновский О. А. Становление и трансформация международного сотрудничества первого университета Беларуси в общественно-политических условиях 1921—1941 гг. // Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 26—52.

Original article

FORMATION AND TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL COOPERATION OF THE FIRST UNIVERSITY OF BELARUS IN THE SOCIAL AND POLITICAL CONDITIONS OF 1921—1941

Oleg A. Yanovsky

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus,
helgoleg@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4238-0828>

Abstract. Based on an analysis conducted using historical, anthropological and prosopographical approaches to numerous examples of diverse international contacts of BSU scientists in 1921—1941 their main directions and forms are highlighted and systematized: creative business trips of teaching staff to scientific and educational centers of the USSR and abroad for advanced training; participation of BSU scientists in scientific events at universities

and research institutes of the West; inviting European colleagues to Minsk to participate in various scientific events, including all-Belarusian conferences; the demand for publications of Belarusian authors abroad and their publication activity in European journals; priorities in relation to teaching foreign languages; replenishment of the BSU library, both with state and foreign literature through direct book exchange, and thanks to the interested assistance of many representatives of the professoriate and teachers; foreign material and financial assistance; entering of modern world trends in the training of specialists in the curricula and programs of subjects in both natural sciences and humanities.

It is noted that specific scientific connections were based on the personal authority of one or another Belarusian scientist, as well as on the fairly rapid growth of the authority of the entire BSU team. Although the participation of prominent representatives of the BSU team in foreign scientific forums was carried out also as part of union delegations, such foreign contacts were primarily due to the authority of BSU scientists both among foreign and their own, Soviet, colleagues. It is concluded that the formation and transformation of international cooperation of the first university in Belarus took place in conjunction with a constantly changing internal and external socio-political situation and under conditions of dominance of power structures.

Keywords: Belarusian State University, international cooperation, foreign scientific trips, foreign material and financial assistance, scientific authority

For citation: Yanovsky, O. A. (2024), 'Formation and transformation of international cooperation of the first university of Belarus in the social and political conditions of 1921—1941', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 26—52 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Включенность БГУ в международное интеллектуальное сообщество на начало XXI в. неверно было бы расценивать лишь как результат современных усилий корпорации ученых и педагогов, руководства университета и страны. Уже первые «идеологи» Белорусского университета — Евфимий Федорович Карский, Митрофан Викторович Довнар-Запольский, Иван Романович Брайцев и другие — в своих проектах среди прочих важнейших атрибутов создаваемого учебно-научного заведения называли обязательный выход на международные контакты. С 1920 г. начинается деятельность на дипломатическом

поприще будущего первого ректора и создателя практических основ БГУ Владимира Ивановича Пичеты. В связи с советско-польской войной при Народном комиссариате иностранных дел РСФСР была организована комиссия специалистов для разработки вопросов об этнографическом составе отдельных территорий Литвы и Беларуси. В. И. Пичета вошел в ее состав как научный работник и секретарь. Результаты работы комиссии имели важное значение для установления новых литовско-белорусской и литовско-польской границ. Став ректором БГУ, Владимир Иванович проделал титанический труд, чтобы университет состоялся во всех характеристиках, присущих классическому университету.

В первую очередь налаживались связи с ведущими советскими университетами, которые являлись очевидной основой для решения кадровых проблем, оснащения первых факультетов минимумом учебно-научного оборудования и литературы. Здесь первостепенное значение имели связи с Московским и Ленинградским университетами, как и с Казанским, Киевским, Саратовским и другими. Но все же было понятным, что становление нового университета станет возможным только при условии, когда его профессора и доценты (и не только) смогут пополнять свои знания за счет новейших научных, методических, просто информационных потоков, столь бурно развивавшихся в Новейшее время на Западе — в европейских странах, в США и др. За 1920-е гг. ученые БГУ сотни раз посетили ведущие страны Европы, были и в США, работали в научных библиотеках, лабораториях, архивах, принимали участие в работе не только всесоюзных, но и крупных международных научных конференций, съездов, конгрессов.

Историография проблемы. Несмотря на очевидную актуальность проблемы, она до настоящего времени не получила всестороннего освещения в научной литературе. Лишь в последние годы сделаны некие попытки рассмотрения ее отдельных аспектов, главным образом в русле формирования научных школ россиеведения и украиноведения [Яновский, Меньковский, 2022: 51—63]. В 2023 г. в издательстве БГУ вышла книга, посвященная 100-летию университета, — «Научные школы БГУ в воспоминаниях и размышлениях профессоров» [Научные школы БГУ..., 2023]. В ней наряду с другими вопросами рассмотрен (достаточно кратко) аспект международного признания белорусских

научных школ и отдельных ученых в области математики, физики, радиофизики, химии, биологии, физиологии, социально-экономической географии, геотектоники, социологии, юриспруденции, филологии, истории. Правда, в большинстве очерков хронологические рамки представленного материала касаются рассмотрения послевоенного периода. Исключение составляет лишь представление международного аспекта в исследуемый нами период научных школ по физиологии, социально-экономической географии, почвоведению, юриспруденции, социологии, россиеведению, украиноведению и всеобщей истории.

Научный интерес для данной проблемы представляет вопрос организации научных командировок за рубеж. В настоящий момент опубликована лишь небольшая статья автора [Яноўскі, 2004], хотя предварительный обзор проблемы убеждает, что тема может быть исследована в объеме специальной монографии. И желательно ее писать в сотрудничестве с европейскими коллегами, так как значимый материал находится в тех институтах Европы, куда были устремлены белорусские ученые.

Постановка вопроса. В статье обобщены многочисленные примеры разносторонних международных контактов ученых Белорусского государственного университета в 1921—1941 гг., предпринята попытка их систематизации, выделены главные направления и формы этих отношений. Определены причины смены многообразных и активных международных отношений БГУ в 1920-е гг. и их практически абсолютного свертывания к началу следующего десятилетия.

Методология и методы исследования

В данном исследовании автор руководствовался принципами историзма, научной объективности, системности. Используются историко-антропологический и просопографический подходы, с помощью которых на примерах международных контактов белорусских ученых, проводивших исследования и преподававших в БГУ в 1920—1930-е гг., прослеживаются происходившие изменения в освоении тех направлений научных и образовательных составляющих, от которых зависели и их настоящий уровень, и перспективы ближайшего будущего.

Основная часть

С первых месяцев своей истории Белорусский государственный университет целенаправленно и осмысленно погрузился в научную жизнь Европы. Хотя чисто педагогические вопросы были предметом не столько заимствования, сколько сравнения движения молодой советской высшей школы со схожими процессами в зарубежных университетах.

Многочисленные примеры разносторонних контактов сотрудников БГУ требуют определенной систематизации и выделения основных из них. Во-первых, следует отметить просто некий феномен многочисленных научных командировок профессорско-преподавательского состава для повышения квалификации. Опираясь термином «профессорско-преподавательский состав», следует обратить внимание на то, что его дефиниция в 1920-е гг. имела иной смысл по сравнению с последующим периодом развития советской высшей школы и современным положением дел. На первых порах за основу были взяты образцы штатной дифференциации, свойственные высшей школе дореволюционной России. Так, в Императорском Санкт-Петербургском университете научно-педагогические кадры состояли из профессоров и «младших преподавателей» — доцентов, адъюнктов, приват-доцентов, лекторов, лаборантов, прозекторов и др. Можно однозначно говорить о том, что высшая школа «держалась» на профессуре, то есть тех, кто профессионально занимался наукой и ее органичным сопряжением с преподаванием [Иванов, 2013: 44]. Такое штатное деление было свойственно и рождавшемуся БГУ. И все категории «научных работников» пользовались правом быть командированными за рубеж.

В первые 7—9 лет деятельности БГУ подавляющая часть его работников смогла использовать возможности повысить свою квалификацию в Европе, вернуться в Минск и реализовать полученные знания и навыки на благо белорусской науки и высшего образования. Среди множества примеров, конечно, можно найти несколько случаев обратного свойства. Наиболее одиозно прозвучало на всех уровнях университета, во властных структурах невозвращение из зарубежной стажировки профессора-биолога В. В. Лепёшкина. Коллегия Народного комиссариата просвещения

(НКП) БССР посчитала «желательной» научную командировку за границу не только его, но и ассистента (и одновременно супруги) Е. А. Лепёшкиной с выдачей из средств НКП 200 млн рублей¹. Командирование осуществлялось при прямом содействии ректора, так как В. И. Пичета полностью доверял своему коллеге. Отъезд состоялся в сентябре 1922 г. с разрешением работать в зарубежных лабораториях до февраля 1923 г. Так что весь 1922/23 учебный год курс ботаники в университете не читался студентам медфака и педфака. В итоге эта командировка стала «притчей во языцех», так как Владимир Васильевич и его жена приняли решение остаться в Чехословакии.

И все же «невозвращенцами» были единицы. В целом многочисленные командировки в различные страны Европы были весьма плодотворными. В 1920-е гг. поездки для повышения научно-педагогического уровня были просто впечатляющими как по числу, так и по конкретным результатам для университета и всей БССР. В данном случае ограничимся приведением лишь некоторых примеров, извлеченных из архивных материалов и публикаций белорусской прессы. Последняя на протяжении чуть ли не десятилетия с гордостью информировала читателя о том, что сотрудники БГУ востребованы в Европе, имеют там очевидный научный авторитет среди коллег самых известных научных центров. И в этом не было ничего удивительного. Европейский уровень профессиональной квалификации первых профессоров (и не только БГУ) можно легко определить, обратившись к архивным документам, которые содержат детальные биографические данные на сотни имен. «Дела» 3-й описи 205-го фонда Национального архива Республики Беларусь содержат неперенные отсылки к фактам, что в дореволюционное время учеба и работа в ведущих российских университетах для каждого соискателя звания «научного работника», как правило, должны были сопровождаться европейской «шлифовкой» знаний. Никто не допускался к научной деятельности и преподаванию без такого уровня квалификации. Таковыми были философ В. Н. Ивановский, в 1900—1903 гг. стажировавшийся в Сорбонне; биолог

¹ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 6. Оп. 1. Д. 124. Л. 149 (далее: НАРБ).

А. С. Щепотьев, в начале XX в. работавший на биостанциях Норвегии, Индии, Цейлона, Египта, Италии, в Пастеровском институте в Париже и Гейдельбергском университете; культуролог И. Д. Сосис, окончивший в 1903 г. университет Берна; химик Л. З. Тир, окончивший высшие учебные заведения в Германии и Швейцарии и работавший в Физиологическом институте Берлина. Список этот достаточно долог². Рассказами о командировках за рубеж наполнены полосы центральных газет «Звезда», «Савецкая Беларусь», «Рабочий», «Чырвоная Змена» и др. Они не только подавали информацию, но и делали обобщения, подчеркивая несомненную органичную сопричастность белорусского высшего образования и науки с общемировыми тенденциями. Так, в мае 1926 г. сообщалось, что БГУ за последнее время укрепил связи с зарубежными научными учреждениями — Франции, Польши, Германии, Чехословакии, Японии и других стран, что в иностранных журналах печатаются статьи профессоров С. М. Рубашева, М. Б. Кроля, И. И. Замотина и других университетских профессоров³.

Среди десятков примеров особо можно выделить поездку летом 1925 г. профессора-физика Е. Е. Сиротина в Англию в уже тогда знаменитую на весь мир Кэвендишскую физическую лабораторию, которой руководил Э. Резерфорд. Там он в течение трех месяцев вникал в суть специальных методов исследования радиоактивных материалов [Назаренко, 2019: 99—116]. Тогда же декан медфака профессор М. Б. Кроль работал в клиниках Германии. А профессор Ф. О. Гаусман в Вене участвовал в конгрессе врачей. Его доклад вызвал огромный интерес ученого сообщества, о чем сообщали австрийские газеты, реакция которых немногим позднее отразилась в белорусской прессе⁴. Осенью 1927 г. в БГУ были уточнены зоны ответственности деканатов всех факультетов. Было установлено, что изначально на факультетах определяется правомерность «командировки как внутри СССР, так и за границу»⁵. На этот год медицинский факультет выдвинул 6 своих профессоров в качестве кандидатов для длительных зарубежных

² НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3603. Л. 249—259.

³ Звезда. 1926. 20 мая; Савецкая Беларусь. 1926. 20 мая.

⁴ Звезда. 1925. 25 окт.

⁵ НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2755. Л. 1.

командировок в Германию, Австрию, Францию. При этом, как аргумент, было указано, что профессора М. Б. Кроль, А. К. Ленц, П. А. Мавродиади, С. М. Рубашев, Б. Я. Эльберт, ассистенты К. Л. Левенберг, Е. Л. Маршак и другие недавно напечатали свои работы в зарубежных изданиях на немецком и французском языках. Также медфак отдельно представил пятилетний план командирований за рубеж 28 своих сотрудников⁶. В общем списке поданных заявок от вузов БССР на 1927/28 учебный год БГУ запросило у НКП командировки для 33 своих сотрудников, в том числе ректора. Годом ранее от университета были командированы 10 профессоров, 1 доцент и 4 ассистента, а на 1928 г. запланировано отправить за границу 15 профессоров, 9 доцентов и 7 ассистентов⁷. Тогда, в эти переломные годы, все еще крепла атмосфера некоей эйфории самостоятельного определения перспектив в науке и образовании, когда задуманное интеллектуалами, хотя и с чиновничьим сопротивлением, чаще всего реализовывалось.

Здесь стоит обратить внимание на то, что «плановость» в этом деле выходила на первое место — без представления в НКП БССР своего плана к концу текущего года можно было вообще лишиться права на командирование. Знаменательно, что у БГУ было самое серьезное отношение к соблюдению всех норм и предписаний. Когда в ноябре 1927 г. из наркомата поступило замечание о непредставлении плановых цифр по зарубежным командировкам, Правление университета обратило внимание на то, что все кандидатуры прежде должны быть внимательно обсуждены в предметных комиссиях, в деканатах, а затем только представлены на рассмотрение в Правление. Эта процедура потребовала времени, поэтому только к 1 декабря запрашиваемый план будет сверстан и предоставлен в НКП⁸.

В начале 1928 г. был однозначно определен важнейший принцип при рассмотрении заявок на зарубежные командировки — важность для государства. К нему добавились «целесообразность» и «продвижение выдвиненцев из молодежи». Коллегия НКП БССР

⁶ Там же. Л. 29, 42—49.

⁷ Там же. Ф. 701. Оп. 1. Д. 56. Л. 69.

⁸ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 267. Л. 22, 378.

2 февраля 1928 г. утвердила «Правила командирования Главнаукой НКП БССР научных работников для усовершенствования научной квалификации». Теперь в Главнауку Правление должно было представлять не только документы кандидата на командировку по установленной форме, но и «точные характеристики со стороны его научной и общественно-политической значимости»⁹.

Отметим, что на 1928-й г. уже далеко не все получали разрешение на командировки, как и некоторые суммы на их обеспечение. По-прежнему еще оставались возможности для поездок за рубеж «старой профессуры», хотя она все больше и больше раздражала власть своим замедленным пониманием бурно происходивших изменений по всем направлениям советской действительности. «Политическая физиономия» того или иного ученого и раньше прималась в расчет при определении, кому ехать, а кому не ехать за границу. Так, в 1928 г. В. И. Пичета смог уехать в Варшаву и Прагу для работы в архивах только за свой счет. Как и профессор-юрист М. О. Гредингер — для изучения «хозяйственного права Запада», а доцент-философ Б. Э. Быховский — для исследований по социальной психологии. Перечень примеров и на этот по сути переломный год в развитии данной важной формы международного сотрудничества БГУ с иностранными научными центрами значителен, что можно расценивать с точки зрения все еще не «закрывшихся дверей» в общении с буржуазным миром.

Пока заканчивались 1920-е гг. заинтересованный белорусский читатель из газетных публикаций мог по-прежнему узнать не только о фактах многочисленных зарубежных командирований ученых БГУ, но и конкретику их результативности. Так, сообщалось, что ранней весной 1929 г. из двухмесячной научной командировки в Берлин, Прагу и Вену вернулся доцент Иосиф Михайлович Старобинский. За рубежом он изучал работу одонтологических клиник, выступал с докладом «Одонтология и одонтологическое просвещение в СССР»¹⁰ (одонтология — наука, изучающая строение, вариации и эволюцию зубочелюстной системы. — *О. Я.*). Несомненная научная квалификация университетского медика, его

⁹ Там же. Л. 135.

¹⁰ Звезда. 1929. 8 сакавіка.

известность в кругах зарубежных коллег определили его избрание членом международной одонтологической академии в Вашингтоне¹¹. Как правило, конкретные научные связи основывались на личном авторитете того или иного белорусского ученого, а также на достаточно быстром росте авторитета всего коллектива БГУ. Но и в данном случае реализация этих связей в большинстве случаев происходила через командировки.

А в это время уже набрала мощь кампания по избавлению от «старой профессуры», о чем с упоением вещали республиканские газеты. Среди прочих публикаций можно назвать статью с характерным названием «В наступление на идеологическом фронте» за авторством Р. Эпштейна и Н. Коноплина¹². Вскоре смысл деятельности вузов и в том числе БГУ был определен в контексте лозунга, брошенного новым ректором И. П. Кореневским в одной из своих газетных публикаций — «За форсированную подготовку пролетарских кадров!»¹³. Так что заниматься «международным вектором» было уже и опасно, и незачем. Тем более что этот вектор сам радикально менялся, так как Советский Союз определял свои приоритеты в новой расстановке сил на международной арене, сосредотачивал усилия на построении социализма «в одной отдельно взятой стране». Из прежней устремленности БГУ на контакты с зарубежными коллегами, к постижению научных и педагогических новаций очень быстро почти ничего не осталось. Лишь робко в учебных планах разрушаемого гуманитарного образования (вместо полноценного педфака короткое время в университете внедрялся так называемый «заочный педфак») в начале 1930-х гг. смотрелись дисциплины «история Запада», «история Западной Европы», которые читались в пределах 1848—1871 революционных для Европы лет¹⁴. Таким образом, феномен многочисленных научных командировок проявился практически на протяжении всех 1920-х гг., а затем вмиг сошел на нет на рубеже 1930-х гг. И в последующее десятилетие вообще превратился в настоящий жупел — веский аргумент

¹¹ Там же. 2 листопада.

¹² Там же. 28 верасня.

¹³ Рабочий. 1930. 12 дек.

¹⁴ НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3494. Л. 107 об., 108.

в обвинениях от преклонения перед собирательным «буржуазным Западом» до работы на разведки «враждебных стран».

Одним из важных аспектов международных связей университета следует признать достаточно значимую материально-техническую и финансовую помощь, которая оказывалась БГУ в начальный период его деятельности зарубежными фондами — «Джойнт» — «Американский еврейский объединенный распределительный комитет» (англ. — *American Jewish Joint Distribution Committee*, сокр. JDC) и АРА — Американская администрация помощи (англ. — *American Relief Administration*, сокр. АРА), а также частными лицами. Следует заметить, что эта помощь официальными властями воспринималась неоднозначно¹⁵. Но уж слишком положение было сложным.

На конец 1922 г. ректор БГУ В. И. Пичета констатировал, что «существование университета поддерживается случайными ассигнованиями». Это подтверждал и декан медфака М. П. Соколовский, указывавший на неоценимую помощь не только Президиума ЦИК ССРБ и Наркомздрава республики, но и АРА, которая помогла в оснащении химической и фармакологической лабораторий оборудованием¹⁶. В докладной по медфаку (ее подписал профессор-зоолог А. В. Федюшин) среди прочих обстоятельств, осуществленных за год (на лето 1922 г.), указывалось на помощь АРА в оборудовании нескольких лабораторий медфака¹⁷. Чуть позже, в декабре 1923 г., Правление БГУ и лично новый декан медфака М. Б. Кроль выразили благодарность директору распределительного комитета «Джойнт» доктору А. Брамсону за помощь в 5 тыс. долларов для оборудования нервной клиники. Кроме того, М. Б. Кроль благодарил персонально ее московских «директоров» — Б. Д. Богена (с 1920 г. — руководитель европейского отделения «Джойнт». — *О. Я.*) и И. Б. Розена (в 1921—1924 гг. представитель «Джойнт» в АРА. — *О. Я.*)¹⁸.

¹⁵ *Ботвинник М.* Первые шаги Джойнта в Беларуси. URL: <http://jewishfreedom.org/page625.html> (дата обращения: 04.03.2022).

¹⁶ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.

¹⁷ Там же. Д. 25. Л. 8.

¹⁸ Савецкая Беларусь. 1923. 1 лістапада; НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 121. Л. 90; Д. 80. Л. 75.

Институту нормальной анатомии БГУ, который возглавлял профессор С. И. Лебёдкин, АРА предоставила различные реактивы, резиновые халаты, скальпели, шприцы и другое так необходимое оборудование. Столь же благодарны были АРА кафедра фармакологии и кафедра фармации, лаборатория неорганической химии (ее возглавлял профессор Б. М. Беркенгейм), кафедры аналитической (профессор А. С. Усов) и биологической химии (профессор А. П. Бестужев), которым эта организация пожертвовала «ценный дар в виде реактивов, лекарственных веществ, центрифуги и др.», 40 кг семидесяти химических реактивов, эмалированную посуду, химические весы, полотенца, мыло и т. д.¹⁹ В декабре 1925 г. в БГУ поступило 10 микроскопов, полученных из-за границы. Сами университетские профессора нашли компромиссное решение по их распределению: 2 — для рабочего факультета, 7 — для педагогического и только 1 (как ни странно) для медицинского²⁰.

Вся процедура взаимоотношений в контексте получения той или иной помощи от американских благотворительных организаций достаточно быстро стала определяться нормативными правилами. Так, 5 апреля 1924 г. в связи с установленным Наркомфином БССР требованием о собственноручной расписке получателя президиум медфака сообщал в БелКУБУ (Белорусская комиссия по улучшению быта ученых) (О БелКУБУ см.: [Шевчук, 2017]) подтверждение о получении от «Джойнт» в «бесплатное пользование» пишущей машинки «Ремингтон». Немногим позднее, в марте 1925 г., университетский Институт социальной гигиены от этой же организации получил полную коллекцию таблиц-копий ведущего специалиста по социальной и коммунальной гигиене, демографии и геронтологии, ленинградского профессора З. Г. Френкеля, детская клиника — микроскоп, глазная — комплект оборудования²¹. Информирование и контакты БГУ с БелКУБУ объяснялись тем, что благотворительные фонды обязаны были оказывать помощь через эту советскую организацию, а не напрямую, как это было изначально. Даже продуктовые комплекты для профессуры шли таким путем.

¹⁹ НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 261, 263.

²⁰ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 169. Л. 103.

²¹ Там же. Д. 178. Л. 21, 43; Д. 126. Л. 70.

Более прозаично, но абсолютно важно было то, что «Джойнт» и АРА оказывали прямую помощь в обеспечении студентов и преподавателей питанием. Нельзя забывать, что в начале 1920-е гг. разразился чудовищный голод в Поволжье, куда были устремлены основные потоки помощи названных благотворительных организаций. Однако и в советской Беларуси проблемы с продуктами были острыми, хотя и не столь катастрофичными. Вопросами распределения продуктов, направляемых в адрес БГУ, занималось его Правление. Например, 10 мая 1922 г. на заседании слушался вопрос о предоставлении «Американской администрацией помощи России» 50 продуктовых посылок для профессоров и преподавателей. Вопрос докладывал «правая рука» ректора профессор-социолог С. З. Каценбоген²². Та же АРА, как сообщала центральная пресса республики, в начале 1923 г. предоставила продукты для студенческой столовой. Затем на средства организации осенью этого же года была открыта новая студенческая столовая — вторая в БГУ.

Так в условиях поствоенных и революционных потрясений, повлекших колоссальные траты людских и материальных ресурсов, в условиях отстраивания новых общественных отношений и первой белорусской государственности Белорусский государственный университет набирал необходимые для полноценной деятельности материальные и интеллектуальные кондиции. В этом зарубежная помощь была и своевременной, и необходимой, и внесшей очевидную лепту в создание первого университета Беларуси.

О несомненной включенности университетских ученых в контекст научных проблем, которыми занимались их зарубежные коллеги, доказывают многочисленные публикации, доклады на заседаниях университетских Научного общества (НО), Общества истории и древности и Краеведческого общества, публичные лекции и специальные научно-общественные мероприятия, которыми в 1920-е гг. буквально жил не только БГУ, но весь Минск и вся республика. Обществоведы и историки, естественники и математики чутко откликались на различные события, происходившие в мире науки, устраивали обсуждения творческих достижений и наследия зарубежных ученых, собирали залы, где выступали с докладами

²² Там же. Д. 10. Л. 9.

о последних новостях из мира науки и т. д. Сложно в данном тексте назвать десятки подобного рода примеров: от докладов на заседании НО о роли нидерландского физика-теоретика Х(Г)ендрика Лоренца в теории относительности или немецкого математика и педагога Феликса Христиана Клейна в неевклидовой геометрии до метапсихологии австрийского психолога и психиатра Зигмунда Фрейда или «О местонахождении и происхождении германцев» (De origine et situ Germanorum) древнеримского историка Публия Корнелия Тацита; от аграрных реформ на Западе в XIX в. до подробного рассмотрения научного наследия трагически умершего в 1926 г. австрийского зоолога Пауля Каммерера; от освещения путей решения рабочего вопроса и проблемы охраны труда в капиталистической Европе до рассмотрения отображения социальных условий в творчестве французского живописца Гюстава Курбе и т. д. Правление БГУ на своих заседаниях принимало соответствующие решения о проведении подобного рода мероприятий, как, к примеру, 13 октября 1926 г. по предложению В. И. Пичеты было решено совместно со студенчеством собрать торжественное заседание, посвященное памяти профессора П. Каммерера, известие о самоубийстве которого потрясло белорусских ученых²³. В иностранных докладах и кратких выступлениях, в дискуссиях и научных статьях, иных формах изложения сути вопроса, что требовало глубоких профессиональных знаний, постоянного отслеживания текущих научных событий в Европе, отмечены практически все профессора и многие преподаватели БГУ 1920-х гг. Так, если С. З. Каценбоген в 1923 г. в НО сделал доклад об интерпретации большевизма в западноевропейской литературе, то его коллеги-обществоведы детально рассмотрели мировоззрение немецкого историкософа и публициста Освальда Шпенглера. Если математик К. М. Годыцкий-Цвирко представил коллегам новинки германской физико-математической литературы, то университетские медики посвятили заседание научному наследию Луи Пастера²⁴. В данном случае нет необходимости давать многочисленные ссылки на те или иные источники информации. О ритме научной жизни университета регулярно информировали почти все республиканские газеты,

²³ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 222. Л. 7.

²⁴ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 266 об., 267.

подробные отчеты и текущие сообщения публиковались в каждом из номеров университетского научного сборника «Труды БГУ». Можно лишь подчеркнуть, ссылаясь на отчет БГУ в Мингорисполком от 14 ноября 1923 г.: «В своем быстром росте Белорусский государственный университет выделился из ряда провинциальных вузов, приближаясь к типу столичных»²⁵.

О развитии международных связей свидетельствует также публикационная активность университетских интеллектуалов, когда их работы, напечатанные в белорусских и союзных изданиях, были востребованы за рубежом, а немало научных текстов писались специально для издания в европейских журналах. Постановлением ЦИК и СНК БССР от 6 декабря 1924 г. со ссылкой на постановление президиума ЦИК СССР от 3 октября этого года о порядке обмена выходящими в СССР изданиями с иностранными государствами, признавшими СССР, обмен ведомственными изданиями возлагался на Белорусскую книжную палату при Государственной и университетской библиотеке. Но палата должна была согласовывать обмены с Бюро книгообмена при Комиссии заграничной помощи при президиуме ЦИК СССР²⁶. Так что не всё в этой части зарубежных контактов было просто и доступно, оперативно и эффективно. Тем более что белорусские издания в скором времени стали оцениваться со всех сторон на предмет их не столько научной значимости, сколько соответствия далеко еще не устоявшимся марксистским постулатам и позиционированию белорусов среди советских народов-соседей. Здесь уместно привести пример зловключений уникального для Беларуси первого учебника Николая Азбукина «Географія Эўропы» («География Европы»). Он был издан в 1924 г., но уже 13 февраля 1926 г. НКП БССР запретил его использование в учебных заведениях республики, хотя еще в 1921 г. был заказан автору наркоматом²⁷.

Белорусские центральные газеты регулярно помещали информацию и пространные очерки о значимости и даже прорывах белорусской науки на «международном фронте», то есть в контактах с зарубежными партнерами. Так, в который раз

²⁵ Там же. Л. 303.

²⁶ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 28. Т. 2. Л. 250.

²⁷ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 212. Л. 14.

в 1927 г. отмечалось, что в последнее время БГУ укрепил свои связи с зарубежными научными учреждениями, особенно польскими. Университет выслал свои издания Краковской академии наук (Akademia Umiejętnosci), в Научное общество им. Т. Г. Шевченко во Львов, в Историческое общество во Львове (Towarzystwo Historyczne we Lwowie) и Варшавское общество любителей истории, в Виленскую публичную библиотеку. В свою очередь, Варшавский университет прислал в БГУ несколько «студенческих диссертаций», а Познанский университет — свой отчет за 5 лет работы. Через Всесоюзное общество культурных связей с границей были получены издания Института Восточной Европы в Бреслау, а Вашингтонский институт Карнеги сообщал, что выслал в Минск 146 книг, главным образом по биологии и медицине. Сам же БГУ на это время выписывал из-за границы около 200 журналов и, в свою очередь, разослал вузам США и иным зарубежным научным учреждениям более 100 экземпляров своих изданий²⁸.

Вот только само присутствие иностранных ученых в аудиториях БГУ было скорее исключением, чем правилом. Примеры такого рода единичны. Например, в медсекции НО БГУ 14 июня 1928 г. был прочитан научный доклад приват-доцентом из Германии Вальтером Арндтом на тему изучения зоба («Вывучэньне вальлёвай хваробы і яго заданьні», «Изучение клапанных пороков и их задач») [Хроніка мэдыцынскага факультэту БДЗУ, 1930: 258]. Этот немецкий зоолог и врач в годы Первой мировой войны познал злоключения в сибирском плену, после 1917 г. приезжал в Советскую Россию с благотворительными и научными целями, а в 1928 г. представлял в Минске Международное общество по изучению зоба. Он прибыл в советскую Беларусь, заинтересовавшись публикациями в журнале «Беларуская мэдычная думка» («Белорусская медицинская мысль») о заболеваемости эпидемическим зобом. В 1944 г. он был казнен фашистами.

Как ни странно, но в условиях преддверия свертывания зарубежных контактов БГУ в Минск устремились несколько выдающихся европейских ученых. Их приезд произвел очевидный политический и общественный фурор. Так, в начале 1928 г. из Чехословакии, оставив в Праге кафедру, приехал Николай

²⁸ Звезда. 1927. 13 янв.

Николаевич Дурново — разносторонний филолог, ставший вскоре одним из первых академиков Белорусской академии наук (БАН). На это его решение повлияли различные факторы, а также настойчивые уговоры коллег и в особенности В. И. Пичеты. Нельзя не отметить и обстоятельства личного характера, когда после голодного Саратова и неприветливой Москвы ученый оказался в Чехословакии в качестве «невозвращенца», без семьи и постоянной работы [Ершова, 2017: 146]. Весной же 1929 г. республиканские газеты информировали читателя, что в Минск приехал на постоянную работу в БГУ и БАН австрийский ученый, доктор философии, профессор Целестин Леонович Бурстин. В скором времени он приказом ректора БГУ был назначен заведующим физико-техническим отделением педфака (с 15 февраля 1930 г.). Этот выдающийся математик до 1936 г. читал разные математические дисциплины, среди которых своей уникальностью выделялся курс теоретической математики²⁹.

Обстоятельства вынудили сменить Берлин на Минск одного из ближайших учеников и коллег великого Альберта Эйнштейна — профессора Якова Пинхусовича Громмера. Он родился в белорусском Бресте, однако как ученый состоялся в Европе. Кстати, этот великий математик для БГУ стал своеобразным проводником в общении белорусских ученых с мировым гением. Не удивительно, что в мае 1929 г. физико-математическая секция Научного общества университета послала в Берлин приветственную телеграмму Альберту Эйнштейну по случаю его 50-летия, тем самым как бы продемонстрировав свою близость с ним, общение «накоротке»³⁰. Математик с мировым именем проработал в БГУ очень короткий срок: Я. П. Громмер умер 11 апреля 1933 г. Причиной его смерти газета «Рабочий» уже на следующий день назвала «менингит».

Естественная кончина математика, возможно, избавила его от тяжелой участи коллег, опрометчиво решившихся на переезд из Западной Европы в советский Минск. Н. Н. Дурново, Ц. Л. Бурстин, как и многие другие ученые и преподаватели хоть сколь-нибудь контактировавшие в 1920-е гг. с зарубежными

²⁹ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 375. Л. 82.

³⁰ Рабочий. 1929. 28 марта.

учебными и научными институциями, оказались под «карающим молотом» репрессий второй половины 1930-х гг.

С самого начала работы БГУ его библиотека пополнялась различными путями. Когда в 1922 г. вслед за первым вышел второй, сдвоенный, номер научного сборника «Труды БГУ», редколлегия с гордостью информировала читателя, что «первый номер “Трудов Б.Г.Ун.” был сочувственно встречен старшими собраниями нашего молодого университета», многие учебные заведения России и зарубежья (например, Оксфордский и другие университеты) предложили обмениваться с БГУ научными изданиями. Среди различной литературы в библиотеке особое место занимали книги на иностранных языках. Пополнению этого фонда Правление придавало особое значение, считая, что без нее «серьезная научная работа совершенно немыслима». Поэтому в тяжелейший 1922/23 учебный год университет ассигновал на приобретение книг за рубежом (главным образом в Германии) 500 долларов, а 1664 тома «беллетристики на иностранных языках» были получены от НКП БССР [Каценбоген, 1923: 43, 45].

Вначале у РСФСР испрашивались разрешения о праве отсылки за границу научных изданий, которыми располагал университет. Например, такое разрешение Главнаука при Академцентре НКП РСФСР направила в Правление БГУ 10 мая 1924 г.³¹ Подобные разрешения выдавал и СНК БССР, о чем информировались зарубежные партнеры БГУ. Со ссылкой на постановление СНК от 16 января 1923 г. в июне 1924 г. библиотека недавно созданного (в 1919 г.) университета имени Коменского в Братиславе (словацк. — *Univerzita Komenského v Bratislave*) обратилась к руководству белорусского медфака с предложением выслать свои журналы на чешском языке, имеющих резюме на английском и французском языках, — в первую очередь «Братиславский медицинский вестник» (*Bratislavský zdravotní bulletin*). Вместе с тем была выказана просьба назвать для обмена свои издания³². Можно предположить, что чешских гуманитариев в скором времени заинтересовала вышедшая в Минске книга университетского искусствоведа Н. Н. Щекотихина

³¹ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 126. Л. 70.

³² Там же. Л. 115.

«Гравюры і кніжныя аздобы ў выданнях Францішка Скарыны» («Гравюры и книжные украшения в изданиях Франциска Скорины»). Автор с первых страниц акцентировал внимание читателя на том, что совершенство изданий белорусского первопечатника во многом объясняется его европейской выучкой, но с очевидным привнесением «пэрсональнага густу Скарыны» [Шчакаціхін, 1926: 8].

Неким олицетворением международной устремленности «раннего БГУ» можно считать создание в его структуре (одними из первых) кабинетов всеобщей истории и «новых языков», которые в те годы играли роль соответствующих кафедр, прежде всего в научном плане. А все вопросы преподавания «новых языков» (так в традициях императорских российских университетов назывались основные европейские языки в противоположность «древним» — латыни и греческому) рассматривались на заседаниях особой предметной комиссии, которая стала действовать в числе первых пяти подобных. В этих комиссиях, по сути, решались не только методические и организационные вопросы, но через них в обязательном порядке проходили все кадровые³³. Кабинеты и лабораторные библиотечки пополнялись «профильной» литературой в большинстве своем за счет связей преподавателей с европейскими университетами и библиотеками, когда из командировок они привозили немалое количество книг, заключали договоренности о присылке в Минск по почте книжных новинок. В том же кабинете всеобщей истории на 1924 г. числились 464 книги, а двумя годами ранее в библиотеке лаборатории физики среди прочих книг имелось «18 томов немецких книг». Поэтому вполне естественным с первых дней работы БГУ было то, что практические занятия студенты выполняли на основе подобного рода литературы. Например, «Краткого практического курса растительной гистологии для начинающих» профессора-ботаника Боннского университета Эдуарда Адольфа Страсбургера. Это «руководство для самостоятельного изучения микроскопической ботаники» было издано в Москве в далеком 1886 г. Его и сегодня можно купить на интернет-аукционах не только как букинистическую редкость, но и авторитетное научное пособие.

³³ Там же. Д. 10. Л. 54.

Как бы наука, в том числе ее зарубежный вектор, не олицетворяла сущностные характеристики БГУ, но все же учебный процесс, подготовка всевозможных специалистов для народного хозяйства изначально являлся главным его предназначением. Разумеется, некоторые лекционные дисциплины, внесенные в учебные планы факультетов, имели прямую сопряженность с зарубежьем. Это курсы зарубежной истории и географии зарубежных стран. Наиболее всего и зарубежная, и общекультурная составляющие в подготовке белорусских студентов были воплощены через преподавание иностранных языков. Языковая подготовка выглядела неотъемлемой частью общей характеристики тогдашнего уровня преподавательских кадров: все профессора, доценты, ассистенты и прочие сотрудники владели несколькими иностранными языками. В силу того, что на сегодняшний день нет сколь-нибудь пространных исследований по проблеме преподавания в университете иностранных языков и мало кому известны имена первых «лекторов»-преподавателей, назовем основные вехи и найденные в архивных делах имена. Уже 18 марта 1922 г. Правление БГУ утвердило оклады 9 «лекторов новых языков», как в то время называли современные европейские иностранные языки [Каценбоген, 1922: 330]. Среди прочих неким образцовым по своей биографии и квалификации можно считать Георга Эмильевича Пецольда. Этот уроженец Дрездена, немец по национальности, получил свое образование на родине, но уже с начала XX в. работал учителем немецкого языка в России. В военные годы и годы революций его занесло сначала в Поволжье, потом вернуло на запад России — преподавал в Минске в железнодорожной школе. С сентября 1922 г. он стал преподавателем БГУ, имея к этому времени пару публикаций, которые затем преумножил и даже стал соавтором статьи совместно с наркомом просвещения республики А. В. Балицким — «Арганізацыя народнае асьветы ў Нямецчыне» («Организация народного образования в Германии»). В августе 1926 г. был командирован в Берлин на «Педагогическую неделю для иностранцев», где выступил с докладом, напечатанном в местном журнале «Sozialistischer Erzieher» («Социалистический педагог»). Весной 1931 г. он назван в постановлении секретариата ЦК КП(б)Б как руководитель семинара по немецкому языку сектора подготовки

кадров Института истории партии³⁴. А до этого в БГУ вел курсы немецкого языка с ординаторами медфака, которые сами оплачивали ему за проведенные занятия, используя также финансовую поддержку со стороны «Секции научных работников» и Правления университета.

В первый год работы БГУ иностранные языки также преподавали: французский — Луиза Евгеньевна Буржуа, Берта Исааковна Портнова, Клара Осиповна Полоновская; немецкий — Христофор Христофорович Прейсберг, Эсфирь Мироновна Сегаль, Масальская (она преподавала только один год); английский — Лидия Яковлевна Сыркина. Изучались студентами на соответствующих отделениях польский и идиш, которые тогда были государственными и не считались иностранными. Хотя в скором времени польский язык в силу изменившихся политических обстоятельств таковым станет. Эти «новые языки» составили лингвистическую предметную комиссию на факультете общественных наук. Примечательно, что все «лектуры по древним и новым языкам» в своей известной «Университетской летописи» Ф. Ф. Турук указал как «заполненные местными преподавательскими силами» уже к началу работы БГУ [Турук, 1922: 204].

Для укрепления возможностей постижения иностранных языков студентами 9 апреля 1931 г. был создан кабинет иностранных языков. Одной из особенностей включенности БГУ в контекст зарубежных контактов была его политически-идеологическая заангажированность, когда советскому вузу требовалось уже с первых дней деятельности отображать реакцию научного сообщества на те или иные события, происходившие в условиях практически всеобщей агрессивной политики «буржуазного мира» по отношению к СССР. А тем более отстаивать право на свою деятельность как советского университета. Та же зарубежная пресса на протяжении 1921 — начала 1922 г. «с большим вниманием», но весьма нелицеприятно и даже недоброжелательно подавала информацию о сложном становлении БГУ. Об этом руководство университета в специальной докладной записке информировало СНК БССР. Доказывалось, что несмотря на все сложности БГУ должен и далее развиваться во имя «культурно-экономического и национального возрождения

³⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 8. Д. 25. Ч. 2. Л. 211.

Белоруссии», а всякое умаление начатого дела будет иметь «гибельное последствие»³⁵.

Собственно, до 1930 г. реакции на события, происходившие на международной арене, БГУ выражал посредством разных «воззваний» и «деклараций», которые от имени коллектива университета публиковали республиканские газеты. К удивлению, уже в 1930-е гг. многотиражка БГУ «За ленинские кадры» лишь изредка обращалась к международной проблематике даже с очевидным воспитательным подтекстом. Исключением можно считать номер за 19 марта 1936 г., в котором заметки были и о Парижской Коммуне, и о деятельности МОПР в Германии. Изредка печаталась подборка материалов из союзных изданий «За рубежом». Среди погромных публикаций в республиканской прессе 1937 г. звучали голословные утверждения, что на лекциях «враги народа» ориентировали студентов на «западную цивилизацию», что руководство БГУ и НКП (ректор А. С. Кучинский и нарком А. И. Дьяков) «транжировали валюту», закупая за границей оборудование и реактивы, которые производились в СССР. В традициях тех лет все материалы прессы, публичные выступления были пронизаны уничижительными и во все бранными личностными оскорблениями. Того же бывшего ректора БГУ и бывшего наркома просвещения Анания Ивановича Дьякова партийный лидер Р. Л. Ростовская поносила как «подлого польского шпиона и бандита», «матёрого врага», «фашистского наймита» и т. д. Вот только она сама не смогла удержаться на своем посту из-за схожих обвинений других рьяных поборников чистоты интеллектуальных рядов.

Совершенно новая ситуация в контексте разговора о международных контактах БГУ возникла после 17 сентября 1939 г. и с нарастающей специфичностью продолжалась буквально до начала Великой Отечественной войны. Страны-соседи БССР на ее западных рубежах вдруг одна за другой становились советскими, входили в состав СССР. Было необходимо чутко улавливать установки партийно-советских органов на налаживание профессиональных и общественно-культурных контактов с учебными и научными заведениями Литвы, Латвии, Эстонии, определять свое место в работе на воссоединенных территориях западной Беларуси. В принципе,

³⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 124. Л. 190; Ф. 205. Оп. 1. Д. 25. Л. 6.

до июня 1941 г. подобную работу вполне можно определить, как международную. Руководству БГУ, его профессорам и преподавателям требовалось время, чтобы сориентироваться, занять «нужную» позицию в контактах с теперь уже советскими коллегами. Например, в начале 1941 г. БГУ отправил в Вильнюсский университет посылку с книгами на белорусском языке и о Беларуси для открывшейся там кафедры белорусского языка и литературы. Ректор университета, выдающийся историк литовской литературы Миколас Биржишка в специальном письме сообщил о получении книг и выразил благодарность своим белорусским коллегам³⁶.

Заключение

Приведенные факты в контексте темы позволяют утверждать, что первый университет Беларуси за два начальных десятилетия своей деятельности прошел несколько этапов восприятия международной среды и участия в различных формах сотрудничества с зарубежными коллегами. Выделим три, по нашему мнению, основных.

На первом этапе (1921—1929 гг.) БГУ смог состояться как университет классического типа именно во многом благодаря теснейшим контактам с университетами и иными научными центрами, прежде всего Европы. Они позволили создать вполне современные направления исследований во всех областях естественных и гуманитарных наук, медицины, математики, готовить студентов с учетом лучших зарубежных традиций и новаций. Второй этап (конец 1920 — начало 1930-х гг.) был временем, когда большинству профессоров и преподавателей приходилось осознавать и принимать новые реалии в сфере своей профессиональной деятельности. В том числе смириться с тем, что прежние интеллектуальные пристрастия должны быть отброшены, что далее вести исследования и готовить кадры специалистов придется исключительно за счет использования «внутренних резервов». На последнем же, третьем, этапе (середина 1930-х гг. — 1941 г.) жизнь университета и всей высшей школы БССР предельно наполнилась риторикой и практикой военизации как учебного процесса, так и научных исследований. В особенности это стало

³⁶ Звезда. 1937. 3 ліпеня.

свойственным общественной составляющей в деятельности БГУ, когда весь коллектив университета обязан был стать пропагандистом «своей» жизни и ниспровергателем жизненных принципов (конечно, для советской аудитории) в странах зарубежья. На этом этапе всяческие контакты с иностранными коллегами, проявления позитивного отношения к ним расценивались в примитивной вербальности («враги народа», «преклонение перед Западом», «шпионаж в пользу иностранных разведок» и т. п.). Шла тотальная зачистка не только интеллектуального инакомыслия, но и коренного проявления интеллектуальности — аналитики, сопоставления фактов, научности выводов.

Таким образом, становление и трансформация международного сотрудничества первого университета Беларуси проходили в абсолютном сопряжении с постоянно изменявшейся внутренней и внешней общественно-политической обстановкой и в условиях доминирования властных установок. Лишь первые годы деятельности БГУ можно считать неким исключением, но позволившим университету состояться.

Список источников

- Ершова О. И.* Николай Николаевич Дурново. Основоположник изучения славистики в Беларуси // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919—1941) / науч. ред. О. А. Яновский. Минск: БГУ, 2017. С. 143—150.
- Иванов А. Е., Кулакова И. П.* Русская профессура на рубеже XIX—XX веков // Российская история. 2013. № 2. С. 44—61.
- Каценбоген С. З.* Белорусский государственный университет в 1921—1922 академ. году // Труды БГУ. 1922. № 2—3. С. 326—364.
- Каценбоген С. З.* Белорусский государственный университет в 1922—1923 учеб. году (Итоги и перспективы). Минск: 1-я гостип. «Белтрестпечати», 1923. 52 с.
- Назаренко А. М.* Создатель Института физики БГУ Ефим Еремеевич Сиротин // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919—1961) / науч. ред. О. А. Яновский. Минск: БГУ, 2019. С. 99—116.
- Научные школы БГУ в воспоминаниях и размышлениях профессоров / под ред. С. В. Абламейко, А. И. Зеленкова. Минск: БГУ, 2023. 271 с.
- Турук Ф.* Университетская летопись // Труды БГУ. 1922. № 1. С. 175—207.

- Хроніка мэдыцынскага факультэту БДЗУ // Труды БГУ. 1930. № 24. С. 258—259.
- Шевчук И. И. Обеспечение деятельности научной интеллигенции Беларуси в первой половине 1920-х годов: создание комиссии по улучшению быта ученых // Интеллигенция и мир. 2017. № 1. С. 68—84.
- Шчакаціхін Мікола. Гравюра і кніжныя аздобы ў выданьнях Францішка Скарыны // Чатырохсотлецьце беларускага друку 1525—1925. Менск: Інстытут Беларускай культуры, 1926. С. 180—227.
- Яновскі О. А., Меньковскі В. І. Научная школа россиеведения и украиноведения в Белорусском государственном университете // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 1. С. 51—63.
- Яноўскі А. А. Замежныя камандзіроўкі гісторыкаў БДУ: творчыя здабыткі і зломы лёсаў // XXI век: актуальныя праблемы гістарычнай навуцы: матэрыялы Міжнароднага навучнага канфэрэнцыі, прысьвечанага 70-ляцію гістарычнага факультэта БГУ, Мінск, 15—16 апр. 2004 г. Мінск: БГУ, 2004. С. 5—8.

References

- Ablameiko, S. V. and Zelenkova, A. I. (eds) (2023), *Nauchnye shkoly BGU v vospominaniakh i razmyshleniakh professorov* [Scientific schools of BSU in the memories and reflections of the professor], Belorusskii gosudarstvennyi universitet, Minsk, Belarus.
- ‘Chronicle of the Medytsyn Faculty of the BSU’ (1930), *Trudy BGU* [Proceedings of BSU], no. 24: 258.
- Ershova, O. I. (2017), ‘Nikolai Nikolaevich Durnovo. Founder of the study of Slavic studies in Belarus’, in Ianovsky, O. A. (ed.), *Intellektual'naiia elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniia (1919—1941)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919—1941)], Belorusskii gosudarstvennyi universitet, Minsk, Belarus: 143—150.
- Ivanov, A. E. and Kulakova, I. P. (2013), ‘Russian professorship at the turn of the XIX—XX centuries’, *Rossiiskaia istoriia* [Russian history], no. 2: 44—61.
- Yanovsky, A. O. (2004), ‘Foreign business trips of historians of BSU: creative achievements and fractures of destinies’, *XXI vek: aktual'nye problemy istoricheskoi nauki: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu istoricheskogo fakul'teta BGU* [XXI century: actual problems of historical science: materials of the International Scientific Conference dedicated to the 70th anniversary of the Faculty of History of BSU], Minsk, Belarus: 15—16 April 2004, Belorusskii gosudarstvennyi universitet, Minsk: 5—8.

- Yanovsky, O. A. and Menkovsky, V. I. (2022), ‘Scientific school of Russian and Ukrainian studies at the Belarusian State University’, *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* [Journal of the Belarusian State University: History], no. 1: 51—63.
- Katsenbogen, S. Z. (1922), ‘Belarusian State University in the 1921—1922 academic year’, *Trudy BGU* [Proceedings of BSU], no. 2—3: 326—364.
- Katsenbogen, S. Z. (1923), *Belorusskii Gosudarstvennyi Universitet v 1922—1923 uchebnom godu (Itogi i perspektivy)* [Belarusian State University in 1922—1923 academic year (Results and prospects)], 1-ia gostipogofiaia “Beltrestpechati”, Minsk, Belarus: 1—52.
- Nazarenko, A. M. (2019), ‘Founder of the Institute of Physics of BSU Efim Eremeevich Sirotin’, in Yanovsky, O. A. (ed.) *Intellektual’naia elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniia (1919—1961)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919—1961)], Belorusskii gosudarstvennyi universitet, Minsk, Belarus: 99—116.
- Shchakatsikhin Mikola (1926), ‘Engravings and books from the publications of Francis Skaryny’, *Chatyrokhsotlets’se belaruskaga druku. 1525—1925* [Four hundredth anniversary of a Belarusian friend], Instytut Belaruskai kul’tury, Minsk, Belarus: 180—227.
- Shevchuk, I. I. (2017), ‘Ensuring the activities of the scientific intelligentsia of Belarus in the first half of the 1920s: the creation of a commission to improve the living conditions of scientists’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 68—84.
- Turuk F. (1922), ‘University Chronicle’, *Trudy BGU* [Proceedings of BSU], no. 1: 175—207.

Статья поступила в редакцию 29.05.2024; одобрена после рецензирования 24.06.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 29.05.2024; approved after reviewing 24.06.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Информация об авторе / Information about the author

О. А. Яновский — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.

О. А. Yanovsky — Candidate of Sciences (History), Professor, Head of the Department of History of Russia, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

INTELLIGENCE IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 53—73.

Intelligentsia and the World. 2024. No. 4. P. 53—73.

Научная статья

УДК 94(470.315):378

DOI: 10.46725/IW.2024.4.3

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕГИОНА: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Алексей Александрович Соловьев

Средняя школа № 26, Иваново, Россия,

aleksey.s37@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1211-8690>

Владимир Вячеславович Комиссаров

Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет,
Иваново, Россия, cosh-kin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2769-1860>

Аннотация. В статье рассматривается история Верхневолжского государственного агробиотехнологического университета — старейшего аграрного вуза Верхнего Поволжья. Авторы анализируют предпосылки возникновения высшего образования в Ивановском крае, изучают экономические и социальные факторы формирования системы подготовки кадров для сельского хозяйства. Подчеркивается, что планы организации высшего учебного заведения политехнического профиля в Иваново-Вознесенске существовали еще в досоветский период. Но только после установления советской власти возникли политические

и организационные предпосылки для возникновения политехникума. Отмечается роль в этом процессе М. В. Фрунзе и А. В. Луначарского. В истории Ивановской сельскохозяйственной академии выделяется несколько этапов. Первый — агрономический (сельскохозяйственный) факультет в рамках Иваново-Вознесенского политехнического института, затем — самостоятельный сельскохозяйственный институт, и следующий этап — сельскохозяйственная академия и агробиотехнологический университет. На каждом этапе перед вузом вставали определенные проблемы, каждый период развития отличался своими особенностями. Ивановский сельскохозяйственный институт разделил вместе с народами СССР все трудности и испытания, выпавшие на долю страны в XX веке. Студенты и преподаватели вуза участвовали в Советско-финляндской и Великой Отечественной войнах, институт в некоторой степени затронула репрессивная кампания против ученых-генетиков, учащиеся и представители педагогического коллектива осваивали целинные и залежные земли. Определенные трудности пришлось преодолеть в 1990—2000-е гг., в период экономических реформ и социальных трансформаций. Но вуз в эти годы не только не утратил прежние позиции, но и приумножил их: расширился спектр направлений подготовки кадров, институт был преобразован в сельскохозяйственную академию. В статье изучается вклад конкретных ученых, отмечаются такие имена, как выпускник ивановского вуза, ученый-генетик, академик Д. К. Беляев, создатель дендрария Л. П. Шуйский, академик РАСХН Ю. Ф. Петров и др.

Ключевые слова: Ивановская область, Верхневолжский регион, сельскохозяйственное образование, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, агропромышленный комплекс, аграрная наука

Для цитирования: Соловьев А. А., Комиссаров В. В. Интеллигенция Ивановской области в деле развития аграрного образования региона: страницы истории // Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 53—73.

THE INTELLIGENTSIA OF THE IVANOVO OBLAST IN THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL EDUCATION IN THE REGION: PAGES OF HISTORY

Aleksey A. Soloviev

Secondary School № 26, Ivanovo, Russia,
aleksey.s37@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1211-8690>

Vladimir V. Komissarov

Upper Volga State Agrobiotechnological University, Ivanovo, Russia,
cosh-kin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2769-1860>

Abstract. The article deals with the history of the Upper Volga State Agrobiotechnological University — the oldest agricultural Institute in the region. The authors analyze the prerequisites for the emergence of higher education in the Ivanovo Oblast, study the economic and social factors of the formation of the training system for agriculture. It is emphasized that plans for the organization of a higher educational institution of a Polytechnic profile in Ivanovo-Voznesensk existed in the pre-Soviet period. But it was only after the establishment of Soviet power that the political and organizational prerequisites for the emergence of the Polytechnic arose. The role of M. V. Frunze and A. V. Lunacharsky in this process is noted. There are several stages in the history of the Ivanovo agricultural Academy. The first — agronomic (agricultural) faculty within the Ivanovo-Voznesensk Polytechnic Institute, then — an independent agricultural Institute, and the next stage — the agricultural Academy. At each stage, the University faced certain problems, and each period of development had its own characteristics. Ivanovo agricultural Institute shared with the peoples of the USSR all the difficulties and trials that fell to the country in the XX century. Students and teachers of the University participated in the Soviet-Finnish and Great Patriotic wars, the Institute was somewhat affected by the repressive campaign against geneticists, students and representatives of the teaching staff mastered virgin and fallow lands. Certain difficulties had to be overcome in the 1990s and 2000s, during the period of economic reforms and social transformations. But the University has not lost its previous positions in these years, but has also multiplied them: the range of training areas has expanded, and the Institute has been transformed into an agricultural Academy. The article examines the contribution of specific scientists, noting such names as a graduate

of the Ivanovo University, a geneticist, academician D. K. Belyaev, the Creator of the arboretum L. P. Shuisky, academician of Russian Academy of Agricultural Sciences Yu. F. Petrov and others.

Keywords: Ivanovo Oblast, upper Volga region, agricultural education, Upper Volga State Agrobiotechnological University, agro-industrial complex, agricultural science

For citation: Soloviev, A. A., Komissarov, V. V. (2024), 'The intelligentsia of the Ivanovo Oblast in the development of agricultural education in the region: pages of history', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 53—73 (in Russ.).

Предыстория вуза. Исторически сложилось так, что Верхневолжский государственный аграрный университет (ФГБОУ ВО «Верхневолжский ГАУ») имеет два дня рождения: первый — как факультет в рамках Иваново-Вознесенского политехнического института (ИВПИ); второй — как самостоятельный отраслевой институт. Но с какой бы даты ни вести отсчет истории вуза, он в любом случае является старейшим высшим учебным заведением аграрного профиля в регионе Верхней Волги, ибо Ярославская сельхозакадемия была основана в 1944 г., Костромская — в 1949 г., а Тверская — только в 1971 г.

Систематическая пропаганда сельскохозяйственных знаний в России начинается со второй половины XVIII века, с просветительской деятельности Вольного экономического общества времен Екатерины II. Однако Ивановский регион долгое время был практически на обочине отечественной агрономии. Это определялось природно-климатическими условиями и, как следствие, слабым развитием товарного производства сельхозпродукции, преимущественным распространением ремесла и разнообразных промыслов. Но бурный рост текстильной промышленности на рубеже XIX—XX вв. поставил вопрос о подготовке в Иваново-Вознесенске агрономов по профилю прядильных и технических культур. Планы организации политехнического вуза долгое время обсуждались среди тогдашних «отцов города» — иваново-вознесенских предпринимателей и интеллигентов. Но все попытки организации в городе высшего учебного заведения наткнулись на препятствия бюрократического или финансового характера.

Данная дискуссия оживилась, когда в условиях Первой мировой войны из Риги был эвакуирован политехнический институт, и город стал рассматриваться как новое пристанище для вуза. На съезде фабрикантов и заводчиков Владимирской губернии по вопросам развития технического, коммерческого и профессионального образования в 1916 г. иваново-вознесенским промышленником Н. Г. Бурлыным было заявлено, что ивановский политехникум будет одним из тех учебных заведений, которые были предложены к открытию министерством. Размещение вуза в Иваново-Вознесенске позволяло решить сразу две задачи: заложить в городе традицию высшего профессионального образования и использовать кадровый и научный потенциал эвакуированного института.

Следует отметить, что Рижский политех был весьма «лакомым куском». Он считался одним из старейших и авторитетнейших вузов своего профиля в России. Институт был основан в 1862 г. на средства рижского городского общества и сословий Прибалтийских губерний. К началу XX в. в нем было 6 отделений (факультетов): механическое, химическое, инженерное, строительное, агрономическое и коммерческое. Сроки обучения колебались от 5 до 3 лет (на агрономическом отделении — 4 года). К 1 января 1899 г. в институте обучалось 1446 человек, из них на агрономическом отделении — 180 студентов.

В настоящее время последствия Октябрьской революции оцениваются крайне неоднозначно. Более того, сам этот термин постепенно удаляется из исторического лексикона. Но именно установление советской власти в октябре 1917 г. снимает бюрократические преграды для организации Ивановского политехнического института (ИВПИ). Инициативу активно поддержал М. В. Фрунзе — тогда председатель Иваново-Вознесенского губернского исполнительного комитета. Незадолго до этого М. В. Фрунзе добился создания Иваново-Вознесенской губернии как самостоятельной административно-территориальной единицы. В мае 1918 г. в Москве М. В. Фрунзе провел встречи с преподавателями Рижского политического института, на которых обрисовал перспективы их работы в Иваново-Вознесенске. Предложение разместить политех в Иваново-Вознесенске поддержал народный комиссар просвещения А. В. Луначарский.

В итоге данных организационных усилий 6 августа 1918 г. был подготовлен декрет Совета народных комиссаров о создании ИВПИ в составе шести факультетов.

Открытие Иваново-Вознесенского политехнического института состоялось 22 октября 1918 г. в актовом зале бывшего городского реального училища. Для размещения вуза были выделены лучшие дома города. Народный комиссариат просвещения для организации нового вуза выделил 7,5 миллионов рублей. Другую часть необходимых средств изыскивали на месте. Все промышленные предприятия Иваново-Вознесенска были обложены специальным налогом на нужды ИВПИ. Также проводился добровольный сбор средств среди рабочих [Ивановская государственная сельскохозяйственная академия..., 2015: 6—7].

Ректором ИВПИ стал профессор М. Н. Берлов, проректором — профессор А. Т. Кирсанов. В институте было 6 факультетов: прядильно-ткацкий, социально-экономический, инженерно-строительный, химический, инженерно-механический и сельскохозяйственный. Последний был призван готовить агрономов и лесоводов и был наиболее многочисленным.

В рамках политехнического института сельскохозяйственный факультет был вполне самостоятельным подразделением. Он включал два отделения: лесоводческое и агрономическое. Факультет возглавил профессор А. Т. Кирсанов. Коллектив преподавателей и сотрудников был набран заново, из состава Рижского политеха остались только двое: профессора П. Г. Борисов и Д. А. Ласточкин. Однако ряд дисциплин — физика, математика, химия — изучался на общевузовских кафедрах, где работали бывшие профессора РПИ. Среди них был Всеволод Михайлович Келдыш (1878—1965), российский ученый, в будущем генерал-майор инженерно-технической службы, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, участник проектирования крупных строек первых пятилеток — канала имени Москвы, Московского метрополитена и др. Его сын — Мстислав Всеволодович (1911—1978) — станет крупным советским математиком и механиком, теоретиком авиации и космонавтики, участником работ по созданию атомного оружия, президентом Академии наук СССР (1961—1975 гг.), трижды Героем Социалистического Труда. В Иваново-Вознесенске он учился в школе с первого по седьмой класс.

Следует отметить, что период новой экономической политики (НЭПа) был трудным для отечественного профессионального образования. Сократилось центральное финансирование, многие вузы закрывались или сокращали количество факультетов. Такая судьба, например, постигла Иваново-Вознесенский педагогический институт, Костромской университет. В ИВПИ закрыли инженерно-строительный и социально-экономический факультеты. Агрономический факультет также оказался на грани ликвидации. Прекратило работу лесотехническое отделение, в 1924 г. перестали принимать абитуриентов на агрономическое отделение. Студентов младших курсов перевели в другие сельскохозяйственные вузы, в ИВПИ остался только выпускной, 4-й курс, который именовался ликвидационным. Подобная ситуация создала на факультете нездоровую психологическую атмосферу, начался отъезд специалистов в Москву и другие города [50 лет Ивановскому сельскохозяйственному институту, 1968].

В этот сложный период факультет возглавил П. Г. Борисов, бывший профессор Рижского политеха. Он добился поддержки М. В. Фрунзе, благодаря чему факультет удалось сохранить. С 1924 г. факультет сменил название и стал именоваться агрономическим. На нем готовили агрономов по двум специализациям: льноводство и животноводство по молочному скотоводству (специальность так и называлась — агроном-животновод). К 1928 г. на факультете работало 15 профессоров, 4 доцента, 6 ассистентов, 11 сотрудников, обучалось 5 аспирантов, 1 один приват-доцент (так именовался претендент на звание профессора). Библиотека факультета насчитывала без малого 5 тысяч томов.

С агрономическим факультетом ИВПИ в 1920-е гг. неразрывно связана деятельность Леонида Петровича Шуйского (1893—1961 гг.) — известного ивановского ученого-растениевода и акклиматизатора растений. Л. П. Шуйский являлся всесторонне образованным человеком с разнообразными интересами. Он проявил себя как ученый-растениевод, автор десятков научных работ, ботаник-селекционер, глубоко интересовавшийся естественными науками, математикой, химией, литературой, а также поэзией и философией. Некоторые из коллекций, собранных Л. П. Шуйским, носят уникальный характер. Среди них коллекция гречихи из регионов Дальнего Востока, Европы, Сибири,

Китая, Японии и других стран насчитывала 5 тысяч образцов, фасоли — 7 тысяч, сои — 3 тысячи видов растений.

Целая эпоха в жизни Шуйского связана с Садам акклиматизации растений, расположенном в самом центре Иванова. Сад был создан на частном усадебном участке площадью 0,12 га, переданном его владельцем Шуйскому в 1929 г. Горсовет утвердил сад в качестве собственности ученого. В саду Шуйский провел обширные работы по интродукции и акклиматизации экзотических хозяйственно ценных растений. Вся площадь запущенного сада была быстро освоена и занята под новые, ранее неизвестные в Иванове культуры. Через 10 лет в нем росли яблони (131 сорт), груши (17 сортов), вишни (10 сортов), черешни, сливы, облепиха, ирга, крыжовник, абрикосы и многие другие культуры. Ныне здесь располагается дендрарий Ивановской сельхозакадемии, который является одной из достопримечательностей Иванова и памятником природы регионального значения [Шуйский Леонид Петрович, 2013].

Первое десятилетие Ивановского сельхозинститута. Первая треть XX века в истории России прошла под знаком решения аграрного вопроса. Предлагались самые разные варианты реформирования села, различавшиеся как степенью реалистичности, так и способами реализации. После серьезных политических потрясений, революций и Гражданской войны (которые сами по себе стали результатом неразрешенности аграрного вопроса) был реализован вариант коллективизации сельского хозяйства. До сих пор дискутируется неизбежность такого исторического выбора, наличие или отсутствие альтернатив, позитивные и отрицательные последствия и т. д. Но любой вариант реформирования предполагал преимущественное развитие сельскохозяйственной науки и расширение агрообразования для подготовки квалифицированных кадров. Именно поэтому уже с первых лет своего существования агрофак ИВПИ был ориентирован на тесную связь с производством. На факультете были организованы широкие научные изыскания.

10 июля 1930 г. на базе агрономического факультета ИВПИ был организован сельскохозяйственный институт. Схожая судьба и у других факультетов политеха: они стали основой

для самостоятельных отраслевых институтов: химико-технологического, энергетического и текстильного.

Следует отметить, что в 1930-е гг. структура вуза носила непривычный для современной высшей школы характер. Роль кафедр выполняли специализированные кабинеты: ботаники и фитопатологии, частного земледелия и льноводства, физиологии растений, почвоведения, экономо-агронômических дисциплин. Данные кабинеты возглавлялись известными учеными-аграриями, профессорами В. В. Миллером, А. Н. Прохоровым, Т. Н. Годневым, И. В. Лобановым, В. Г. Касаткиным, М. А. Севитовым. Впоследствии на базе кабинетов были организованы кафедры. Естественно, что новый институт не обошли стороной модные в то время педагогические эксперименты. Например, в первой половине 1930-х гг. в вузах не было персональной отчетности студентов. В обучении применялся бригадно-лабораторный метод. Его суть заключалась в том, что студенты объединялись в бригады из 5—6 человек, получали от преподавателей общие задания и консультации и также сообща отчитывались. Оценка также выставлялась всей бригаде. В те годы считалось, что подобная система способствует развитию в студентах коллективизма, она применялась не только в высшей, но и в средней школе.

В начале 1930-х гг. большое внимание уделялось текстильным культурам, прежде всего, льну. Большой вклад в развитие льноводства внесли А. М. Свешников, А. А. Плотников, впоследствии А. В. Викторова. В то время лен рассматривался как основное сырье для местной промышленности. Этому способствовали и перебои с поставками заграничного хлопка для текстильных предприятий Иваново-Вознесенска. Преодолеть сырьевой кризис местной промышленности предполагалось за счет использования традиционных для средней полосы культур: льна и технической конопли. Следствием этого явилось то обстоятельство, что в первые годы самостоятельного существования Ивановский сельхозинститут был подчинен Московскому тресту северных прядильных культур. Фактически, тогда в городе Иваново-Вознесенске действовали два вуза сельскохозяйственного профиля: институт северных прядильных культур и институт молочного животноводства, специализировавшийся на подготовке ветеринарных и зоотехнических кадров. Только переориентация текстильных

предприятий на среднеазиатский хлопок изменила ситуацию, и в 1932 г. оба учебных заведения были объединены во вновь воссозданный Ивановский сельскохозяйственный институт (ИСХИ).

В 1932 г. в составе ИСХИ было два факультета: агрономический и зоотехнический. Ежегодный прием был 100 человек, по 50 абитуриентов на факультет. Пополнялся профессорско-преподавательский состав. Развивалась материально-техническая база. В целом в 1930-е гг. направления научно-исследовательской деятельности ученых института соответствовали веяниям времени, но, за редким исключением, не выходили за пределы мелко-деляночных опытов у агрономов и анализа передового опыта у животноводов. У зоотехников, как правило, отсутствовали прямые эксперименты. Практически не было исследований по социально-экономической проблематике, а также по вопросам экономики и организации сельскохозяйственных предприятий. И всё-таки вузовская наука развивалась.

В 1934—1938 гг. на зоотехническом факультете ИСХИ обучался Дмитрий Константинович Беляев (1917—1985 гг.), в будущем известный ученый-генетик, академик, директор института цитологии и генетики в Новосибирском академгородке. Выбор Д. К. Беляевым Иванова как места получения образования определялся его анкетными данными: сын священника, он относился к т. н. категории «лишенцев», т. е. лиц, ограниченных в избирательных и социальных правах, и не имел шансов на поступление в столичные вузы. Кроме того, в годы репрессий погиб его старший брат, тоже ученый-генетик Николай Беляев. Следует заметить, что в те годы в Ивановском сельхозвузе читали лекции ведущие ученые-аграрии страны [Дугаткин, Трут, 2019: 40]. Именно в ИСХИ будущий академик серьезно заинтересовался пушным звероводством, что и определило его дальнейшую научную специализацию. Д. К. Беляев проявил себя на многих поприщах как исследователь и как организатор науки, но самая известная его работа — длительный эксперимент по одомашниванию серебристо-черных (чернобурых) лис. Большое содействие начинаниям Д. К. Беляева оказал известнейший советский генетик Н. П. Дубинин. Он стал первым директором Института цитологии и генетики, но был вынужден покинуть эту должность после необоснованной критики Н. С. Хрущева, рекомендовав своим

преемником Дмитрия Константиновича [Дубинин, 1973: 399—400]. За одомашненными животными закрепилось устойчивое определение «лисы Беляева». Уникальный эксперимент, начатый Д. К. Беляевым, продолжается по сей день. В 2006 г. Ивановской сельскохозяйственной академии было присвоено имя Д. К. Беляева.

ИСХИ в 1940—1980-е гг. Серьезным испытанием в жизни страны стала Великая Отечественная война 1941—1945 гг. В 1941 г., буквально в первые недели войны, главное здание института и студенческие общежития были отданы под госпитали. Все оборудование кафедр пришлось перевезти в оставшиеся два дома. В начале 1942 г. из-под госпиталя удалось освободить примерно половину студенческого общежития. В него переселилась часть студентов и в значительной мере были перенесены учебные занятия. Помимо этого часть преподавателей сотрудников и студентов были призваны в действующую армию. Уже в первые дни начала войны в полном составе на фронт ушли выпускники 1941 г. — ученые агрономы и ученые зоотехники, среди которых были и девушки. Многие студенты и молодые преподаватели — 89 человек — добровольно вступили в ряды Красной армии. Через несколько дней были призваны директор института С. К. Войта, директор учхоза И. Н. Михайлов, многие другие преподаватели. Часть оставшихся преподавателей (А. И. Волков, Д. А. Закорюкин, А. Г. Крутиков, В. А. Лисицын и др.) были направлены для работы в колхозы, а студенты-практиканты заняли должности мобилизованных специалистов. Студенты участвовали в сельскохозяйственных работах, помогали убирать урожай.

Однако сокращение учебных и учебно-производственных площадей не привело к полному прекращению занятий. В институте продолжалась работа, выпускались специалисты. Обучение шло в две смены, студенческие группы пополнялись эвакуированными студентами других вузов.

В послевоенные годы в советской агробиологической науке начались негативные процессы, связанные с деятельностью тогдашнего председателя Всесоюзной академии сельхознаук имени Ленина (ВАСХНИЛ, предшественница РАСХН) Т. Д. Лысенко. Речь идет о фактическом запрете классической генетики. Гонения на эту науку начались еще до войны, когда был осужден лидер

отечественной генетической школы Н. И. Вавилов (он умер в заключении в 1943 г.) Апофеозом гонений стала сессия ВАСХНИЛ 1948 г. На ней генетика была объявлена буржуазной лженаукой, ей необоснованно были противопоставлены методы традиционной селекции (т. н. «мичуринское учение»), генетики подвергались дисциплинарным и даже уголовным преследованиям.

Следует заметить, что коллектив ИСХИ в практической деятельности фактически проигнорировал решения сессии ВАСХНИЛ. Как отмечалось в юбилейной книге 1968 г.: «Материалы и решения сессии ВАСХНИЛ... нашли определенное отражение в научной и научно-исследовательской работе института. Но, поскольку большинство научных работников имели дело с данными непосредственных опытов... новые взгляды на биологию не нашли широкого практического приложения и одностороннего ортодоксального развития... Экспериментальные работы давали объективные данные и большинство их трактовалось правильно. Несколько глубже решение сессии... коснулось вопросов изложения теоретических курсов специальных дисциплин студентам. Перестройка производилась в соответствии с утвержденными программами. Но и здесь резких и тем более тенденциозных изложений разных взглядов по основным вопросам биологической науки, за исключением отдельных случаев, не было» [50 лет Ивановскому сельскохозяйственному институту, 1968: 36].

ИСХИ продолжал развиваться. В 1946 г. постановлением Правительства была утверждена и зарегистрирована новая Владимирская тяжеловозная порода лошадей. Так завершились многолетние научные изыскания заведующего кафедрой частного животноводства М. П. Корзенева. Михаил Павлович наряду с другими зоотехниками-селекционерами и коневодами был награжден орденом Трудового Красного Знамени и удостоен звания лауреата Государственной премии. Расширялась учебно-производственная база, реконструировались здания. Впервые приступили к организации студенческих научных конференций. Например, в 1949/50 учебном году в состав студенческого научного общества (СНО) входило 142 человека. Существовали более 20 научных кружков, которые объединяли свыше 360 обучающихся. Студенты начали представлять ИСХИ на межинститутских

и всероссийских научных конференциях. В начале 1950-х гг. ИСХИ имел три факультета: агрономический, зоотехнический и ветеринарный, а также учебно-опытное хозяйство. Контингент студентов на 1 июля 1951 г. составлял 830 человек очной формы обучения и 75 студентов-заочников [Ивановский сельскохозяйственный институт, 1952: 294].

Знаковым событием для советской действительности 1950-х гг. стало освоение целинных и залежных земель. В 1956—1958 гг. на целине побывали свыше 160 студентов всех факультетов Ивановского сельскохозяйственного института. В 1956 г. ими руководили профессор кафедры экономики и организации сельскохозяйственного производства Д. С. Закорюкин, доцент кафедры экономики и организации производства И. П. Скурихин и секретарь комитета ВЛКСМ ИСХИ З. М. Кашинцева. В 1957 г. студентов-целинников ИСХИ возглавляли ассистент кафедры ветеринарии Т. А. Разумова, ассистент кафедры экономики и организации сельскохозяйственного производства Е. А. Дудоров, секретарь комитета ВЛКСМ ИСХИ С. Гамазина. Затем кто-то из студентов-целинников стал педагогом в родном вузе, передавая свой опыт студентам. Также на целине в разные годы работали и выпускники других вузов Иванова, которые затем преподавали в ИСХИ. Участником целинной эпопеи стал студент ИСХИ 1950-х гг. В. Н. Тихомиров — в 1996—2000 гг. губернатор Ивановской области [Студенты-целинники Ивановского сельскохозяйственного института, 2014].

Большая научно-исследовательская работа в 1960-е гг. проводилась преподавателями кафедры кормления. Например, ректор ИСХИ, профессор Н. И. Белоносов впервые в России организовал промышленное производство биомедицино-витаминного препарата (БВК) для нужд животноводства. В проводимых исследованиях, связанных с БВК, большую роль сыграли З. М. Кашинцева, В. В. Добролюбов, профессора Ф. Ф. Прохоров и М. И. Саликов.

В 1963—1967 гг. на кафедре кормления (заведующий, проф. Н. И. Белоносов) на хозяйственных началах была разработана рецептура и организовано промышленное производство специальных концентратов для замены части молока при выращивании телят и поросят. «Только в 1965 г. применение этих

концентратов позволило сократить затраты на выращивание телят в области на 1,5 млн руб.! В проведении экспериментов особенно активное участие принимали доцент Н. А. Ефимова, Г. А. Балакирева и Н. В. Травин» [Рябов, Соловьев, Ганджаева, 2015а: 10].

В 1966 г. в Ивановском СХИ был восстановлен ветеринарный факультет, расформированный в 1956 г. Данному решению способствовал ряд причин, прежде всего рост поголовья скота в колхозах и совхозах Нечерноземья, концентрация и углубленная специализация животноводства и птицеводства.

В 1976 г. в ИСХИ организован новый факультет — механизации сельского хозяйства. Предпосылками для создания факультета стали концентрация сельскохозяйственного производства в стране, уменьшение численности работоспособных на селе, повышение уровня механизации в земледелии и животноводстве. Промышленность оснащала село всё более энергоёмкой, высокопроизводительной техникой. В Нечерноземье, в Верхневолжском регионе колхозы и совхозы испытывали острую потребность в инженерах-механиках, способных рационально использовать современную технику. На первый курс факультета механизации было принято 50 человек, при высоком конкурсе поступающих более 5 человек на место. В 1979 г. набор составил 75 человек, начиная с 1981 г. по 2013 г. — 100 человек. С 1980 г. проводился набор студентов, обучающихся без отрыва от производства — по 75 человек в год.

Создание нового факультета со всей остротой поставило вопрос о расширении учебных и учебно-производственных площадей вуза. В 1977 г. было завершено строительство новой четырёхэтажной пристройки к главному учебному корпусу ИСХИ. В ее помещениях были размещены среди прочих подразделений деканат, учебные аудитории и лаборатории нового факультета [Ивановской государственной сельскохозяйственной академии имени академика Д. К. Беляева — 80 лет, 2010: 95—104].

В послевоенные десятилетия продолжалось динамичное и позитивное развитие вуза. На ряде кафедр были открыты аспирантуры, специалисты ИСХИ участвовали в составлении почвенной и агрохимической карт Ивановской области. Улучшалась и совершенствовалась материально-техническая и лабораторная

база: закупалось оборудование, создавались новые лаборатории и музеи. В рамках агрономического факультета в 1960-х гг. в ИСХИ начинаются агроэкономические исследования, которые были посвящены таким проблемам, как программирование урожая, рационализация структуры посевов, звеньевая организация труда, внедрение цеховой структуры в агропредприятиях. Примечательно, что к концу 1970-х гг. ИСХИ превратился в «кузницу управленческих кадров» сельскохозяйственных предприятий Ивановской области и соседних регионов. Так, 7 % выпускников агрофака 1979 г. сразу получили назначение главными агрономами хозяйств; 11 % — управляющими отделениями и бригадами [Алексеев, Борин, Ефремова, Кабанова, Мазаник, Рябов, Соколов, Шапиро, 2013: 7].

От института к академии: 1990—2000-е гг. Серьезным испытанием для вуза и для сельского хозяйства в целом стали годы либеральных экономических реформ. В 1990-х гг., когда экономика страны переходила на рыночные отношения, остро встал вопрос о подготовке специалистов новой формации в области аграрной экономики. По инициативе руководства Ивановского сельскохозяйственного института в лице ректора А. И. Разумкина, проректора Н. Ф. Плешакова, при поддержке областных директивных органов и Главка сельскохозяйственных вузов министерства сельского хозяйства РФ ректоратом института получена лицензия о праве ведения образовательной деятельности по новой специальности «Экономика и управление аграрным производством».

В марте 1994 г. издается приказ об организации экономического факультета. В состав вновь образованной структуры вошли 3 кафедры: экономики; организации и управления; бухгалтерского учета и информационных технологий. Также в состав факультета включается кабинет экономики. 5 августа 1994 г. в соответствии с разрешением Главного управления высших учебных заведений Минсельхозпрода первым деканом нового факультета стал доцент А. И. Александров. В развитии новой структуры активно участвовали Администрации Ивановской и Владимирской области. Расширение сферы подготовки специалистов в рамках ИСХИ позволило поставить вопрос о повышении его статуса:

в 1996 г. институт был преобразован в Ивановскую государственную сельскохозяйственную академию.

В первое десятилетие XXI в. расширялась учебно-производственная база академии. В 2007 г. на основании распоряжения Правительства РФ и приказа Минсельхоза РФ к Ивановской ГСХА был присоединен Ивановский институт переподготовки кадров агробизнеса. На базе института переподготовки был создан новый факультет ИГСХА — факультет дополнительного профессионального образования и повышения квалификации кадров. Таким образом, в сложный период 1990—2000-х гг. Ивановская ГСХА не только сохранилась как высшее учебное заведение, но и сумела расширить сферу подготовки за счет создания новых факультетов, введения новых специальностей, расширения тематики научных исследований.

С Ивановской ГСХА в 1970—2000-е гг. была связана жизнь и деятельность академика РАСХН, доктора ветеринарных наук, профессора Юрия Филипповича Петрова (1936—2012 гг.). Профильное образование он получил в Ленинградском ветеринарном институте, однако как ученый и педагог состоялся именно в рамках ивановского сельскохозяйственного вуза. Здесь он в 1974 г. начал научно-педагогическую и общественную деятельность, получил звание доцента, защитил докторскую диссертацию (1981 г.), возглавил кафедру, стал профессором. Ю. Ф. Петров впервые в СССР и России заложил основы нового научного направления — разработки основополагающих принципов и методов борьбы с ассоциативными болезнями млекопитающих, птиц и рыб, вызываемых паразитированием гельминтов, простейших, бактерий и грибов. Сотрудники кафедры, аспиранты, докторанты под руководством Юрия Филипповича проводили исследования по этой проблеме в 29 субъектах Российской Федерации. Как известный ученый и крупный специалист Ю. Ф. Петров с 1988 г. был членом экспертного совета ВАК РФ, в 1993 г. избран членом-корреспондентом РАСХН. Он являлся членом президиума общества гельминтологов РАН и членом бюро отделения ветеринарной медицины РАСХН, членом секции РАСХН «Инвазионные болезни сельскохозяйственных животных». В 2005 г. избран действительным академиком Россельхозакадемии по отделению ветеринарной медицины (гельминтологии).

Им подготовлено более 100 кандидатов и докторов наук, опубликовано более 600 работ, в т. ч. 10 монографий, 19 рекомендаций федерального уровня, 30 авторских свидетельств и патентов на изобретение; получено 5 серебряных и 4 бронзовые медали ВДНХ СССР и золотая медаль ВВЦ РФ. В 1981 г. Юрий Филиппович отмечен юбилейной медалью академика Скрябина, а в 1998 г. за цикл работ президиумом РАСХН награжден золотой медалью им. Скрябина, в 2007 г. — награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством».

В начале 2000-х гг. за цикл научных работ «Оптимизация минерального питания сельскохозяйственных культур в Верхневолжье» отмечен премией имени академика Д. Н. Прянишникова заведующий кафедрой агрохимии и земледелия, профессор Г. Н. Ненайденко. В это же время заведующий кафедрой механики и электрификации сельскохозяйственного производства, профессор А. П. Сизов был удостоен премии Правительства РФ в области науки и техники за работу «Использование, разработка, освоение производства и применение магнитоуправляемых наножидкостей и новых электромеханических устройств на их основе» [Рябов, Соловьев, Ганджаева, 2015b: 9—14].

За 6 лет до столетия. В последние годы в жизни вуза произошли значительные неоднозначные изменения. Он сменил свою подчиненность и был переведен из структуры Минсельхоза под эгиду Министерства науки и высшего образования РФ. За этим последовала очередная смена названия, теперь он стал именоваться как Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет». К сожалению, при переименовании из названия незаметно выпало имя Д. К. Беляева.

В настоящее время вуз состоит из двух факультетов — прикладных и фундаментальных агробиотехнологий и инженерно-экономического — и института ветеринарной медицины и биоинженерии. На них проходят обучение студенты различных направлений и профилей подготовки по программам бакалавриата, магистратуры и специалитета. Также в университете действует аспирантура. С 2023 г. как структурное подразделение работает колледж ветеринарной медицины и агробизнеса

Сегодня тематику генетико-селекционных аспектов сохранения генофонда и совершенствования ярославской породы крупного рогатого скота успешно продолжает коллектив ученых-учеников профессора Д. К. Некрасова, безвременно скончавшегося в декабре 2023 г. В Ивановской области создана самая сильная племенная база по ярославской породе (7 племенных заводов и 4 племенных репродуктора), а коровы ярославской породы в племенных хозяйствах — лучшие в сравнении с другими регионами России, где также разводят такой скот.

За последние пять лет научные разработки ученых вуза по селекции крупного рогатого скота, агроинженерии (в том числе роботизации сельского хозяйства), ветеринарной медицине, сельскому туризму были отмечены более чем двадцатью медалями Российской агропромышленной выставки «Золотая осень» (Москва, ВДНХ).

В заключении, следует отметить, что история аграрного образования в области не могла бы состояться без плеяды выдающихся педагогов и ученых ИСХИ—ИГСХА—ВГАУ. Среди них необходимо вспомнить Михаила Николаевича Караваева — Героя Социалистического Труда, одного из первых руководителей вуза; Михаила Павловича Корзенева, награжденного орденом Трудового Красного Знамени и удостоенного звания лауреата Государственной премии; Алексея Васильевича Ватагина — директора ИСХИ, отмеченного орденом «Знак почета»; Бориса Михайловича Гута — Заслуженного изобретателя СССР; Виктора Александровича Матвеева, который был удостоен медали «За заслуги перед Отечеством» и «Золотого скальпеля», как лучший ветеринарный хирург, Юрия Филипповича Петрова — академика РАСХН.

Выпускников Верхневолжского ГАУ можно встретить во всех уголках бывшего Советского Союза. В стенах вуза получили путевку в жизнь более 26 тысяч дипломированных специалистов. Многие остались жить и трудиться на родной земле и заняли в жизни достойное место. В Ивановской области хорошо известны имена тех, кто закончил академию и возглавляет сегодня предприятия АПК.

Список источников

- 50 лет Ивановскому сельскохозяйственному институту. Иваново: [б. и.], 1968. 158 с.
- Алексеев В. А., Борин А. А., Ефремова Г. В., Кабанова Л. А., Мазаник В. Н., Рябов Д. А., Соколов В. А., Шапиро В. Е.* 95 лет истории страны — 95 лет истории факультета (к юбилею агротехнологического факультета ИГСХА имени академика Д. К. Беляева) // *Аграрный вестник Верхневолжья*. 2013. № 4. С. 5—17.
- Дубинин Н. П.* Вечное движение. М.: Политиздат, 1973. 447 с.
- Дугаткин Л., Трут Л.* Как приручить лису (и превратить в собаку): сибирский эволюционный эксперимент. М.: Альпина нон-фикш, 2019. 296 с.
- Ивановская государственная сельскохозяйственная академия имени Д. К. Беляева: пятнадцать шагов до столетия. Иваново: Ивановская ГСХА, 2015. 220 с.
- Ивановский сельскохозяйственный институт // *Большая советская энциклопедия*. 2-е изд. М.: «Большая советская энциклопедия», 1952. Т. 17. 632 с.
- Ивановской государственной сельскохозяйственной академии имени академика Д. К. Беляева — 80 лет / ред.-сост. Г. Н. Ненайденко. Иваново: ИПК «ПресСто», 2010. 408 с.
- Рябов Д. А., Соловьев А. А., Ганджаева А. З.* Из истории развития научно-исследовательской деятельности в Ивановской ГСХА имени Д. К. Беляева: от истоков до 1960-х гг. // *Аграрный вестник Верхневолжья*. 2015а. № 3. С. 5—13.
- Рябов Д. А., Соловьев А. А., Ганджаева А. З.* Развитие научно-исследовательской деятельности в Ивановской ГСХА имени Д. К. Беляева: 1970—2015 гг. // *Аграрный вестник Верхневолжья*. 2015б. № 4. С. 5—17.
- Студенты-целинники Ивановского сельскохозяйственного института / автор-сост. Л. А. Предыбайло. Иваново: Ивановская ГСХА имени академика Д. К. Беляева, 2014. 77 с.
- Шуйский Леонид Петрович / автор-сост. Л. А. Предыбайло. Иваново: Ивановская ГСХА имени академика Д. К. Беляева, 2013. 137 с.

References

- 50 let Ivanovskomu sel'skokhoziaistvennomu institute [50 years of Ivanovo Agricultural Institute] (1968), bez izdatel'stva, Ivanovo, Russia.*
- Alekseev, V. A., Borin, A. A., Efremova, G. V., Kabanova, L. A., Mazanik, V. N., Riabov, D. A., Sokolov, V. A. and Shapiro, V. E. (2013),*

- ‘95 years of the history of the country — 95 years of the history of the faculty (for the anniversary of the agrotechnological faculty of the Ivanovo SAA named after academician D. K. Belyaev)’, *Agrarnyi vestnik Verkhnevolzh’ia* [Agrarian Journal of the Upper Volga region], no. 4: 5—17.
- Dubinin, N. P. (1973), *Vechnoe dvizhenie* [Eternal movement], Politizdat, Moscow, Russia.
- Dugatkin, L. and Trut, L. (2019), *Kak priruchit’ lisu (i prevratit’ v sobaku): sibirskii evoliutsionnyi eksperiment* [How to tame a Fox (and build a dog): visionary scientists and a Siberian Tale of Jump-Started evolution], Al’pina non-fiksh, Moscow, Russia.
- Ivanovskaia gosudarstvennaia sel’skokhoziaistvennaia akademiia imeni D. K. Beliaeva: piatnadsat’ shagov do stoletii* [Ivanovo State Agricultural Academy named after D. K. Belyaev: fifteen steps to the century] (2015), Ivanovskaia GSKhA, Ivanovo, Russia.
- ‘Ivanovo Agricultural Institute’ (1952), in *Bol’shaia sovetskaia entsiklopediia* [Great Soviet Encyclopedia], 2nd ed, vol. 17, Bol’shaia sovetskaia entsiklopediia, Moscow, Russia.
- Nenaidenko, G. N. (comps) (2010), *Ivanovskoi gosudarstvennoi sel’skokhoziaistvennoi akademii imeni akademika D. K. Beliaeva — 80 let* [Ivanovo state agricultural Academy named after academician D. K. Belyaev — 80 years old], IPK “PresSto”, Ivanovo, Russia.
- Predybaylo, L. A. (comps) (2013), *Shuiskii Leonid Petrovich* [Shuyskiy Leonid Petrovich], Ivanovskaia GSKhA imeni akademika D. K. Beliaeva, Ivanovo, Russia.
- Predybaylo, L. A. (comps) (2014), *Studenty-tselinniki Ivanovskogo sel’skokhoziaistvennogo instituta* [Students in the virgin soil of the Ivanovo agricultural Institute], Ivanovskaia GSKhA imeni akademika D. K. Beliaeva, Ivanovo, Russia.
- Ryabov, D. A., Soloviev, A. A. and Gandzhaeva, A. Z. (2015a), ‘From the history of the development of research activities in the Ivanovo State Agricultural Academy named after D. K. Belyaev: from the origins to the 1960s’, *Agrarnyi vestnik Verkhnevolzh’ia* [Agrarian Journal of the Upper Volga region], no. 3: 5—13.
- Riabov, D. A., Soloviev, A. A. and Gandzhaeva, A. Z. (2015b), ‘Development of research activity in the Ivanovo state agricultural Academy named after D. K. Belyaev: 1970—2015’, *Agrarnyi vestnik Verkhnevolzh’ia* [Agrarian Journal of the Upper Volga region], no. 4: 5—17.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 31.07.2024.

The article was submitted 17.06.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 31.07.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

А. А. Соловьев — доктор исторических наук, заместитель директора по учебно-воспитательной работе МБОУ «Средняя школа № 26», Иваново, Россия.

В. В. Комиссаров — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры агрономии и землеустройства, факультет прикладных и фундаментальных агробιοтехнологий, Верхневолжский государственный агробιοтехнологический университет, Иваново, Россия.

A. A. Soloviev — Doctor of Sciences (History), Deputy Director for Educational Work of the Municipal Budgetary Educational Institution “Secondary School № 26”, Ivanovo, Russia.

V. V. Komissarov — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of Agronomy and Land Management, Faculty of Applied and Fundamental Agricultural Biotechnology, Upper Volga State Agrobiotechnological University, Ivanovo, Russia.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 74—92.

Intelligentsia and the World. 2024. No. 4. P. 74—92.

Научная статья

УДК 94(47):929

DOI: 10.46725/IW.2024.4.4

ВЛИЯНИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НА СУДЬБУ СЕМЬИ ТОЛСТОПЯТОВЫХ

Игумен Агафангел (Александр Кондратьевич Гагуа)

Представительство митрополичьего округа Русской Православной Церкви в Республике Казахстан в Москве, Москва, Россия, Казахстан, gagua0409@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0009-0878-5117>

Аннотация. Среди фамилий, связанных с Императорским Московским университетом, можно выделить фамилию Толстопятовых. Заслуженный ординарный профессор Михаил Александрович Толстопятов по окончании университета проработал в нем всю свою сравнительно недолгую жизнь. Его брат, Алексей Александрович Толстопятов, окончив Московский университет в юности, работал в нем библиотекарем лишь несколько лет на закате жизни, но успел вписать свое имя в его историю. А. А. Толстопятов прожил 80 лет, он не был в браке, умер бездетным. М. А. Толстопятов прожил лишь 54 года, примерно половину этого времени состоял в браке. У него было 8 детей, из которых трое умерли в младенчестве. Среди его детей трое работали профессорами; причем двое продолжительное время, а третий — будущий

© Агафангел (Гагуа), игум., 2023

архиепископ Александр (Толстопятов) — вступил на путь исповеднического служения Церкви. Хотя никто из детей М. А. Толстопятова не учился в Московском университете, но можно с уверенностью говорить о том, что он повлиял на их судьбу. Пенсия, которая была им назначена после смерти отца, статус потомственных дворян, который был определен им за его заслуги во время службы в Императорском Московском университете, позволили им жить в достатке в годы детства и юности; строить начало своего жизненного профессионального восхождения, не преодолевая те препятствия, какие выпали в детстве и юности на долю их отца. На основе документов Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива Военно-Морского Флота, Центрального архива г. Москвы, Центрального архива Нижегородской области, Государственного архива Костромской области и других материалов в статье исследуется судьба семьи Толстопятовых и то влияние, которое оказал на нее Императорский Московский университет.

Ключевые слова: Императорский Московский университет, М. А. Толстопятов, А. А. Толстопятов, заслуженный ординарный профессор, библиотекарь

Для цитирования: *Агафангел (Гагуа), ижум.* Влияние Императорского Московского университета на судьбу семьи Толстопятовых // Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 74—92.

Original article

THE INFLUENCE OF THE IMPERIAL MOSCOW UNIVERSITY ON THE FATE OF THE TOLSTOPYATOV FAMILY

Abbot Agafangel (Alexander K. Gagua)

Metropolitan in the Office of the Metropolitan District of the Russian Orthodox Church in the Republic of Kazakhstan in Moscow, Moscow, Russia, Kazakhstan, gagua0409@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-0878-5117>

Abstract. Among the surnames associated with the Imperial Moscow University, one can single out the surname of Tolstopyatovs. Honored Ordinary Professor Mikhail Alexandrovich Tolstopyatov, after graduating from the university, worked there all his relatively short life. His brother, Alexey Alexandrovich Tolstopyatov, after graduating from Moscow University in his youth, worked there as a librarian for only a few years at the end of his life,

but managed to write his name into its history. A. A. Tolstopyatov lived for 80 years, he was not married, died childless. M. A. Tolstopyatov lived for only 54 years, about half of that time he was married. He had 8 children, of whom three died in infancy. Among his children, three worked as professors; two of them for a long time, and the third — the future Archbishop Alexander (Tolstopyatov) — embarked on the path of confessional service to the Church. Although none of M. A. Tolstopyatov's children studied at Moscow University, it is safe to say that it influenced their fate. The pension that was assigned to them after the death of their father, the status of hereditary nobles, which was determined by it for his work during his service at the Imperial Moscow University, allowed them to live in prosperity during childhood and adolescence, to build the beginning of their professional life ascent, without overcoming those obstacles that their father endured in his childhood and adolescence. Based on documents from the Russian State Historical Archive, the Russian State Archive of the Navy, the Central Archive of Moscow, the Central Archive of the Nizhny Novgorod Region, the State Archive of the Kostroma Region and other data the article examines the fate of the Tolstopyatov family and the influence that the Imperial Moscow University had on it.

Keywords: Imperial Moscow University, M. A. Tolstopyatov, A. A. Tolstopyatov, Honored Ordinary professor, librarian

For citation: Agafangel (Gagua), abbot (2024), 'The influence of the Imperial Moscow University on the fate of the Tolstopyatov family', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4 : 74—92 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В 2010 г. был издан энциклопедический словарь «Императорский Московский университет: 1755—1917» (составители А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков) [Императорский Московский университет..., 2010], в котором среди прочих содержатся статьи, посвященные Михаилу Александровичу и Алексею Александровичу Толстопятовым. Первый из них прожил сравнительно недолгую жизнь — всего 54 года, у него было 8 детей, из которых трое умерли в младенчестве и одна в юности, а из четверых, достигших зрелого возраста, трое стали профессорами, в том числе один из них православным иерархом, апологетом и исповедником. Второй — старший из братьев — был холост,

но дожил до 80 лет. Оба окончили Императорский Московский университет, и, хотя первый прослужил в нем практически всю жизнь — свыше 30 лет, а второй только несколько лет уже в сравнительно пожилом возрасте, имена обоих братьев оказались вписаны в его историю. О них известно незаслуженно мало; в данной статье делается попытка восполнить пробелы, связанные с информацией об их жизни и деятельности.

Историография и источники. На сегодняшний день наиболее полно изучен жизненный путь сына профессора М. А. Толстопятова — архиепископа Александра [Марченко, 2015; Агафангел (Гагуа), игум., 2024]. Брошюра, посвященная самому М. А. Толстопятову, изданная его вдовой к 25-летию со дня его смерти в 1915 г., содержит много интересных сведений личного характера, но все-таки является скорее эмоционально окрашенными воспоминаниями, чем исследованием, поэтому ее правильнее было бы отнести к источникам, чем к историографии. Это же можно сказать о предисловии Е. Д. Толстопятовой к изданной в следующем, 1916 г., книге ее покойного мужа «К вопросу о кристаллогенезисе. (Криптопирамида)» [Толстопятова, 1915; Толстопятов, 1916]. А. А. Толстопятову посвящен достаточно подробный раздел в книге «История библиотеки Московского университета. (1800—1917)» [Сорокин, 1980]. Что касается имеющих энциклопедических и других биографических статей о Толстопятовых, то они достаточно кратки, нуждаются в некоторых уточнениях. При подготовке настоящей статьи использовались материалы Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива Военно-Морского Флота, Центрального государственного архива Москвы, Центрального архива Нижегородской области, Государственного архива Костромской области, публикации в «Сенатских ведомостях».

Постановка научной проблемы. Изучение семейной истории интеллигенции, в частности того, как проходили обучение и работа в вузах представителей этих семей, того влияния, которое учебные заведения оказали на них и их родственников — важная научная проблема, заслуживающая внимательного рассмотрения.

Методология и методы исследования

Исследование основано на конкретно-историческом подходе к анализу поставленных проблем, использовании сравнительного и описательного методов, систематизации, критической интерпретации источников. Историко-генетический метод дает возможность проследить развитие связи семьи Толстопятовых с Императорским Московским университетом. Использование системного метода позволило осмыслить историю их семьи в общей системе исторического развития изучаемого периода.

Основная часть

История семьи Толстопятовых

Как правило, местом рождения доктора минералогии и геогнозии, профессора Императорского Московского университета Михаила Александровича Толстопятова указывается г. Василь (Васильсурск) Нижегородской губернии [Императорский Московский университет..., 2010]¹. Его вдова, Е. Д. Толстопятова, в брошюре, подготовленной к 25-летию со дня кончины профессора, писала: «Мих. Ал. был родом из Василь-Сурска Нижегородской губернии. Вскоре по его рождении отец его переселился в Кострому, где был секретарем думы; впоследствии служил чиновником особых поручений при губернаторе, который несколько раз посылал его с конфиденциальными поручениями к министру внутренних дел» [Толстопятова, 1915: 3—4].

При этом в метрических книгах церкви г. Василя Нижегородской губернии за 1834—1837 гг. сведений о рождении Толстопятова Михаила Александровича не обнаружено². Авторы статьи о Михаиле Александровиче в «Большой биографической энциклопедии» предполагают, что он родился уже в Костроме³. Однако точно это

¹ См. напр.: Толстопятов Михаил Александрович. URL: <http://persons.russianuniversityhistory.tsu.ru/content/толстопятов-михаил-александрович> (дата обращения: 08.07.2023).

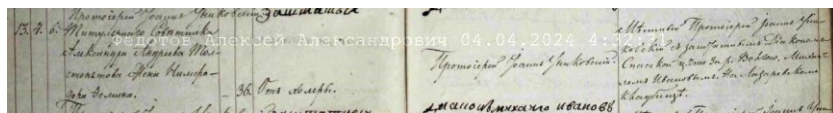
² Центральный архив Нижегородской области. Архивная справка № 691/т от 01.04.2024 (далее: ЦАНО).

³ Толстопятов, Михаил Александрович (1836, Кострома — 1890, Москва). URL: <https://scanwordbase.ru/vocabulary.php?slug=tolstopatov-mihail-aleksandrovic&type=bol-saa-biograficeskaa-enciklopedia> (дата обращения: 03.06.2024).

подтвердить на настоящий момент невозможно, так как в Государственный архив Костромской области не поступали метрические книги церковей г. Костромы за 1835—1836 гг., по которым это можно было бы установить⁴.

В документах архивного фонда Нижегородской духовной консистории в исповедной росписи церкви г. Василя Нижегородской губернии на 1834 г. значится семья секретаря Городового магистрата Александра Андреевича Толстопятова, 28 лет. Кроме него это его жена Нимфодора Фомина 27 лет и сын Алексей 7 лет⁵.

В метрической книге Богословской церкви, что на Каткиной горе города Костромы есть запись о том, что 4 июня 1848 г. умерла от холеры титулярного советника Александра Андреевича Толстопятова жена Нимфодора Фомина в возрасте 36 лет. Исповедовал и приобщал ее протоиерей Иоанн Униковский, он же и отпевал⁶.

Метрическая запись о смерти Нимфодоры Фоминой Толстопятовой.

ГАКО. Ф. 56. Оп. 3. Д. 23. Л. 28 об.—29.

Данные о возрасте матери М. А. Толстопятова в исповедной росписи и в метрической записи о ее кончине существенно отличаются: согласно первой, если в 1834 г. ей было 27 лет, то она приблизительно 1807 г. р.; согласно второй, если в 1848 г. ей было 36 лет, то она приблизительно 1812 г. р.

Как уже было отмечено, после г. Василя Нижегородской губернии А. А. Толстопятов служил секретарем Костромской городской думы. В «Сенатских ведомостях» за 15 июля 1847 г. содержится информация об увольнении от службы по прошению секретаря Костромской городской думы титулярного советника Толстопятова⁷. В фондах Российского государственного исторического архива сохранились сведения о том, что в течение 1849 г. Костромская городская дума подверглась 6 выговорам — строгим

⁴ Государственный архив Костромской области. Информационное письмо № Т-592/850 тем. от 08.05.2024 (далее: ГАКО).

⁵ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559А. Д. 1094. Л. 7 об.

⁶ ГАКО. Ф. 56. Оп. 3. Д. 23. Л. 28 об.—29.

⁷ Сенатские ведомости. 1847. 15 июля. № 56. С. 838.

и простым — из-за медлительности в доставлении ведомостей, ревизии книг. В результате Костромская уголовная палата подвергла Александра Андреевича Толстопятова и других членов думы выговору с внесением в послужной список⁸.

А. А. Толстопятов пытался это оспорить, в июне 1853 г. им была подана всеподданнейшая жалоба на предание его и членов думы суду с изложением обстоятельств, которыми он обосновывал свою невиновность⁹. 2 апреля 1854 г. последовало определение Общего собрания первых трех департаментов и Департамента герольдии Сената «об оставлении всеподданнейшей жалобы А. А. Толстопятова без уважения»¹⁰. После этого следы А. А. Толстопятова теряются. 11 августа 1855 г. Костромское губернское правление направило рапорт в Правительствующий Сенат о розыске А. А. Толстопятова для объявления указа. В документе отмечено, что по разным свидетельствам Александр Андреевич проживал как в Москве, так и в гостинице на Окуловской станции железной дороги, но нигде обнаружен не был. О его розыске было напечатано в Костромский губернских ведомостях¹¹. А 25 января 1857 г. Костромское губернское правление направило в Правительствующий Сенат рапорт об отсутствии сведений об А. А. Толстопятове и прекращении его розыска¹².

По сведениям Е. Д. Толстопятовой, после смерти матери Михаил стал плохо учиться, он даже был оставлен на второй год в третьем классе гимназии. Но его старший брат Алексей Александрович Толстопятов¹³, к тому времени уже окончивший Московский университет и живший в Москве, «выписал» Михаила к себе и поместил в 3 класс 3-ей Московской гимназии [Толстопятова, 1915: 3—5].

⁸ Российский государственный исторический архив. Информационное письмо № 1783 от 21.05.2024 (далее: РГИА).

⁹ Там же. Ф. 130. Оп. 6. Д. 745. Л. 2—7 об.

¹⁰ Там же. Л. 46—56 об.

¹¹ Там же. Л. 65—66 об.

¹² Там же. Л. 69—69 об.

¹³ Толстопятов Алексей Александрович (1825—1896) — педагог, библиограф, директор библиотеки Московского университета. В 1891 г. Министерством народного просвещения были утверждены новые «Правила библиотеки Императорского Московского университета», разработанные А. А. Толстопятовым. Правила были отпечатаны в том же году и розданы профессорам и студентам.

Коллежский советник А. А. Толстопятов

Известно, что Алексей Александрович Толстопятов родился в 1828 г. в Нижегородской губернии, учился в Костромской гимназии. В 1848 г. окончил юридический факультет Императорского Московского университета [Сорокин, 1980: 143]. На 1851 г. двадцатипятилетний действительный студент¹⁴, проживал в Москве в доме поручицы Полторацкой¹⁵; там же и в том же статусе он жил и в 1854 г.¹⁶ Преподавал географию и историю в Николаевском женском институте, Коммерческом училище и других средних учебных заведениях Москвы. Имел склонность к литературным занятиям, посещал литературно-художественные кружки, был знаком с писателями, артистами, учеными. Его перу принадлежит перевод обширного руководства Мори «Физическая география моря» (М., 1861) [Там же: 144].

К тому же до того как стать библиотекарем (директором библиотеки) Императорского Московского университета на протяжении многих лет А. А. Толстопятов работал в должности «домашнего наставника училищ Московской губернии», и, исходя из его формулярного списка о службе, это, видимо, считалось государственной службой: он с выслугой лет продвигался по табели о рангах.

15 мая 1859 г. исправляющий должность попечителя Московского учебного округа выдал ему свидетельство на звание домашнего наставника. А. А. Толстопятов поступил на исполнение обязанностей предоставленного ему звания в дом господина Шипова¹⁷. 26 мая 1866 г. был утвержден в чин губернского секретаря. В 1866 г. из дома Шипова перешел в дом почетного гражданина Третьякова, из дома Третьякова в 1867 г. перешел в дом почетного гражданина Каретникова¹⁸. 11 августа 1869 г. за выслугу

¹⁴ Низшая ученая степень, затем квалификационное звание выпускника университета в Российской империи, введенная в 1819 г. и утратившая значение ученой степени в 1835 г. В период с 1835 по 1884 г. это словосочетание носило смысл квалификационной характеристики выпускника.

¹⁵ Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1611. Л. 318 (далее: ЦГАМ).

¹⁶ Там же. Д. 1671. Л. 315.

¹⁷ Там же. Ф. 418. Оп. 60. Д. 16. Л. 7 об.

¹⁸ Там же. Л. 4, 8 об.

лет был произведен в коллежские секретари, 17 сентября 1870 г. — в титулярные советники¹⁹. В 1871 г. из дома Каретникова перешел в дом г. Рутцен. 3 ноября 1872 г. был награжден императором золотой медалью на Александровской ленте для ношения в петлице, установленной для домашних наставников. 16 ноября 1872 г. за выслугу лет произведен в коллежские асессоры. Из дома Рутцен в декабре 1872 г. перешел в дом коммерции советника Кононова, где находился до 21 декабря 1874 г.²⁰ 24 января 1875 г. по прошению был уволен от службы домашним наставником. При этом отмечалось, что он «должность свою исправлял усердно при похвальном поведении». 10 мая 1876 г. за выслугу лет был произведен в надворные советники²¹.

Уже в зрелом возрасте Алексей Александрович Толстопятов стал руководителем университетской библиотеки и отдал много сил ее развитию. На должность библиотекаря библиотеки Императорского Московского университета его назначили с 1 января 1891 г.²²

В 1892 г. в газете «Московские церковные ведомости» сообщалось: «В библиотеке московского университета проходит спешная работа по проверке, переборке и установке в новом порядке книг всех отделений. С целью упорядочения библиотеки заведующий ее ездил прошлым летом за границу для ознакомления преимущественно с библиотеками Германии. В настоящее время половина библиотеки установлена уже в новом порядке с наклеенными ярлыками, и для скорейшего окончания остальных отделений библиотекарь А. А. Толстопятов усиливает, как и прошлым летом, на собственные средства, личный состав служащих, а по окончании этой работы предполагается выработать новую каталогизацию и новые правила пользования книгами, так что в непродолжительном времени библиотека Московского университета будет преобразована по образцу библиотек Германии»²³.

¹⁹ Там же. Л. 4 об.

²⁰ Там же.

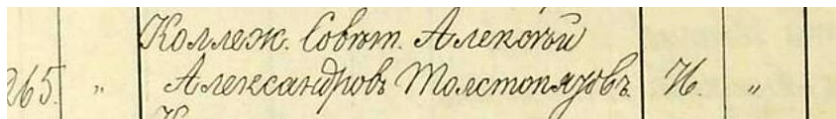
²¹ Там же. Л. 11 об.—12.

²² Там же. Л. 12 об.

²³ Московские церковные ведомости. 1892. № 24. С. 273.

23 сентября 1895 г. он был произведен в коллежские советники²⁴. 1 января 1896 г. высочайшим указом по гражданскому ведомству был награжден орденом св. Анны III степени²⁵. А 25 мая 1896 г. А. А. Толстопятов был уволен с должности библиотекаря Московского университета²⁶.

О его жизни после завершения службы неизвестно. В исповедных ведомостях церкви Рождества Богородицы за Смоленскими воротами Пречистенского сорока за 1902 г. есть запись о коллежском советнике Алексее Александровиче Толстопятове, 76 лет, который проживал в доме Грачева²⁷. В исповедных ведомостях за 1903 г. этого прихода запись о нем по дому Грачева отсутствует²⁸.

Исповедные ведомости церкви Рождества Богородицы за Смоленскими воротами Пречистенского сорока за 1902 г.
ЦГАМ. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 244. Л. 483 об.

А. А. Толстопятов скончался 18 мая 1908 г. Был погребен в фамильном склепе потомственных дворян Толстопятовых на кладбище Новодевичьего монастыря, где уже были похоронены его младший брат Михаил Александрович, умерший в 1890 г. и племянница Ксения, умершая в 1892 г. [Марченко, 2015: 167].

Под руководством Алексея Александровича его младший брат Михаил Александрович, приехавший в юные годы в Москву из Костромы, серьезно взялся за учебу и уже через год стал одним из лучших учеников в гимназическом классе. Сдав экзамены 6 класса, он поступил на естественное отделение математического факультета Московского Императорского университета²⁹. Об этом же пишет Е. Толстопятова [Толстопятова, 1915: 5]

²⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 60. Д. 16. Л. 12 об.—13.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Ф. 459. Оп. 2. Т. 2. Д. 840.

²⁷ Там же. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 244. Л. 483 об.

²⁸ Там же. Л. 537 об.—538.

²⁹ Дело «О принятии в студенты Михайлы Толстопятова» 1854 г. (Там же. Ф. 418. Оп. 23. Д. 414).

Ординарный профессор Императорского Московского университета М. А. Толстопятов

После окончания полного курса Московского Императорского университета по отделу естественных наук физико-математического факультета началась его карьера ученого. 12 июня (ст. ст.) 1859 г. Михаил Александрович Толстопятов «был утвержден в степени кандидата. 17 августа (ст. ст.) того же года был допущен к должности преподавателя естественной истории при Московской практической академии коммерческих наук»³⁰. 5 октября (ст. ст.) того же года «был оставлен при Московском университете для усовершенствования в науках с производством ему по 400 рублей в год из суммы сбора за слушание профессорских лекций»³¹. 9 ноября (ст. ст.) 1860 г. М. А. Толстопятов был утвержден в должности преподавателя естественной истории при Московской практической академии коммерческих наук. 26 августа 1861 г. Министром народного просвещения был утвержден исправляющим должность адъюнкта Московского университета³².

В «Книге адресов жителей Москвы», составленной по официальным сведениям и документам, на 1862 г. указан адрес, по которому в то время проживал исправляющий должность адъюнкта Московского университета М. А. Толстопятов, — Тверская часть, у Арбатских ворот, дом Левшина³³.

24 марта (ст. ст.) 1863 г. «с Высочайшего соизволения» М. А. Толстопятов был командирован за границу «с ученой целью» на полгода. Однако командировкой не воспользовался. Через год ему была предоставлена повторная возможность такой командировки. На этот раз М. А. Толстопятов ее использовал, вернулся в срок. 5 декабря (ст. ст.) 1864 г., согласно прошению, он был уволен с должности преподавателя естественной истории при Московской практической академии коммерческих наук.

³⁰ Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. 432. Оп. 5. Д. 7844. Л. 2 об.—3 (далее: РГАВМФ).

³¹ Там же. Л. 3 об.—4.

³² Там же.

³³ Книга адресов жителей Москвы, составленная по официальным сведениям и документам. 1862. В пользу учрежденных под Высочайшим покровительством Их Императорских Величеств Московских детских приютов. М.: тип. Бахметева, 1861. Ч. 1: Лица служащие. 1861. С. 356.

В 1865 г. М. А. Толстопятов женился, как писала потом его супруга Елизавета Дмитриевна Толстопятова, «...на девушке, с которой познакомился на одной из своих лекций об аэролитах, и с ней прожил в полном согласии и счастье 25 лет» [Толстопятова, 1915: 7—8].

Квартиру профессору оплачивал Императорский Московский университет, на это выделялось 300 рублей в год³⁴. По всей видимости, квартира была достаточно просторная, так как в ней было возможно проводить вечера камерной музыки. «Профессор играл на скрипке, его жена на рояле. Музыка сменялась оживленными беседами, в том числе на религиозно-нравственные темы» [Марченко, 2015: 8].

Как писал протоиерей Алексей Марченко, «...семейное счастье Толстопятовых длилось недолго. Смерть похитила у них одного за другим троих детей, наложив на остальных членов семьи тень благочестивой печали» [Там же].

По архивным документам удалось установить имена этих детей.

18 августа 1866 г. умер сын адъюнкта Московского Императорского Университета Михаила Александровича Толстопятова Алексей в возрасте 5 месяцев. Причина смерти в метрической книге не указана. Отпевание его совершал священник церкви Рождества Богородицы на Малой Дмитровке Михаил Апостольский с причтом. Погребен был в Покровском монастыре³⁵.

Еще одна дочь Михаила Александровича и Елизаветы Дмитриевны Толстопятовых — Ольга родилась 9 февраля 1870 г. Дата ее смерти неизвестна³⁶.

13 января (по старому стилю) 1872 г. у профессора Московского университета Михаила Александровича Толстопятова умер сын Валерий в возрасте 6 недель (т. е. родился в конце 1871 г.). Причина смерти в метрической книге не указана. Погребение состоялось 15 января. Отпевание совершил священник Михаил Апостольский³⁷.

³⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 58. Д. 267. Л. 5.

³⁵ Там же. Ф. 203. Оп. 764. Д. 51. Л. 377 об.—378.

³⁶ Там же. Ф. 418. Оп. 59. Д. 91. Л. 3.

³⁷ Там же. Ф. 203. Оп. 764. Д. 60. Л. 201 об.—202.

Вдова профессора М. А. Толстопятова Елизавета Дмитриевна, оформляя документы на пенсию после кончины супруга, писала, что у нее пять детей: Владимир, Анатолий, Вадим, Ксения и Евгения³⁸. Из них только Ксения умерла в юности, а остальные достигли зрелого возраста. Три сына профессора М. А. Толстопятова — Владимир Михайлович, Анатолий Михайлович (будущий архиепископ Александр) и Вадим Михайлович имели опыт работы профессорами, причем для всех их, кроме избравшего путь церковного служения, профессиональная научная и образовательная деятельность была основной на протяжении длительных периодов их жизни.

После публичной защиты диссертации «О причинах метаморфизма углекислой извести» Михаил Александрович Толстопятов 30 мая (ст. ст.) 1867 г. был утвержден Советом Московского университета в степени магистра минералогии и геогнозии³⁹. 11 июля (ст. ст.) 1867 г. управляющим Московским учебным округом М. А. Толстопятов был утвержден в звании доцента по кафедре минералогии.

13 декабря (ст. ст.) 1869 г. по результатам защиты диссертации «Общие задачи учения о кристаллогенезисе» Советом Московского университета М. А. Толстопятов был утвержден в степени доктора минералогии и геогнозии. 14 марта (ст. ст.) 1870 г. приказом по Министерству народного просвещения утвержден экстраординарным профессором со дня избрания в эту должность⁴⁰.

13 декабря 1869 г. Указом Правительствующего Сената А. М. Толстопятов был «утвержден в чине коллежского советника со старшинством»⁴¹. Приказом по Министерству народного просвещения от 3 июня (ст. ст.) 1872 г. утвержден ординарным профессором по занимаемой им кафедре минералогии со дня избрания его в эту должность университетским советом. С 1 апреля

³⁸ Там же. Ф. 418. Оп. 59. Д. 91. Л. 7.

³⁹ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 7844. Л. 4 об.—5 об.

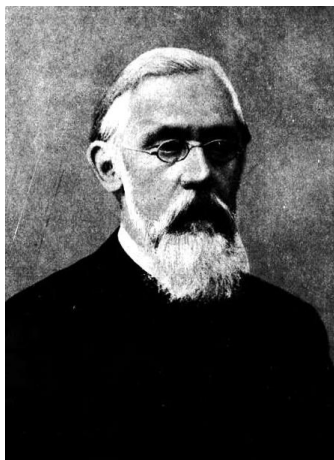
⁴⁰ Там же. Л. 5 об.—6.

⁴¹ Старшинство в чине офицеров и военных чиновников определялось по общему правилу — днем Высочайшего приказа о производстве или тем днем, который указан в самом приказе, а при производстве в чин за военный подвиг — днем совершения подвига.

по 1 октября (ст. ст.) 1873 г. «Высочайшим приказом по Министерству народного просвещения» был командирован за границу «с ученой целью». Возвратился в срок⁴².

21 декабря (ст. ст.) 1872 г. «всемилостивейше пожалован» орденом св. Анны II степени. Указом Правительствующего Сената утвержден в чине статского советника со старшинством с 11 марта 1872 года. 1 января (ст. ст.) 1879 года «за отличную усердную службу всемилостивейше пожалован» орденом св. Владимира III степени. С 1 мая по 1 сентября (ст. ст.) 1880 г. был в научной командировке за границей. Возвратился в срок⁴³.

Высочайшим приказом по Министерству народного просвещения от 29 декабря (ст. ст.) 1882 г. М. А. Толстопятов за отличие был произведен в чин действительного статского советника. С 1 июня по 1 сентября (ст. ст.) находился в научной командировке на Урале⁴⁴.

Заслуженный профессор
М. А. Толстопятов

По утверждению протоиерея Алексея Марченко, «Михаил Александрович был ярким представителем старой московской профессуры, глубоко религиозным и интеллигентным человеком. Будучи ученым-минералогом с мировой известностью, он одновременно являлся знатоком истории, литературы и в особенности музыки» [Марченко, 2015: 7—8].

В 1885 г. по настоянию попечителя Московского учебного округа и Московского университета графа П. А. Капниста Михаил Александрович был назначен деканом математического факультета университета. Однако административная работа тяготила профессора

⁴² РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 7844. Л. 6 об.—7.

⁴³ Там же. Л. 7 об.—8.

⁴⁴ Там же. Л. 8 об.—9.

настолько, что подорвала его здоровье: в 1887 г. у него стали появляться «сердечные припадки». Он был освобожден от обязанностей декана, продолжая работать профессором [Толстопятова, 1915: 12].

Помимо научных занятий профессор М. А. Толстопятов много внимания уделял своей семье. Его супруга Елизавета Дмитриевна Толстопятова в своих воспоминаниях привела пример того, как Михаил Александрович относился к их детям, насколько сильно переживал за них: «...дача лежала на берегу моря, шоссеиная дорога отделяла ее от пляжа: дети обыкновенно гуляли и играли на берегу. Как-то вечером профессор с женой вышли посмотреть на их игры. Вся семья стояла поперек пляжа. <...> Вдруг сзади неслышно по песку подскакали два всадника. Один из них тут же своротил на большую дорогу, другой промчался среди стоявших, задев профессора крупом своей лошади; по другую сторону стоял 5-летний сын его, которого, к счастью, няня успела оттолкнуть. Все это произошло в мгновение ока. <...> это страшно потрясло профессора. В первую минуту испуг за сына, которого он считал помятым лошадью, лишил его возможности остановить всадника. <...> Потрясение вызвало сильное биение сердца и кашель, носовое кровотечение, которое сутки не могли остановить» [Там же: 12—13]. По мнению Елизаветы Дмитриевны, этот инцидент ускорил приближение кончины профессора.

4 октября (ст. ст.) 1889 г. заслуженный ординарный профессор Московского университета М. А. Толстопятов обратился к ректору с прошением о назначении ему установленной пенсии в связи с выслугой 30 лет по учебной части⁴⁵. 25 ноября (ст. ст.) 1889 г. попечитель Московского учебного округа написал ректору: «Товарищ⁴⁶ Министра народного просвещения уведомил, что <...> он назначил выбывшему из числа штатных профессоров за выслугой 30-летнего срока заслуженному профессору Михаилу Толстопятову в пенсию полный оклад содержания, присвоенного должности профессора по штату Императорских Российских университетов по три тысячи рублей в год»⁴⁷.

⁴⁵ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 58. Д. 267. Л. 2.

⁴⁶ Заместитель.

⁴⁷ ЦГАМ. Л. 6—6 об.

М. Е. Е. Д. Замурзинскому директору
 Ректору профессору М. А. Толстопятову
ИМПЕРАТОРСКОГО
 Московского Университета.

МОСКВА.
 Москва 8 дня 1898 г. № 2148

Министру народного просвещения
 от 3 февраля Москва 21.2.98
 7. Попытка в Московском университете
 ввести следующий устав, что 7. Министру
 народного просвещения народного просвещения
 что оное совпадает с 6. Указом Вашего
 императора при ~~Министре~~ ^{Указе} № 105
 от 21 января 1898 года. Ввиду
 Вашего 3-го пункта срока в предельный
 срок, что 5. Устав ~~университета~~
 и составляется. Ввиду ~~важности~~
 важности Вашего ~~указа~~ по 12. Указу
 ввиду ~~важности~~ ^{важности} ~~указа~~ ^{указа} со-
 слав Московского ~~университета~~

Д. @@

Письмо ректора Императорского Московского университета
 профессору М. А. Толстопятову
 о согласии Министра народного просвещения
 об оставлении его на службе по выходе на пенсию.
 ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 58. Д. 267. Л. 11

Кроме того, 5 ноября (ст. ст.) 1889 г. Министр народного просвещения написал, что согласен на оставление М. А. Толстопятова на службе с вознаграждением ему за чтение лекций 1200 рублей в год с отнесением расхода на общие остатки от содержания личного состава университета⁴⁸. Таким образом, всего в год он получал 4200 рублей⁴⁹.

Однако ординарный профессор Московского Императорского университета действительный статский советник Михаил Александрович Толстопятов почти не успел этим воспользоваться. 11 апреля (по ст. ст.) 1890 г. он умер. Причиной смерти, указанной в метрической книге, значилось — «от крупозного воспаления легких». Перед смертью профессора исповедал и причастил приходской протоиерей Михаил Апостольский.

Отпевание почившего состоялось в Татьянинском храме Московского университета, его совершили протопресвитер Московского Большого Успенского собора Николай Сергиевский с причтом приходской церкви Рождества Богородицы, к приходу которой относились профессор и его семья. Похоронили М. А. Толстопятова на кладбище Новодевичьего монастыря⁵⁰.

Профессор М. А. Толстопятов не успел до смерти завершить свой труд о кристаллогенезисе, его записи после смерти были изданы его вдовой Елизаветой Дмитриевной Толстопятовой; в России они были опубликованы спустя 16 лет после его смерти во время Первой мировой войны. В предисловии супруга профессора писала: «Поводом к выпуску в свет настоящего труда, напечатанного в виде посмертного издания на французском языке еще в 1893 году, послужило мое намерение принести в дар Московскому Университету в память мужа коллекцию кристаллов, над которыми он работал, шлифов им собственноручно приготовленных и оставшихся материалов для дальнейших исследований. Научные материалы эти печатаю в том виде, в каком они остались после него, лично им самим не приготовленные для печати» [Толстопятов, 1916: 1].

⁴⁸ Там же. Л. 9.

⁴⁹ Там же. Оп. 59. Д. 91. Л. 12.

⁵⁰ Там же. Ф. 203. Оп. 768. Д. 159. Л. 968 об.—969.

Заключение

Императорский Московский университет оказал большое влияние на судьбу семьи Толстопятовых: и Алексей Александрович, и Михаил Александрович стали его выпускниками. М. А. Толстопятов посвятил ему всю свою трудовую научную и учебную деятельность; А. А. Толстопятов пришел в Московский университет уже в весьма зрелом возрасте, после смерти младшего брата, но основные его жизненные достижения в профессиональной деятельности связаны с теми несколькими годами, когда он работал библиотекарем Московского университета. Хотя никто из детей М. А. Толстопятова не учился в этом университете, но пенсия, которая была получена их матерью после смерти Михаила Александровича за его службу в этом вузе, дала им возможность безбедной жизни на много лет; а его заслуги перед Россией во время службы в Московском университете, отмеченные императором, дали им право на потомственное дворянство.

Список источников

- Агафангел (Гагуа), игум.* Особенности архипастырского служения Преосвященного Александра (Толстопятова): жизненный путь, церковная деятельность, научное и духовное наследие: дис. ... канд. богословия. М., 2024. 192 с.
- Императорский Московский университет, 1755—1917: энциклопедический словарь / сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. 894 с.
- Марченко А., прот.* Архиепископ Александр (Толстопятов). Защитник Отечества и православной веры. Н. Новгород: Издат. отдел Нижегород. епархии, 2015. 176 с.
- Сорокин В. В.* История библиотеки Московского университета. (1800—1917). М.: Изд-во Московского университета, 1980. 254 с.
- Толстопятов М. А.* К вопросу о кристаллогенезисе. (Криптопирамида) / предисл.: Е. Толстопятова. Пг.: [Е. Толстопятова], 1916. 90 с.
- Толстопятова Е.* Памяти профессора М. А. Толстопятова (К 25-летию со дня смерти). Пг.: тип. П. Усова, 1915. 15 с.

Referenses

- Agafangel (Gagua), abbot (2024), *Osobennosti arhipastyrskogo sluzheniia Preosviashchennogo Aleksandra (Tolstopiatova): zhiznennyi put', tserkovnaia deiatel'nost', nauchnoe i dukhovnoe nasledie* [Features of the archpastoral ministry of His Grace Alexander (Tolstopyatov): life path, church activities, scientific and spiritual heritage], Ph. D. (Theology) Thesis, Church-wide postgraduate and doctoral studies named after Saints Cyril and Methodius Equal to the Apostles, Moscow, Russia.
- Andreev, A. Yu. and Tsygankov, D. A. (comps) (2010), *Imperatorskii Moskovskii universitet, 1755—1917: entsiklopedicheskii slovar'* [Imperial Moscow University, 1755—1917: encyclopedic dictionary], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Marchenko, A., archpriest (2015), *Archiepiskop Aleksandr (Tolstopiatov). Zashchitnik Otechestva i pravoslavnoi very* [Archbishop Alexander (Tolstopyatov). Defender of the Fatherland and the Orthodox Faith], Izdatel'skii otdel Nizhegorodskoi eparkhii, Nizhnii Novgorod, Russia.
- Sorokin, V. V. (1980), *Istoriia biblioteki Moskovskogo universiteta. (1800—1917)* [History of the Moscow University Library. (1800—1917)], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.
- Tolstopyatov, M. A. (1916), *K voprosu o kristallogenezise. (Kriptopiramida)* [On the issue of crystallogenesis. (Cryptopyramid)], in Tolstopiatova, E. (ed.), E. Tolstopiatova, Petrograd, Russia.
- Tolstopyatova, E. (1915), *Pamiati professora M. A. Tolstopiatova (K 25-letiiu so dnia smerti)* [In memory of Professor M. A. Tolstopyatov (On the 25th anniversary of his death)], tipografiia P. Usova, Petrograd, Russia.

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 31.07.2024.

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 31.07.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Игумен Агафангел (А. К. Гагуа) — доктор медицинских наук, кандидат богословия, профессор, помощник митрополита в Представительстве митрополичьего округа Русской Православной Церкви в Республике Казахстан в Москве, Москва, Россия, Казахстан.

Abbot Agafangel (A. K. Gagua) — Doctor of Medicine, Candidate of Sciences (Theology), professor, the assistant to the Metropolitan in the Office of the Metropolitan District of the Russian Orthodox Church in the Republic of Kazakhstan in Moscow, Moscow, Russia, Kazakhstan.

Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 93—109.

Intelligentsia and the World. 2024. No. 4. P. 93—109.

Научная статья

УДК 94(430).086

DOI: 10.46725/IW.2024.4.5

НЕМЕЦКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ ПРОТИВ НАЦИЗМА. ГРАФ ГЕЛЬМУТ ДЖЕЙМС ФОН МОЛЬТКЕ И «КРУЖОК КРЕЙЗАУ»

Борис Львович Хавкин

Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, novistor@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4419-3639>

Аннотация. Взгляды внутригерманской интеллектуальной оппозиции национал-социализму недостаточно изучены в российской историографии. Существует мнение, что немецкая интеллигенция в большинстве своем поддержала Гитлера, а те, кто был против, уехали в эмиграцию или, оставаясь в стране, вынуждено подчинились нацистской диктатуре. Создается ложное впечатление, что нацистская диктатура служила немецкому народу: личную выгоду из гитлеровского режима извлекли 95 % немцев, включая и интеллектуальную элиту. Историк из ФРГ Гёц Али назвал это явление «услужливой диктатурой». Однако 5 % — подавляемое нацистами меньшинство — было в оппозиции нацистскому режиму и оказывало ему сопротивление. Одним из центров интеллектуального Сопrotивления внутри рейха был «Кружок Крейзау», о лидере которого, графе Гельмуте Джеймсе фон Мольтке, его единомышленниках, программе этой оппозиционной нацизму группы, рассказывает статья.

Источниковую основу статьи составляют документы «Кружка Крейзау», рассматриваемые на основе принципа историзма и традиционных методов исторического исследования. Впервые в российской историографии на русском языке публикуется новый исторический источник: «Краткая версия меморандума об основах политической теории графа Гельмута Джеймса фон Мольтке как основы для дискуссий в Крейзау, 1940/41 гг.».

© Хавкин Б. Л., 2024

Ключевые слова: нацистская диктатура, интеллектуальное Сопротивление, «Кружок Крейзау», граф Гельмут Джеймс фон Мольтке, граф Петер Йорк фон Вартенбург

Для цитирования: Хавкин Б. Л. Немецкие интеллектуалы против нацизма. Граф Гельмут Джеймс фон Мольтке и «Кружок Крейзау» // Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 93—109.

Original article

GERMAN INTELLECTUALS AGAINST NAZISM. COUNT HELMUT JAMES VON MOLTKE AND THE “KREISAU CIRCLE”

Boris L. Khavkin

Historical and Archival Institute, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia,
novistor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4419-3639>

Abstract. The views of the internal German intellectual opposition to National Socialism have not been sufficiently studied in Russian historiography. There is an opinion that the majority of the German intelligentsia supported Hitler, and those who were against emigrated or, remaining in the country, were forced to submit to the Nazi dictatorship. This creates the false impression that the Nazi dictatorship served the German people: 95 % of Germans, including the intellectual elite, personally benefited from the Hitler regime. The West German historian Götz Aly called this phenomenon a “servile dictatorship”. However, 5 % — a minority suppressed by the Nazis — were in opposition to the Nazi regime and resisted it. One of the centers of intellectual resistance within the Reich was the “Kreisau Circle”, about whose leader, Count Helmuth James von Moltke, his associates, and the program of this group opposed to Nazism, the article tells.

The source basis of the article is the documents of the “Kreisau Circle”, considered on the basis of the principle of historicism and traditional methods of historical research. For the first time in Russian historiography, a new historical source is published in Russian: “A short version of the memorandum on the foundations of the political theory of Count Helmuth James von Moltke as a basis for discussions in Kreisau, 1940/41”.

Keywords: Nazi dictatorship, intellectual resistance, “Kreisau Circle”, Count Helmuth James von Moltke, Count Peter Yorck von Wartenburg

For citation: Khavkin, B. L. (2024), ‘German intellectuals against Nazism. Count Helmuth James von Moltke and the “Kreisau Circle” ’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 93—109 (in Russ.).

Была ли германская альтернатива нацизму? Отвечая своей статьей на этот вопрос, отметим, что немецкое антигитлеровское Соппротивление в 1938—1944 гг. могло бы, в случае его успеха, сыграть решающую роль в истории Европы и мира. Это значит, что вся европейская, да и мировая история пошла бы иначе. «Речь идет не о “контрфактологических” сценариях типа “а что было бы, если бы” (хотя порой в них есть глубокий смысл). Имеется в виду то обстоятельство, что политики обычно принимают решения в порядке выбора из альтернативных вариантов. Проследить, какие это были варианты и были ли они вообще — это существенная часть раскрытия политического процесса», — отмечал российский историк А. М. Филитов [Филитов, 2009: 10].

Внутригерманские альтернативы нацистской диктатуре представляли собой не только военные заговоры и покушения на Гитлера, но и планы немецких интеллектуалов по антифашистскому переустройству Германии.

Одним из центров интеллектуальной оппозиции нацизму был «Кружок Крейзау» (“*Kreisauer Kreis*”) — группа немецких противников Гитлера, собиравшаяся в 1940—1943 гг. в имении графов Мольтке в Верхней Силезии близ города Шведница (ныне — Кшижова близ города Свидница в Польше). Впервые название «Кружок Крейзау» было упомянуто в отчете Главного управления имперской безопасности (РСХА) от 25 августа 1944 г. в связи с расследованием дела о покушении на Гитлера [Spiegelbild einer Verschwörung..., 1961].

В «Кружок Крейзау» входило более 20 человек. В дискуссиях о настоящем и будущем Германии участвовали офицеры, дипломаты и чиновники, в большинстве своем аристократы по происхождению: Гельмут Джеймс фон Мольтке, Петер Йорк фон Вартенбург, Ганс Бернд фон Хефтен, Адам фон Тротт цу Зольц. Связь с «Кружком Крейзау» поддерживал бывший посол Германии в Советском Союзе Фридрих Вернер фон дер Шуленбург.

В «Кружок Крейзау» входили церковные деятели: католики Августин Рёш, Альфред Дельп, Лотар Кёниг, протестанты Ойген Герстенмайер, Гарольд Пёльхау.

К «Кружку Крейзау» примыкали правые социал-демократы Карло Мирендорф, Теодор Хаубах, Густав Дарендорф. Тесные связи с «Кружком Крейзау» поддерживали левые социал-демократы — Вильгельм Лёйшнер, Юлиус Лебер, Адольф Рейхвейн, выступавшие за сотрудничество с коммунистами и за проведение широких демократических реформ в послегитлеровской Германии.

Руководитель кружка граф Гельмут Джеймс фон Мольтке (1907—1945) происходил из влиятельной аристократической семьи: он был внучатым племянником генерал-полковника Гельмута Иогана Людвига фон Мольтке (Мольтке-младшего), начальника кайзеровского Полевого Генерального штаба до 14 сентября 1914 г., и правнучатым племянником генерал-фельдмаршала Гельмута Карла Бернхарда фон Мольтке (Мольтке-старшего), начальника Большого Германского Генерального штаба и одного из основателей Германской империи в 1871 г.

Родители Гельмута Джеймса фон Мольтке входили в основанную в США протестантскую религиозную организацию «Христианская наука». Отец Гельмута Джеймса, Гельмут фон Мольтке, занимался преподавательской и переводческой деятельностью в рамках «Христианской науки», был одним из переводчиков на немецкий язык книги основательницы этой организации Мэри Бейкер Эдди «Наука и здоровье с Ключом к Священному Писанию». Мать Гельмута Джеймса, Дороти, в девичестве Роуз-Иннес, была англичанкой; ее отец, сэр Джеймс Роуз-Иннес, был верховным судьей Южно-Африканского союза.

Гельмут Джеймс фон Мольтке был крупным силезским землевладельцем. Он много занимался хозяйством, проводил обширные реформы, смысл которых состоял в том, чтобы обеспечить арендаторам участие в прибылях. В Крейзау Мольтке выделил неиспользуемую часть поместья для фермерских хозяйств, что вызвало резкую критику со стороны соседей-землевладельцев.

С 1927 по 1929 гг. Гельмут Джеймс фон Мольтке изучал право и политические науки в Бреслау, Вене, Гейдельберге

и Берлине. В 1928 году Мольтке вместе с преподавателями колледжей и лидерами молодежного движения организовал «Рабочие объединения Лёвенберг» (Löwenberger Arbeitsgemeinschaften), в которых молодые рабочие, фермеры и студенты учились друг у друга, обсуждали гражданско-правовые вопросы.

В 1931 г. Мольтке женился на Фрейе Дайхман, с которой познакомился в Австрии. В дальнейшем Фрея фон Мольтке, как и ее муж, стала членом «Кружка Крейзау».

Мольтке был блестящим оратором, обладал глубокими познаниями в области государственного права, философии, социологии. В 1934 г. он сдал государственный экзамен по юриспруденции, но в 1935 г. как противник идеологии и практики нацизма отказался от вступления в гитлеровскую партию и от карьеры судьи. Вместо этого он открыл частную юридическую контору в Берлине.

Как юрист, занимающийся международным правом, Мольтке помогал эмигрировать из Германии евреям — жертвам гитлеровского режима и ездил за границу для поддержания юридических контактов. В 1935—1938 гг. Мольтке жил в Великобритании в Лондоне и Оксфорде, совершенствовал свои знания по британскому праву и практиковал как юрист.

В 1939 г. Мольтке вернулся в Германию. С началом Второй мировой войны он служил в военной разведке (абвере), где занимался вопросами международного и военного права. Работа Мольтке заключалась в отслеживании международных новостей военно-политического характера, сборе и анализе информации из-за границы, получаемой от военных атташе и из иностранных газет. В служебные обязанности Мольтке также входило поддержание связи между Верховным командованием вермахта и Министерством иностранных дел рейха.

Во время командировок в оккупированные Германией страны Европы Мольтке повсеместно наблюдал нарушения прав человека, которым он пытался воспрепятствовать. В докладах командованию Мольтке настаивал на соблюдении Германией Женевских и Гаагских конвенций и принципов международного права; он выступал против жестокого обращения с советскими военнопленными и гражданским населением СССР.

Позицию Мольтке поддерживали шеф абвера адмирал Вильгельм Канарис и его заместитель генерал Ганс Остер. Однако она была отвергнута высшим военным командованием. Начальник штаба Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель на полях меморандума шефа абвера написал: «Размышления соответствуют солдатским понятиям о рыцарской войне! Здесь речь идет об уничтожении мировоззрения. Поэтому я одобряю эти меры и защищаю их. К, 23.9.» [Помета Вильгельма Кейтеля на документе..., 1992].

Доступ к информации о депортациях и расстрелах заложников усилил сопротивление Мольтке развязанной нацистами войне. Мольтке ссылался на международное право и политические соображения, чтобы остановить расстрел заложников в Голландии. Он сумел не допустить расстрела французов, взятых в плен немецкими войсками в Африке; предупреждал датчан о запланированной нацистами депортации датских евреев. Во время своей поездки в Осло Мольтке информировал сотрудничавшего с немецким Сопротивлением подполковника Теодора Штельцера о предстоящей депортации норвежских евреев в концлагеря. В свою очередь, Штельцер предупредил норвежских патриотов, которым удалось переправить многих евреев в нейтральную Швецию.

Мольтке был убежденным патриотом-германофилом. В своем последнем письме жене он с гордостью писал, что стоял перед судом «не как протестант, не как землевладелец, не как дворянин и не как пруссак, а как немец» [Moltke, 1991]. Патриотизм Мольтке ничего общего не имел с нацистским национализмом и германским имперским шовинизмом. Он понимал, что послевоенная судьба Германии будет тяжелой, но это необходимая расплата за преступления нацистского режима.

Мольтке был глубоко религиозным человеком. Мироззрение Мольтке и членов его кружка было основано на христианском вероисповедании. Однако религиозные воззрения Мольтке были далеки от клерикализма, требовавшего безусловного подчинения всем догмам церкви и одобрения всех ее действий. Мольтке критиковал церковь «немецких христиан» и «арийское христианство» за приверженность нацизму, говорил о необходимости возврата к «духовным (но не церковным) традициям христианства» [Wheeler-Bennet, 1954: 639]. В христианстве члены

«Кружка Крейзау» видели единственный путь преодоления чело-веконенавистнической морали нацизма. Руководители кружка придавали большое значение распространению христианской ве-ры и настаивали, в частности, на введении обязательного преподавания религии в школах. В целом, воззрение «Кружка Крейзау» можно определить как «христианский социализм».

Ближайшим другом и единомышленником Мольтке был граф Петер Йорк фон Вартенбург (1904—1944) [Brakelmann, 2012: 336]. Как и Мольтке, он принадлежал к старому дворянскому роду. Но, в отличие от сугубо консервативных прусских традиций семьи Мольтке, Вартенбурги хранили традиции освободительной войны против Наполеона, в которой прадед Петера фельдмаршал Людвиг Йорк фон Вартенбург сыграл выдающуюся роль: он заключил соглашение с русским генералом Иваном Дибичем (Гансом Карлом Фридрихом Антоном фон Дибич-унд-Нартен) в декабре 1812 года в Тауроггене, согласно которому прусские войска, отказавшись подчиняться Наполеону, перешли на сторону русской армии. Этот мужественный поступок послужил сигналом к освободительной борьбе немецкого народа против наполеоновского ига, а Людвиг Йорк фон Вартенбург стал одним из героев этой борьбы.

Петер Йорк фон Вартенбург понимал свой патриотический долг так же, как и его прославленный предок. В своих письмах он прямо ссылался на традиции освободительной борьбы против Наполеона, говорил о своих патриотических чувствах. В последнем письме, адресованном матери, он писал: «Я хочу заверить тебя, что мои поступки не определялись ни честолюбивыми мыслями, ни стремлением к власти. Мною руководили лишь патриотические чувства, страх за мою Германию, заботы о ее дальнейшем внутреннем и внешнем развитии. Поэтому я честен перед моими предками, отцом и братьями» [Yorck von Wartenburg, 1984: 85].

Петер Йорк фон Вартенбург с исключительным мужеством держал себя на следствии и на суде. Под жестокими пытками он не отрекся от своих антифашистских убеждений. На допросах в РСХА он осуждал преступления нацизма и защищал свои взгляды: «национал-социалистическая империя совершенно чужда мне, особенно в связи с ее воззрениями на права человека, с ее

нюрнбергскими законами и мерами по истреблению евреев, с ее действиями в оккупированных районах» [Spiegelbild einer Verschwörung..., 1961: 257]. В письме к жене он писал: «Я надеюсь, что моя смерть явится жертвой во имя искупления того, в чем мы все виноваты... Это смерть за родину! Я иду в свой последний путь несломленный и с поднятой головой...» [Schneider, Gollwitzer, Kuhn, 1994: 191].

Помимо бесед в имении графа Мольтке, участники «Кружка Крейзау» встречались в Берлине, Мюнхене и Фульде. Они обсуждали актуальные политические и экономические проблемы, планы послевоенного развития страны. Разрабатывались программы действий, предусматривавшие, в частности, назначение во всех землях специальных уполномоченных, которые будут осуществлять власть в переходный период после свержения нацистского господства и до установления новой демократической власти. Предполагалось, что эти уполномоченные будут наделены широкими правами по денацификации государственного аппарата, преданию суду лиц, участвовавших в преступлениях гитлеровского режима.

Один из членов кружка — евангелический пастор Гарольд Пёльхау писал: «Проблемы демократии, вопрос о федеративном или унитарном устройстве государства, проблематика, касающаяся механизма выборов и деятельности партий, власти и контроля над ней — одним словом, весь круг вопросов, охватывающих политическую организацию современной демократии, — таковы были темы “Кружка Крейзау”» [Poelchau, 2004: 93].

Пять основных документов «Кружка Крейзау» были впервые опубликованы в Германии в 1949 г. в книге Теодора Штельцера [Steltzer, 1949], а в дальнейшем в других изданиях, например, в сборнике документов под редакцией Вальтера Хофера [Hofer, 1983: 333—335]. Наиболее полные и подробные исследования места и роли «Кружка Крейзау» и графа Гельмута Джеймса фон Мольтке в немецком движении антигитлеровского Сопротивления принадлежат голландцу Герриту ван Роону [Roop, 1967: 498—518], и немецким авторам Хансу Моммзену [Mommzen, 1994: 361—377], Аннелоре Лебер и Фрейе фон Мольтке [Leber, Moltke: 1962].

В советской (российской) историографии историю «Кружка Крейзау» исследовали Д. Е. Меламид (Мельников) [Меламид, 1962], который был первооткрывателем этой темы и рассматривал ее в общем контексте немецкого консервативного Сопротивления [Мельников, 1962; 1965], и Л. Н. Бровко, которая подробно изучала христианский социализм Крейзау [Бровко, 2004: 340—368; 2009]. Сравнительную характеристику взглядов Мольтке и Вартенбурга дает Н. И. Иванова [Иванова, 2008: 339—343]. С. И. Невский сравнивает политические и экономические установки членов «Кружка Крейзау» и лидера германской консервативной оппозиции Карла Гёрделера [Невский, 2019].

Программные тезисы «Кружка Крейзау» были выработаны на совещаниях на Троицу 1942 г., осенью 1942 г., в январе 1943 г., на Троицу 1943 г. и в августе 1943 г. Основной документ кружка «Принципы переустройства Германии» в редакции от 9 августа 1943 г. (другой перевод названия этого документа — «Принципы построения нового государства») [Финкер, 2004: 135], представлял собой, как отмечает историк Ульрих Фолькер, «всеобъемлющий план на будущее, который был составлен в кругах немецкого сопротивления Гитлеру» [Volker, 2008]. В документе говорилось: «Растоптанное право должно быть восстановлено. Оно должно лечь в основу всей жизни... Будет обеспечена свобода совести и свобода вероисповедания. Все существующие ныне законы и распоряжения, которые противоречат этому, немедленно отменяются». Указывалось на необходимость привлечения широких кругов населения к управлению государством: «Каждый гражданин должен участвовать со всей ответственностью в различных областях социальной, политической и международной жизни» [Мельников, 1965: 159]. Провозглашалось право каждого гражданина на обеспечение работой; указывалось на недопустимость любых преследований по национальному и этническому признаку.

Мольтке и его друзья считали, что только полный «расчет с прошлым» откроет немцам дорогу к демократии; они требовали открытого осуждения немецким народом нацизма и его преступлений. Мольтке писал: «Сегодня среди немногочисленной, но активной части немецкого народа начинает распространяться осознание того, что он не только обманут, что ему не только

предстоят тяжелые времена, что война не только неизбежно закончится поражением, но и что все происходящее — это тяжкий грех, что немцы лично ответственны за все ужасы, которые совершены нацистами» [Там же: 159—160]. Мольтке и его группа выдвинули требование привлечения к ответственности военных преступников и их наказания Международным судом в Гааге.

Участники «Кружка Крейзау» уделили внимание планам послевоенного политического переустройства Германии. Они решительно высказывались за республику; делалась попытка ограничить власть высшего чиновничества и военщины. Предусматривалось, что «политические чиновники и представители вооруженных сил» не смогут избираться в законодательные органы.

В социально-экономической программе, разработанной Мольтке, провозглашалось, что «естественные источники богатства» должны служить всеобщему благосостоянию, а целью экономической политики должно быть «обеспечение существования трудящихся». Экономическая жизнь страны, по планам «Кружка Крейзау», должна была развиваться «в рамках государственного руководства экономикой». В программе указывалось, что монополистические объединения, картели и концерны должны быть поставлены под государственный контроль. «Ключевые предприятия горной, железодобывающей и металлургической промышленности, важнейших отраслей химической и энергетической промышленности должны перейти в общественную собственность» [Там же: 161—162]. Программа предусматривала «деконцентрацию» картелей и концернов в «общих интересах». Рынки и крупная промышленность в землях должны были быть подчинены центральному правительству.

Будущее правительство должно способствовать «участию рабочих в руководстве предприятиями и в результатах труда, особенно в прибылях предприятия». С целью «согласованного преобразования частных предприятий в своего рода производственные ассоциации в пользу коллектива предприятия» заключалось соглашение между собственником предприятия и представителем трудового коллектива [Там же: 161].

Оценивая экономическую программу «Кружка Крейзау», историк Герхард Риттер указывал, что она «возникла под влиянием

социалистических идей» и, по существу, была направлена на создание централизованной экономики, под государственным контролем. По его мнению, основной темой встреч в имении Мольтке была выработка «планов социальной реформы и преодоления классовых противоречий» [Ritter, 1954: 305]. Ганс Ротфельс подчеркивал, что «главные руководящие участники “Кружка Крейзау”... порвали с буржуазным мировоззрением» [Rothfels, 1994: 127].

По вопросу о том, каким образом должен быть совершен антифашистский государственный переворот, внутри «Кружка Крейзау» существовали разногласия. Мольтке представлял себе переворот как результат победы «идей добра» над «идеями зла». По его мнению, главная задача заговорщиков состояла в том, чтобы в идейном смысле подготовить свержение Гитлера. Он был против покушения на Гитлера как исходного пункта госпереворота. Об этом свидетельствуют, в частности, его письма из тюрьмы, в которых он «благодарит судьбу» за то, что на процессе выяснилось его отрицательное отношение к покушению на Гитлера. Мольтке подчеркивал, что он желал предстать перед судом не как человек, покушавшийся на фюрера, а как деятель, который был готов пожертвовать жизнью ради осуществления своих идей [Schneider, Gollwitzer, Kuhn, 1954: 207—216].

Не все источники по теме исследования введены в России в научный оборот. Так, например, Ханс Моммзен еще в 1994 г. в «Ежеквартальном журнале по современной истории» (ФРГ) опубликовал «Краткую версию меморандума об основах политической теории графа Гельмута Джеймса фон Мольтке как основы для дискуссий в Крейзау, 1940/41 гг.». Однако этого источника до сих пор не было в российской историографии. Мы впервые публикуем этот документ в нашем переводе на русский язык.

«Краткая версия

Об основах теории государства

Сущность государства проявляется в трех отношениях: государства и личности, государства и экономики, государства и веры.

Содержание государства исчерпывается этими тремя группами отношений. В то же время эти три группы отношений заполняют собой все содержание государства. При этом названные

группы отношений в конечном итоге остаются независимыми друг от друга.

Отношение государства к личности

Цель государства — предоставить людям свободу, которая позволит им признавать естественный порядок вещей и способствовать его осуществлению.

Взаимоотношения государства и экономики

А. Государство является неограниченным хозяином экономики;

Б. Задача государства — через распределение результата хозяйственной деятельности:

а) дать возможность каждому получить все необходимое для жизни;

б) препятствовать тому, чтобы отдельные лица получали несправедливую долю излишков жизненных благ, а также тому, чтобы отдельные, многие или все лица злоупотребляли своими экономическими возможностями просто для отвлечения внимания или создания экономического доминирования;

в) содействовать неэкономическим целям государства;

г) предоставлять средства для достижения самых высоких целей, при этом не позволяя экономике влиять на содержание этих целей.

В. Задача государства — не допустить, чтобы независимость от природы, достигаемая посредством экономической деятельности, не покупалась ценой усиления чисто экономической зависимости от других людей.

Отношения **между государством и верой** я суммирую в следующих тезисах:

А. Не существует теологического учения о государстве, а есть только учение о людях в государстве. Так что христианского государства тоже не существует.

Б. При формулировании основ государственной доктрины мы исходим из обязательных для личности принципов этики, которая является “гуманистической” этикой и не зависит от содержания откровения христианской или иной религии.

В. Государство аморально, потому что оно абстрактно.

Г. Чтобы достичь цели государства, государственный деятель должен чувствовать себя обязанным соблюдать этические заповеди, из какого бы источника он их ни черпал, уметь распознавать порядок природы вещей и действовать в соответствии с этим знанием. Большинство людей сможет справиться с этой

задачей только благодаря вере. Таким образом, создание и воспитание деятеля правового государства в конечном итоге будет означать воспитание христианского государственного деятеля.

Д. Задача государства — способствовать познанию естественного порядка каждым человеком в отдельности. Для этого нужна вера каждого, так как лишь немногие способны познать этот порядок без и вне откровения» (по: [Mommsen, 1994: 361—377]).

Таким образом, публикуемый источник свидетельствует, что и в интеллектуальных кругах Германии уже в 1940—1941 гг. с позиций христианской демократии и гуманистической этики рассматривались проблемы взаимоотношений государства и личности, государства и экономики, государства и веры; в «Кружке Крейзау» велись дискуссии о необходимости решительно покончить с нацизмом и принять меры к установлению в Германии демократической республики, разрабатывались основы экономической и общественно-политической жизни послевоенной Германии.

Список источников

- Бровко Л. Н.* Христианский социализм Крайзау. Идеи переустройства Германии // *Общественная мысль в контексте истории культуры* / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М.: Наука, 2004. С. 340—368.
- Бровко Л. Н.* Церковь и Третий рейх. СПб.: Алетейя, 2009. 471 с.
- Иванова Н. И.* Граф Петер Йорк фон Вартенбург и граф Гельмут Джеймс фон Мольтке: сравнительная характеристика участников заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. // *Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени: материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, декабрь 2007*. СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2008. С. 339—343.
- Меламид Д. Е.* Политический кризис фашистского режима и заговор 20 июля 1944 г. в Германии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1962. 36 с.
- Мельников Д. Е.* Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. М.: Институт международных отношений, 1962. 302 с.
- Мельников Д. Е.* Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. Причины и следствия. М.: Международные отношения, 1965. 300 с.
- Невский С. И.* Между политическим консерватизмом и экономическим либерализмом: Карл Фридрих Гёрделер и его концепция «другой Германии» после свержения нацистской диктатуры // *История*.

2019. Т. 10. Вып. 5. URL: <https://history.jes.su/s207987840006137-9-1/>
(дата обращения: 22.05.2024).
- Помега Вильгельма Кейтеля на документе «Докладная записка адмирала Вильгельма Канариса, начальника военной разведки, начальнику Верховного командования вермахта, генерал-фельдмаршалу Вильгельму Кейтелю, 15.9.1941 г.». Докладная записка подготовлена графом Гельмутом Джеймсом фон Мольтке и Гюнтером Иенике // Война Германии против Советского Союза 1941—1945 / под ред. Рейнгарда Рюрупа. В.: Argon-Verlag GmbH, 1992. 285 с.
- Филитов А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941—1990. М.: Наука, 2009. 333 с.
- Финкер К.* Заговор 20 июля 1944 года: дело полковника Штауффенберга / пер. с нем. Г. Я. Рудого. М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2004. 264 с.
- Brakelmann G.* Peter Yorck von Wartenburg: 1904—1944. Eine Biographie. München: Beck-Verlag, 2012. 336 S.
- Hofer W.* (Hrsg.) Der Nationalsozialismus, Dokumente 1933—1945. Frankfurt a. M.: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1983. 396 S.
- Leber A., Moltke F.* Für und wider: Entscheidungen in Deutschland 1918—1945. В.; Frankfurt a. M.: Frankfurt Leber-Mosaik Verlag, 1962. 287 S.
- Moltke H. J. von.,* Briefe an Freya. 1939—1945. Beate Ruhm von Oppen Hrsg. München: C.H. Beck, 1991. 683 S.
- Mommsen H.* Der Kreisauer Kreis und die künftige Neuordnung Deutschlands und Europas // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1994. H. 3. S. 361—377.
- Poelchau H.* Die Ordnung der Bedrängten: Erinnerung des Gefängnisseeleorgers und Sozialpfarrers (1903—1972). Berlin: Hentrich und Hentrich Verlag, 2004. 253 S.
- Ritter G.* Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1954. 630 S.
- Roon G. van* Neuordnung im Widerstand. Der Kreisauer Kreis innerhalb der deutschen Widerstandsbewegung. München: R. Oldenbourg Verlag, 1967. 652 S.
- Rothfels H.* Die deutsche Opposition gegen Hitler. Zürich: Manesse, 1994. 443 S.
- Schneider R., Gollwitzer H., Kuhn K.* Du hast mich heimgesucht bei Nacht. Abschiedsbriefe und Aufzeichnungen des Widerstandes 1933 bis 1945. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus, 1954. 467 S.
- Spiegelbild einer Verschwörung, Die Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler über das Attentat vom 20. Juli 1944. Geheime Dokumente

- aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt / Hrsg. K. H. Peter. Stuttgart: Seewald-Verlag, 1961. 587 S.
- Steltzer T.* Von Deutscher Politik, Frankfurt a. M.: Knecht, 1949. 169 S.
- Volker U.* Der Kreisauer Kreis. Reinbek: Rowohlt Verlag, 2008. 160 S.
- Wheeler-Bennet J.* Die Nemesis der Macht. Die deutsche Armee in der Politik 1918—1945. Düsseldorf: Droste Verlag Düsseldorf, 1954. 831 S.
- Yorck von Wartenburg M.* Die Stärke der Stille. Erzählung eines Lebens aus dem deutschen Widerstand. Köln, 1984. 155 S.

Referenses

- Brakelmann G. (2012), *Peter Yorck von Wartenburg: 1904—1944. Eine Biographie*, Beck-Verlag, München, Germany.
- Brovko, L. N. (2004), ‘Christian socialism of Kreisau. Ideas for the reconstruction of Germany’, in Kudryavtsev, O. F. (ed.), *Obshchestvennaia mysl’ v kontekste istorii kul’tury* [Social thought in the context of cultural history], Nauka, Moscow, Russia: 340—368.
- Brovko, L. N. (2009), *Tserkov’ i Tretii reikh* [The Church and the Third Reich], Aleteiia, Saint Petersburg, Russia.
- Filitov, A. M. (2009), *Germaniia v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovanii. 1941—1990* [Germany in Soviet foreign policy planning, 1941—1990], Nauka, Moscow, Russia.
- Finker, K. (2004), *Zagovor 20 iulia 1944 goda: delo polkovnika Shtauffenberga* [Conspiracy of July 20, 1944: the case of Colonel Stauffenberg], Translated by Rudy, G. Ya., TERRA-Kniga klub, Moscow, Russia.
- Hofer, W. (ed.) (1983), *Der Nationalsozialismus, Dokumente 1933—1945*, Fischer-Taschenbuch-Verlag, Frankfurt a. M., Germany.
- Ivanova, N. I. (2008), ‘Count Peter York von Wartenburg and Count Helmuth James von Moltke: a comparative description of the participants in the conspiracy against Hitler on July 20, 1944’, in *Problemy voyny i mira v epokhu Novogo i Noveishego vremeni: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Problems of war and peace in the era of New and Contemporary times: proceedings of the International Scientific Conference], St. Petersburg, Russia, December 2007, Izdatel’skii Dom SPbGU, St. Petersburg: 339—343.
- Leber, A. and Moltke, F. (1962), *Für und wider: Entscheidungen in Deutschland 1918—1945*, Frankfurt Leber-Mosaik Verlag, B., Frankfurt a. M., Germany.

- Melamid, D. E. (1962), *Politicheskii krizis fashistskogo rezhima i zagovor 20 iulia 1944 g. v Germanii* [The political crisis of the fascist regime and the plot of July 20, 1944 in Germany], Abstract of D. Sc. dissertation (History), Institut mirovoi ekonomiki i mezhdunar. otnoshenii Akademii nauk SSSR, Moscow, Russia.
- Melnikov, D. E. (1962), *Zagovor 20 iulia 1944 g. v Germanii* [Plot of July 20, 1944 in Germany], Institut mezhdunarodnykh otnoshenii, Moscow, Russia.
- Melnikov, D. E. (1965), *Zagovor 20 iulia 1944 g. v Germanii. Prichiny i sledstviia* [Conspiracy of July 20, 1944 in Germany. Causes and Effects], Izdatel'stvo "Mezhdunarodnye otnosheniia", Moscow, Russia.
- Moltke, H. J. von. (1991), *Briefe an Freya. 1939—1945*, in Oppen, B. R. von (ed.), C. H. Beck, München, Germany.
- Mommsen, H. (1994), 'Der Kreisauer Kreis und die künftige Neuordnung Deutschlands und Europas', *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, H. 3: 361—377.
- Nevsky, S. I. (2019), 'Between political conservatism and economic liberalism: Karl Friedrich Goerdeler and his concept of the "other Germany" after the overthrow of the Nazi dictatorship', *Istoriia* [History], vol. 10, iss. 5, available at: <https://history.jes.su/s207987840006137-9-1> (Accessed 22 May 2024).
- Poelchau, H. (2004), *Die Ordnung der Bedrängten: Erinnerung des Gefängnisseelsorgers und Sozialpfarrers (1903—1972)*, Hentrich und Hentrich Verlag, Berlin, Germany.
- Ritter, G. (1954), *Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung*, Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, Germany.
- Roon, G. van (1967), *Neuordnung im Widerstand. Der Kreisauer Kreis innerhalb der deutschen Widerstandsbewegung*, R. Oldenbourg Verlag, München, Germany.
- Rothfels, H. (1994), *Die deutsche Opposition gegen Hitler*, Manesse, Zürich, Germany.
- Schneider R., Gollwitzer H. and Kuhn K. (1954), *Du hast mich heimgesucht bei Nacht. Abschiedsbriefe und Aufzeichnungen des Widerstandes 1933 bis 1945*, Güthersloher Verlagshaus, Gütersloh, Germany.
- Spiegelbild einer Verschwörung, Die Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler über das Attentat vom 20. Juli 1944. Geheime Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt* (1961), in Peter, K. H. (ed.), Seewald-Verlag, Stuttgart, Germany.
- Steltzer, T. (1949), *Von Deutscher Politik*, Knecht, Frankfurt a. M, Germany.
- Volker, U. (2008), *Der Kreisauer Kreis*, Rowohlt Verlag, Reinbek, Germany.

Wheeler-Bennet, J. (1954), *Die Nemesis der Macht. Die deutsche Armee in der Politik 1918—1945*, Droste Verlag Düsseldorf, Düsseldorf, Germany.

‘Wilhelm Keitel’s mark on the document “Memo from Admiral Wilhelm Canaris, Chief of Military Intelligence, to the Chief of the Wehrmacht High Command, Field Marshal Wilhelm Keitel, 15.9.1941.” Memorandum prepared by Count Helmut James von Moltke and Günter Jaenicke’ (1992), in Riuropa, R. (ed.), *Voina Germanii protiv Sovetskogo Soiuza 1941—1945* [Germany's war against the Soviet Union 1941—1945], Argon-Verlag GmbH, Berlin, Germany.

Yorck von Wartenburg M. (1984), *Die Stärke der Stille. Erzählung eines Lebens aus dem deutschen Widerstand*, Diederichs, Köln, Germany.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 31.07.2024.

The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 31.07.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Б. Л. Хавкин — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

B. L. Khavkin — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Historical and Archival Institute, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

**К 50-летию
Ивановского государственного университета**

To the 50th anniversary of Ivanovo State University

Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 110—129.

Intelligentsia and the World. 2024. No. 4. P. 110—129.

Эссе

УДК 372.893:929

DOI: 10.46725/IW.2024.4.6

**ЗОЛОТОЙ ЮБИЛЕЙ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ:
К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
И 50-ЛЕТИЮ ПРЕПОДАВАНИЯ В ИВГУ
ПРОФЕССОРА А. А. КОРНИКОВА**

Алексей Александрович Федотов

Ивановский филиал Института управления (Архангельск), Иваново;
Ивановский государственный химико-технологический университет,
Иваново, Россия, aalfedotov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0008-8276-9564>

Аннотация. В 2024 г. исполняется 50 лет со дня образования Ивановского государственного университета. Все эти полвека в нем преподает, готовя будущих историков, почетный работник высшего профессионального образования РФ профессор Аркадий Андрианович Корников, который в 2024 г. отмечает 75-летие со дня рождения и 50-летие преподавания в ИвГУ. Автор обращается к жизненному пути и трудам доктора исторических наук, профессора А. А. Корникова, ставя целью показать значение его личности для исторической науки как в Ивановском регионе, так и за его пределами.

© Федотов А. А., 2024

Для ее достижения рассматривается жизненный путь Аркадия Андриановича как пример ученого-интеллекта, значение его деятельности для подготовки историков, его вклад в изучение жизненного пути деятелей революционного движения, являющийся и вкладом в изучение истории российской интеллигенции конца XIX — начала XX в. В статье использовался системный подход, позволяющий дать оценку жизненного пути, учебной, учебно-административной и научной деятельности профессора А. А. Корникова в общей системе истории советского и постсоветского периода; принцип историзма, дающий возможность рассматривать его жизненный путь в становлении и развитии, а также принципы научной достоверности и объективности.

Долгое время А. А. Корников работал деканом исторического факультета ИвГУ, заведующим кафедрой новейшей отечественной истории, много лет был заместителем председателя диссертационного совета по историческим наукам при ИвГУ. Автор более 260 научных трудов, в том числе 7 монографий и 7 учебников. Круг его научных интересов: история политических партий и движений в России конца XIX — начала XX в., источниковедение отечественной истории, архивоведение и геральдика. Необходимо отметить практическое воплощение научной деятельности А. А. Корникова. Так, он входил в состав группы, создавшей герб и флаг Ивановской области, автором ряда муниципальных гербов региона; на протяжении уже почти четверти века является бессменным председателем оргкомитета международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI вв.». Это свидетельствует о масштабе его личности, умении соединять теорию с практикой и широким общественном признании.

Ключевые слова: профессор, А. А. Корников, Ивановский государственный университет, исторический факультет, диссертация, доктор наук, статья, конференция, наука, декан, заведующий кафедрой

Для цитирования: Федотов А. А. Золотой юбилей преподавания истории: к 75-летию со дня рождения и 50-летию преподавания в ИвГУ профессора А. А. Корникова // Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 110—129.

**GOLDEN JUBILEE OF HISTORY TEACHING:
ON THE 75th ANNIVERSARY OF BIRTH
OF PROFESSOR A. A. KOR-NIKOV AND THE 50th
ANNIVERSARY OF HIS TEACHING ACTIVITY
AT IVANOVO STATE UNIVERSITY**

Alexey A. Fedotov

Ivanovo branch of the Institute of Management (Arkhangelsk); Ivanovo, Russia, State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russia, aalfedotov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8276-9564>

Abstract. 2024 marks the 50th anniversary of the founding of Ivanovo State University. For half a century, Professor A. A. Kornikov, an honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, who in 2024 celebrates the 75th anniversary of his birth and the 50th anniversary of teaching at Ivanovo State University, has been teaching there, preparing future historians. The author refers to the life path and works of Doctor of Historical Sciences, Professor A. A. Kornikov, aiming to show the importance of his personality for historical science, both in the Ivanovo region and beyond.

To achieve it, Arkady Andrianovich's life path is considered as an example of an intellectual scientist, the importance of his work for the training of historians, his contribution to the study of the life path of figures of the revolutionary movement, which is also a contribution to the study of the history of the Russian intelligentsia of the late XIX — early XX century, are studied. The article uses a systematic approach that allows to assess the life path, educational, administrative and scientific activities of Professor A. A. Kornikov in the general system of the history of the Soviet and post-Soviet period; the principle of historicism, which makes it possible to consider his life path in formation and development, as well as the principles of scientific reliability and objectivity.

For a long time, A. A. Kornikov worked as the dean of the Faculty of History at Ivanovo State University, head of the Department of Modern Russian History, for many years he was deputy chairman of the Dissertation Council for Historical Sciences at Ivanovo State University. He is the author of more than 260 scientific papers, including 7 monographs and 7 textbooks. His research interests include the history of political parties and movements in Russia in the late XIX — early XX century, source studies of national history, archival studies and heraldry. It is necessary to note the practical embodiment

of scientific activity of A. A. Kornikov: he was part of the group that created the coat of arms and flag of the Ivanovo region and the author of a number of municipal coats of arms of the region, for almost a quarter of a century he has been the permanent chairman of the organizing committee of the international scientific conference “State, society, Church in the history of Russia XX—XXI centuries”. This testifies to the scale of his personality, the ability to combine theory with practice and wide public recognition.

Keywords: Professor, A. A. Kornikov, Ivanovo State University, Faculty of History, dissertation, Doctor of Sciences, article, conference, science, dean, head of the department

For citation: Fedotov, A. A. (2024), ‘Golden jubilee of history teaching: on the 75th anniversary of birth of Professor A. A. Kornikov and the 50th anniversary of his teaching activity at Ivanovo State University’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4 : 110—129 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В 2024 г. продолжаются юбилейные мероприятия в связи с 50-летием Ивановского государственного университета. В этом же году полувековой юбилей преподавания в ИвГУ отмечает профессор Аркадий Андрианович Корников, внесший и вносящий весомый вклад в подготовку новых историков разного уровня: специалистов, бакалавров, магистров, кандидатов и докторов наук. Работа на всех преподавательских должностях — ассистента, старшего преподавателя, доцента, профессора, почти 30 лет заведования кафедрой новейшей отечественной истории, 15 лет работы деканом исторического факультета, деятельности в качестве заместителя докторского диссертационного совета по историческим наукам, работавшего при ИвГУ — свидетельствуют о многогранном педагогическом и научном опыте юбиляра, отмечающего не только юбилей преподавания в Ивановском государственном университете, но и юбилейный день рождения. Необходимо отметить практическое воплощение научной деятельности А. А. Корникова: так он являлся руководителем группы, создавшей герб и флаг Ивановской области и автором ряда муниципальных гербов региона, на протяжении уже почти четверти века является бессменным председателем оргкомитета международной научной конференции «Государство, общество,

церковь в истории России XX—XXI вв.». Это свидетельствует о масштабе его личности, умении соединять теорию с практикой и широком общественном признании.

Историография и источники. Историография работ, посвященных жизни и деятельности профессора А. А. Корникова, пока невелика. Необходимо отметить статью К. А. Юдина «А. А. Корников — ученый, педагог, интеллигент (к 70-летию юбилею)» [Юдин, 2019: 62—72]. Ее автор, у которого Аркадий Андрианович выступил в качестве научного руководителя диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, отмечал, что «...за многолетнюю научно-педагогическую деятельность под руководством А. А. Корникова было подготовлено более сотни дипломных работ и магистерских проектов, защищено несколько кандидатских диссертаций» [Там же: 70]; «...все без исключения отмечали подлинную интеллигентность, интеллектуальный аристократизм, вобравший в себя, с одной стороны, аскетизм, требовательность к себе и своим воспитанникам, которым профессор Корников подавал пример исключительной добросовестности, ответственности, сосредоточенности, тотальной мобилизации при выполнении любого задания, а с другой — искренность, душевную теплоту, благожелательность, терпение и заинтересованность не только в оказании помощи в академическом процессе, но и при разрешении жизненных ситуаций и личных проблем» [Там же: 70]. В книге А. А. Корникова «Источниковедческие исследования. Юбилейный сборник статей к 75-летию со дня рождения» [Корников: 2024] содержатся основные даты его жизни и деятельности [Там же: 258], приводится библиографический указатель его трудов [Там же: 225—257].

Источниковую базу настоящего исследования составили интервью А. А. Корникова средствам массовой информации, а также его научные публикации разных лет.

Постановка вопроса. С учетом цели — показать значение личности профессора Аркадия Андриановича Корникова для исторической науки — в статье решаются следующие задачи:

— показать жизненный путь профессора А. А. Корникова и его путь в науке;

— рассмотреть значение его деятельности для подготовки историков и формирования советских и российских интеллигентов;

— представить его вклад в изучение истории российской интеллигенции конца XIX — начала XX в., а также научно-педагогической интеллигенции исторического факультета ИВГУ в новейший период.

Методология и методы исследования

В статье использовался системный подход, позволяющий дать оценку жизненного пути, учебной и научной деятельности профессора А. А. Корникова в общей системе истории советского и постсоветского периода; принцип историзма, дающий возможность рассматривать его жизненный путь в становлении и развитии, а также принципы научной достоверности и объективности.

При подготовке статьи применялись как общенаучные (исторический и логический анализ и синтез), так и специально-исторические (историко-сравнительный) методы, позволяющие эффективно провести критическо-сопоставительный анализ имеющейся информации.

Основная часть

Жизненный путь и путь в науке

Аркадий Андрианович Корников родился 26 июля 1949 г. в г. Иваново в семье рабочих.

При подготовке развернутого очерка о его жизненном пути, который был опубликован в 2007 г. в Ивановской областной газете «Рабочий край», Аркадий Андрианович рассказывал, что его дед, Михаил Иванович Корников, воевал во время Первой мировой войны, а отец, Андриан Михайлович Корников, был участником Великой Отечественной войны. Отец, имея семилетнее образование, любил читать в свободное время историческую литературу, пробудив интерес к истории у сына, который уже в четвертом классе мечтал о том, что станет историком. В школьные же годы посещал исторический кружок, выступая с докладами на его заседаниях¹.

¹ Седых А. А. Чему учит история // Рабочий край. 2007. 24 окт.

После окончания школы в 1967 г. поступил в Московский государственный историко-архивный институт, а в 1973 г. окончил факультет архивного дела этого вуза, получив специальность «историк-архивист».

Сразу после окончания института А. А. Корников был призван на срочную военную службу в Москву, направлен в сержантскую школу, в которой готовили младших командиров для инженерных войск, сроком на 6 месяцев. После окончания курса обучения и присвоения звания сержанта, был направлен для продолжения службы в Киев, где в качестве инструктора готовил сержантов из новобранцев, прибывавших из союзных республик Закавказья и Средней Азии².

С 1974 г. — года образования Ивановского государственного университета — А. А. Корников начал в нем преподавательскую деятельность, последовательно работая в должностях ассистента, старшего преподавателя, доцента [Кто есть кто в исторической науке Ивановской области, 2009: 66].

Через два года после начала преподавания был направлен на учебу в аспирантуру по кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института, которую окончил в 1979 г., защитив кандидатскую диссертацию, посвященную источниковедческому анализу мемуаров деятелей меньшевистской партии [Корников, 1979]. Научным руководителем работы был Е. А. Луцкий. Кроме него учителями А. А. Корникова были М. Н. Черноморский, О. М. Медушевская [Кто есть кто в исторической науке Ивановской области, 2009: 66].

Докторская диссертация на тему «Н. Н. Суханов и общественно-политическая жизнь России (1900 — начало 1930-х гг.)» [Корников, 1996] была защищена Аркадием Андриановичем в 1996 г. в Московском государственном университете.

В 1990 г. стал заведующим кафедрой новейшей отечественной истории, работал в этой должности до 2019 г.; с 2004 по 2019 гг. был деканом исторического факультета ИвГУ.

² Там же.

Профессор А. А. Корников

Научные интересы А. А. Корникова достаточно широки. Он автор многих известных специалистам работ по истории политических партий и движений в России конца XIX — начала XX в., источниковедению, архивоведению и геральдике.

Нельзя не отметить и такой масштабный научный проект, который реализуется по инициативе и под руководством А. А. Корникова с 2001 г., как ежегодная международная научная конференция «Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI вв.», ставшая признанной в России и в мире площадкой для встреч специалистов, занимающихся историей Русской Православной Церкви, развитием российского общества в двадцатом столетии.

Обширна и общественная деятельность профессора: почетный член Всероссийского геральдического общества, заместитель

председателя Геральдической комиссии при Правительстве Ивановской области, член Топонимической комиссии при Администрации г. Иваново, кавалер ордена «Золотая пчела» Всероссийского геральдического общества.

Профессор А. А. Корников был удостоен многих ведомственных, региональных и общественных наград, в том числе звания Почетный работник высшего профессионального образования РФ, памятного знака Правительства Ивановской области «За активное участие в сохранении истории Отечества», знака «Общественное признание» Ивановской городской Думы в номинации «Патриот земли Ивановской»; геральдических наград — медали «За заслуги», «За труды», Почетный знак А. Б. Лакиера «Сподвижнику Геральдики» II степени. В январе 2024 г. он стал почетным работником Ивановского государственного университета.

С коллегами по кафедре новейшей отечественной истории.
Слева направо: Н. Р. Коровин, И. А. Комиссарова,
С. Т. Смирнова, А. А. Корников, С. В. Точенов,
Ю. А. Ильин, Л. Е. Файн. 2002 г.

Труды по подготовке историков и интеллигентов

Полувековой педагогический стаж по подготовке историков — серьезный период, в течение которого Аркадий Андрианович Корников оказал как прямое, так и опосредованное влияние на становление многих историков, уровень их подготовки, их личностное становление, воспитывая не только профессионалов, но и интеллигентов.

Как отмечал К. А. Юдин, в нем «...проявилось приближение к традиционному идеалу и эталону наставничества как модели социализации личности, вызревшей под сенью учителя — носителя и источника знаний» [Юдин, 2019: 70]; «углубленную разработку отдельных исторических проблем <...> Аркадий Андрианович совмещал с непрерывным развитием своего кругозора, расширением эрудиции в других сферах» [Там же: 65].

Выпуск студентов-историков.
Конференц-зал 6 корпуса ИвГУ, 30.06.2019 г.

Во вводной статье к книге А. А. Корникова «Источниковедческие исследования. Юбилейный сборник статей к 75-летию со дня рождения» обращалось особое внимание на то, что «...профессор А. А. Корников много лет преподавал источниковедение студентам исторического факультета Ивановского государственного университета; его источниковедческие поиски прошли апробацию на многих представительных научных форумах с участием ведущих отечественных ученых-источниковедов. Написанные в разные годы, а по сути — в разные исторические эпохи — представленные в сборнике статьи и сами по себе являются ценным историческим источником по развитию отечественного источниковедения, российской исторической науки» [Корников, 2024: 7].

В передаче «Экспертное мнение» Ивановского общественного телевидения А. А. Корников давал интервью, в котором отмечал, что в 1970—1980-х гг. были замечательные студенты, интересующиеся историей, увлекающиеся научно-исследовательской работой. Но вместе с тем были и студенты, которые оказались случайными людьми, которые либо отсеялись уже в процессе обучения, либо потом сожалели, что поступили учиться. Примерно такая же картина, наверное, и сейчас. Но есть и определенные особенности. С начала 1990-х гг. стали поступать не только студенты бюджетники, но и студенты, которые сами возмещали университету затраты на их обучение. В советское время на бюджетные места в ИвГУ был достаточно высокий конкурс, высокий он и сейчас. Из числа же тех, кто поступал на платной основе, были те, кто имели слабую академическую подготовку. Изменилась информационная среда. С середины 1990-х гг. мы вступили в информационную эпоху. Появились компьютеры, появился Интернет. Студенты стали получать знания не только из книг, монографий, лекций доцентов и профессоров, но и из различного рода информационных ресурсов. Это накладывает свой отпечаток на их образ мышления, образ видения мира, работы с информацией. С одной стороны, они вроде бы очень хорошо информированы, с другой — им не хватает усидчивости, академической подготовки. И сейчас есть очень интересные ребята, которые увлекаются историей, мечтают работать научными

сотрудниками, преподавателями истории в школах, колледжах, вузах. С ними, конечно, очень приятно работать³.

За 50 лет подготовки А. А. Корниковым историков сменились фактически три исторические эпохи: советская, постсоветская, современная. Каждая из них требовала от историков своих подходов. Любой исторический этап общественного развития накладывает свой отпечаток на историческое сознание, историческую науку. Не случайно существует выражение, что «каждое поколение людей создает свою историю». Изменяются и подходы к истории, изменяются и концепции, все это влияет на наше восприятие исторического прошлого⁴. Но, невзирая на эти перемены, дипломированные историки выпускники «должны иметь глубокие систематические знания по всем разделам истории с древнейших времен до наших дней. Другое требование — умение работать с историческими источниками, то есть способность правильно находить источники, выявлять, отбирать, критически оценивать, правильно интерпретировать факты, получать достоверную информацию. Столь же важно научиться самостоятельно мыслить, вырабатывать собственные концепции, собственное видение исторического процесса»⁵. Об этом профессор А. А. Корников говорит сейчас, об этом же он писал и во время работы деканом исторического факультета: «Серьезные проблемы имеются в развитии исторического образования. Идет сокращение бюджетных мест, выделяемых государством для подготовки специалистов-историков. А вместе с этим идет и сокращение штатного расписания кафедр исторических факультетов, сокращение средств, выделяемых для исторических факультетов. Еще одна проблема — падение в условиях рыночного общества престижности гуманитарного образования, а вместе с этим и отток молодых перспективных кадров в другие отрасли народного хозяйства — бизнес, систему государственного управления. И как результат этого — старение кадров исторических

³ Золотой юбилей преподавания истории. 10.06.2024. URL: https://ivanovo.ac.ru/about_the_university/faculty/7170/news/15317/ (дата обращения: 10.06.2024).

⁴ Там же.

⁵ *Седых А. А.* Чему учит история // Рабочий край. 2007. 24 окт.

кафедр, повышение среднего возраста наших доцентов и профессоров. Ситуация, складывающаяся в обществе в связи с подготовкой исторических кадров, распространением исторических знаний, формированием исторического сознания, особенно у молодежи, накладывает на нас, профессиональных историков, большую ответственность. Мы должны пользоваться любой возможностью распространения достоверных исторических знаний, включая разоблачения различных форм их искажения и фальсификации. Вместе с тем, наш долг историков требует от нас донести до общества мысль о необходимости и важности развития исторической науки, университетских структур, готовящих исторические кадры» [Корников, 2013: 55—56].

Вклад А. А. Корникова в изучение истории российской интеллигенции конца XIX — начала XX в.

Хотя А. А. Корников и не занимался непосредственно проблематикой интеллигентоведения, в своих работах он на нее неизбежно выходит, так как история политических партий и движений в России конца XIX — начала XX в. — это в определенной мере и история трансформации взглядов российской интеллигенции.

А. А. Корников обращает особое внимание на сложность и внутреннюю противоречивость личности российского интеллигента, невозможность вписать ее в упрощенную схему: «При изучении политической биографии того или иного социал-демократа необходимо проследить все изгибы эволюции его идейно-теоретических взглядов на протяжении жизни. Советская историография политических партий и движений в России вольно или невольно внушила общественному сознанию мысль о существовании “китайской стены” между различными партиями и движениями. Таким образом, подразумевалось, что политический деятель, вступая в политическую борьбу, сразу становился большевиком, меньшевиком или либералом и таковым оставался всю жизнь. Однако это была неверная схема, так как история общественно-политической жизни России знала самые невероятные метаморфозы, совершавшиеся с политическими деятелями. Характерным примером такой метаморфозы является эволюция

идейно-политических взглядов члена ЦК меньшевистской партии в 1917 г. В. С. Войтинского (1885—1961). Свою общественную деятельность он начал в 1905 г. как большевик, соратник В. И. Ленина. Как последовательный большевик-ленинец он прошел подполье, тюрьму, ссылку. В 1915—1916 гг., находясь в ссылке, он сближается с группой “сибирских циммервальдистов”, куда входили И. Г. Церетели, Ф. И. Дан и ряд других меньшевиков. В апреле 1917 г. после выхода “Апрельских тезисов”, В. С. Войтинский порывает с большевиками и уходит к меньшевикам. В меньшевистской партии он присоединяется к центристской группировке — революционным оборонцам (И. Г. Церетели, Ф. И. Дану, Н. С. Чхеидзе). В период октябрьских событий он как комиссар Временного правительства на Северном фронте пытается организовать сопротивление действиям большевиков. Эмигрировав из Советской России, после долгих приключений В. С. Войтинский приезжает в Германию, где работает в профсоюзном объединении, находившемся под влиянием германской социал-демократической партии. После прихода Гитлера к власти он уезжает в США, где становится одним из ближайших соратников Ф. Д. Рузвельта в проведении либерального “нового курса”. Находясь в США, он полностью переходит на позиции либерализма и становится последователем экономической теории Дж. Кейнса. Вот эту сложную эволюцию необходимо учитывать при изучении идейно-теоретического наследия В. С. Войтинского как при исследовании его политической биографии, так и при изучении истории меньшевистской партии. А надо сказать, что за 76 лет жизни он оставил огромное литературное наследие. После смерти Войтинского его жена Эмма издала в США библиографический указатель работ своего мужа объемом около 200 страниц» [Корников, 1998: 134—135].

На проблематику, связанную с интеллигентоведением, выходят и некоторые источниковедческие труды А. А. Корникова, так как в сферу его рассмотрения попадают личности, а, соответственно, и системы взглядов тех, о ком он пишет. Причем не всегда те люди, которые имели внешние признаки принадлежности к интеллигенции, как, например, высшее образование, склонность к мышлению, рефлексии,

интеллектуальной деятельности, считали себя российскими интеллигентами; некоторые прямо себя интеллигенции противопоставляли. Так, анализируя мемуары Р. Р. Раупаха как исторический источник, исследователь обращает особое внимание на «идейно-политические и мировоззренческие позиции мемуариста, который был умеренным консерватором, сторонником медленной эволюции общества и его институтов. Как юрист по образованию Р. Р. Раупах был приверженцем идей права, законности, порядка. Он критически относился ко всем радикальным идеям, включая либеральные идеи российской общественности. Вместе с тем к концу своей жизни он попадает под влияние идеологических установок, получающих распространение в 1930-е годы. Свои мемуары Р. Р. Раупах назвал “Лик умирающего”. Под “умирающим” мемуарист понимает дореволюционное российское государство, общество. И, рассказывая о минувших днях, он пытается понять причины и истоки трагических катаклизмов, которые произошли в России» [Корников, 2014: 502]. «Особенно много Р. Р. Раупах размышляет о поведении российской общественности (интеллигенции, буржуазии). Он резко отрицательно отзываясь о ее поведении на различных этапах российской истории и без сожаления констатирует факт ее преследования и даже уничтожения со стороны Советской власти. Он пишет: “Переделать природу этих людей было невозможно. Их надо было просто стереть с лица русской земли”» [Там же: 505].

Вклад А. А. Корникова в изучение истории научно-педагогической интеллигенции исторического факультета ИвГУ в новейший период

Работая в качестве декана исторического факультета Ивановского государственного университета, А. А. Корников уделял значительное внимание не только вопросам, связанным с текущей работой факультета, но и анализу деятельности российской научно-педагогической интеллигенции на этом историческом этапе; анализу сложностей, встающих перед современной гуманитарной интеллигенцией. Этому, а также основным направлениям научных исследований, деятельности

научных школ и объединений историков ИвГУ была посвящена его статья, опубликованная на страницах журнала «Интеллигенция и мир» [Корников, 2016: 123—134].

Вручение знака Почетного работника
Ивановского государственного университета.
ЦКиО «Ивтекс» г. Иваново, 25.01.2024.

В этой статье большое внимание было уделено развитию интеллигентоведения в Ивановском государственном университете в его историческом развитии: «Еще в начале 1990 гг. профессором В. С. Меметовым, широко известным специалистом в сфере исследования интеллигенции, был создан Межвузовский центр по изучению интеллигенции, ныне НИИ интеллигентоведения при ИвГУ. Профессор В. С. Меметов привлек для работы в НИИ специалистов различных направлений и дисциплин. К числу достижений НИИ интеллигентоведения нужно отнести следующие. В период 2011—2015 гг. велась работа по выявлению новых методологических подходов к изучению деятельности интеллигенции и интеллектуалов в истории России и зарубежных стран. Тщательно

анализировалась новая зарубежная и отечественная историография. В рамках НИР подготовлена вариативная модель политического поведения интеллигенции и интеллектуалов в изменяющейся социально-политической действительности XX в. Также разработана концепция механизма общественного спроса на деятельность интеллигенции / интеллектуалов и политического манипулирования этой деятельностью.

Результаты исследований изложены в 2 коллективных и 4 персональных монографиях, 7 статьях в изданиях, входящих в международные базы цитирования, 65 статьях в рецензируемых изданиях из перечня ВАК. Были проведены 6 научных международных конференций и один круглый стол. Опубликовано 5 сборников материалов конференций, 20 номеров российского научного журнала «Интеллигенция и мир» ваковского уровня. В рамках деятельности НИИ интеллигентоведения подготовлены и защищены — 1 докторская и 4 кандидатские диссертации. Новым убедительным свидетельством успешной работы НИИ стала успешная защита В. В. Комиссаровым в июне 2016 г. диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Советская интеллигенция в сфере научной фантастики: общественно-политический дискурс и практическая деятельность 1950—1980 гг.», научным консультантом, которой явился профессор В. С. Меметов» [Корников, 2016: 127—128].

Заключение

Жизненный путь профессора А. А. Корникова и его путь в науке и образовании наглядно свидетельствуют о цельности личности этого выдающегося российского ученого и педагога, воспитывающего историков и интеллигентов как в профессиональном плане, так и своим личным примером. Широкий спектр его научных интересов, умение воплощать теоретические исторические исследования в масштабные практические проекты, показывают значение личности Аркадия Андриановича для исторической науки как в Ивановском регионе, так и за его пределами.

Список источников

- Корников А. А. Критика фальсификации истории Великой Октябрьской социалистической революции в мемуарах лидеров меньшевиков: дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. 214 с.
- Корников А. А. Н. Н. Суханов и общественно-политическая жизнь России, 1900 — начало 1930-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996. 350 с.
- Корников А. А. Источниковедческие аспекты изучения биографий деятелей меньшевистской партии // *Меньшевики и меньшевизм: сб. ст. / под ред. В. Л. Телицына, С. В. Тютюкина, И. Х. Урилова. М.: Новости, 1998. С. 127—152.*
- Корников А. А. Год истории на историческом факультете ИвГУ // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 54—62.*
- Корников А. А. Мемуары Р. Р. Раупаха как исторический источник // *Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков: материалы XIII Междунар. науч. конф., Иваново, 12—13 марта 2014 г.: в 2 ч. / отв. ред. А. А. Корников. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. Ч. 2. С. 501—506.*
- Корников А. А. Научно-педагогическая интеллигенция исторического факультета ИвГУ и ее деятельность в 2011—2015 годах // *Интеллигенция и мир. 2016. № 4. С. 123—134.*
- Корников А. А. Источниковедческие исследования. Юбилейный сб. ст. к 75-летию со дня рождения. Иваново, 2024. 276 с.
- Кто есть кто в исторической науке Ивановской области: биобиблиографический справочник / сост. А. А. Корников, А. В. Степанов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. 176 с.
- Юдин К. А. А. А. Корников — ученый, педагог, интеллигент (к 70-летию юбилею) // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Вып. 4. С. 62—72.*

References

- Kornikov, A. A. (1979), *Kritika fal'sifikatsii istorii Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii v memuarakh liderov men'shevikov* [Criticism of the falsification of the history of the Great October Socialist Revolution in the memoirs of Menshevik leaders], Ph. D. (History) Thesis, Moscow State Historical and Archival Institute, Moscow, Russia.

- Kornikov, A. A. (1996), *N. N. Sukhanov i obshchestvenno-politicheskaia zhizn' Rossii, 1900 — nachalo 1930-kh gg.* [Sukhanov and the socio-political life of Russia, 1900 — early 1930s], D. Sc. (History) Thesis, Moscow State University, Moscow, Russia.
- Kornikov, A. A. (1998), 'Source study aspects of the study of biographies of Menshevik Party figures', in Telitsyna, V. L., Tyutyukina, S. V. and Urilova I. Kh. (eds), *Men'sheviki i men'shevizm. Sbornok statei* [Mensheviks and Menshevism. Collection of articles], Novosti, Moscow, Russia: 127—152.
- Kornikov, A. A. (2013), 'Year of History at the Faculty of History of Ivanovo State University', *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities], no. 3: 54—62.
- Kornikov, A. A. (2014), 'Memoirs of R. R. Raupach as a historical source', in Kornikov, A. A. (ed.), *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX—XX vekov: materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ivanovo, 12—13 marta 2014: v 2 chastiakh* [State, society, church in the history of Russia of the XX—XX centuries: proceedings of the XIII International Scientific Conference, Ivanovo, 12—13 March 2014: in 2 parts], part 2, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 501—506.
- Kornikov, A. A. (2016), 'Scientific and pedagogical intelligentsia of the Faculty of History of Ivanovo State University and its activities in 2011—2015', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 123—134.
- Kornikov, A. A. (2024), *Istochnikovedcheskie issledovaniia. Iubileinyi sbornik statei k 75-letiiu so dnia rozhdeniia* [Source research. Anniversary collection of articles for the 75th anniversary], Ivanovo, Russia.
- Kornikov, A. A. and Stepanov, A. V. (comps) (2009), *Kto est' kto v istoricheskoi nauke Ivanovskoi oblasti: biobibliograficheskii spravochnik* [Who's who in the historical science of the Ivanovo region: biobibliographic reference book], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Yudin, K. A. (2019), 'A. A. Kornikov — scientist, teacher, intellectual (on his 70th anniversary)', *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities], no. 4: 62—72.

Статья поступила в редакцию 13.06.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 31.07.2024.

The article was submitted 13.06.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 31.07.2024.

Информация об авторе / Information about the author

А. А. Федотов — доктор исторических наук, доцент, Ивановский филиал Института управления (Архангельск); профессор кафедры истории и культурологии, Ивановский государственный химико-технологический университет, Иваново, Россия.

A. A. Fedotov — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Ivanovo Branch of the Institute of Management (Arkhangelsk); Professor of the Department of History and Cultural Studies, Ivanovo State University of Chemical Technology, Ivanovo, Russia.

ДЕБЮТ

DEBUT

Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 130—152.

Intelligentsia and the World. 2024. No. 4. P. 130—152.

Научная статья

УДК 930.1(47+485)''1922/1928''

DOI: 10.46725/IW.2024.4.7

**СОВЕТСКО-ШВЕДСКИЕ
ВЫСТАВОЧНО-ЯРМАРОЧНЫЕ СВЯЗИ
В 1922—1928 гг.
(по материалам советской печати)**

Егор Андреевич Решетов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
girlanda1999@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории становления и развития выставочно-ярмарочных связей Советского Союза и Швеции в межвоенный период — теме еще не ставшей предметом специального изучения в отечественной историографии. В основание работы положены материалы ведущих периодических изданий СССР — газет «Правда» и «Известия», а также «Информационного бюллетеня» Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС).

Автор в хронологической последовательности показывает историю выставочно-ярмарочных связей Советского Союза и Королевства Швеция в 1920-е гг., выясняет, как и благодаря кому (чему) складывались взаимовыгодные отношения в данной сфере, выявляет наиболее яркие примеры сотрудничества. Нижняя хронологическая граница — 1922 г. обусловлена первым контактом в данной сфере, верхняя — 1928 г. — фактическим прекращением выставочно-ярмарочных контактов Москвы и Стокгольма.

© Решетов Е. А., 2024

При подготовке статьи были использованы хронологический и диахронный методы, а так же метод контент-анализа.

В результате проведенного исследования было установлено, что первая советская выставка-ярмарка в Стокгольме состоялась в 1922 г. Причем до установления полномасштабных советско-шведских отношений в 1924 г. они проходили как кустарно-ремесленные, что снимало со шведских организаторов возможные обвинения со стороны антикоммунистических сил Европы в выстраивании дружественной государственной политики с большевистским режимом России. После признания Швецией де-юре Советского Союза контакты между странами в выставочно-ярмарочной области возросли. Буквально каждый год проходило несколько мероприятий. Наибольшее их количество имело место в 1927 г., чему способствовало, прежде всего, желание большевистских руководителей в год 10-летия Октябрьской революции создать за рубежом максимально благоприятный образ Советского Союза. Одним из центров по выполнению этой задачи стало ВОКС. Правда, в череде мероприятий идеологически-пропагандистской направленности выставки сохраняли значение, прежде всего, как площадка для изучения достижений западной техники, включая шведскую, чтобы затем внедрить их в советскую экономику.

Юбилейный 1927 г. стал пиком в развитии выставочно-ярмарочных связей СССР и Швеции. В условиях обострения международных отношений, ужесточения внутренней политики в Советском Союзе и коррекции его внешней политики, с 1928 г. происходит резкое сокращение международных контактов, которые быстро фактически прерываются.

Ключевые слова: СССР, Швеция, межвоенный период, выставки, ярмарки, сотрудничество, «Правда», «Известия», ВОКС

Для цитирования: Решетов Е. А. Советско-шведские выставочно-ярмарочные связи в 1922—1928 гг. (по материалам советской печати) // Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 130—152.

SOVIET-SWEDISH EXHIBITION AND FAIR RELATIONS IN 1922—1928 (based on the materials of the Soviet press)

Egor A. Reshetov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, girlanda1999@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the history of the formation and development of exhibition and fair relations between the Soviet Union and Sweden in the interwar period — a topic that has not yet become the subject of special study in domestic historiography. The work is based on materials from the leading periodicals of the USSR — the newspapers “Pravda” and “Izvestia”, as well as the “Information Bulletin” of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS).

The author shows the history of exhibition and fair relations between the Soviet Union and the Kingdom of Sweden in chronological order in the 1920s, finds out how and thanks to whom (what) mutually beneficial relations were formed in this area, reveals the most striking examples of cooperation. The lower chronological boundary — 1922 is due to the first contact in this area, the upper — 1928 — the actual termination of exhibition and fair contacts between Moscow and Stockholm. In preparing the article, the chronological and diachronic methods, as well as the method of content analysis, were used.

As a result of the study, it was established that the first Soviet exhibition and fair in Stockholm took place in 1922. Moreover, before the establishment of full-scale Soviet-Swedish relations in 1924, they were held as handicrafts fairs, which removed possible accusations from the anti-communist forces of Europe from the Swedish organizers in building a friendly state policy with the Bolshevik regime of Russia. After Sweden de jure recognized the Soviet Union, contacts between the countries in the exhibition and fair field increased. Literally every year, several events were held. The greatest number of them took place in 1927, which was facilitated, first of all, by the desire of the Bolshevik leaders in the year of the 10th anniversary of the October Revolution to create the most favorable image of the Soviet Union abroad. One of the centers for fulfilling this task was VOKS. True, in a series of events of ideological and propaganda orientation, exhibitions retained their significance as, first of all, a platform for studying the achievements of Western technology, including Swedish, in order to then introduce them into the Soviet economy.

The anniversary year of 1927 became the peak in the development of exhibition and fair relations between the USSR and Sweden. In the context of the aggravation of international relations, the tightening of domestic policy in the Soviet Union and the correction of its foreign policy, from 1928 there was a sharp reduction in international contacts, which quickly actually ceased.

Keywords: Soviet Union, Sweden, interwar period, exhibition, fairs, cooperation, “Pravda”, “Izvestia”, VOKS

For citation: Reshetov, E. A. (2024), ‘Soviet-Swedish exhibition and fair relations in 1922—1928 (based on the materials of the Soviet press)’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 4: 130—152 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Взаимодействие разных стран и народов — тема традиционно вызывающая повышенный научный и общественный интерес. Данные слова в полной мере относятся к истории связей России/Советского Союза и Королевства Швеции — стран, разделенных и, одновременно, объединенных Балтийским морем. Контакты этих государств и народов насчитывают более 1000 лет. В череде столетий особое место занимает бурный XX век, в частности, период между Первой и Второй мировыми войнами. Среди вопросов в отношениях Советской России/СССР и Швеции межвоенного времени, которые еще не получили всестороннего освещения, — диалог в области культуры. Частично заполнить обозначившуюся лакуну призвана настоящая статья, продолжающая изыскания автора в данном направлении [Решетов, 2022: 500—501; 2024].

Постановка вопроса. Цель работы — показать историю становления и развития советско-шведских выставочно-ярмарочных отношений.

Хронологические рамки статьи — с 1922 по 1928 г. Нижняя граница обусловлена первой выставкой, проведенной Советской Россией в Швеции. Верхняя — свертыванием выставочно-ярмарочного взаимодействия Москвы и Стокгольма.

Краткий обзор источников. Источниковой базой настоящей статьи стали материалы ведущих газет Советского Союза — «Правды» и «Известия».

Газета «Правда» в рассматриваемый период явилась рупором партии большевиков — ЦК РКП(б)/ВКП(б) и Московского комитета партии. Выходила ежедневно. Считалась ведущим органом советской пропаганды. Большую часть рассматриваемого времени (с 1917 по 1929 г.) главным редактором издания был видный деятель партии и государства Н. И. Бухарин. Основная масса подаваемых в газете материалов отличалась политической ангажированностью. Вместе с тем данное издание откликалось на все заметные события международной жизни. В первую очередь — связанные с советской страной. Обычно это заметки Телеграфного агентства Советского Союза без указания автора материала. Однако иногда встречаются и авторы колонок, освещающие международные вопросы. В первую очередь — факты политической жизни других стран и их отношение к Советскому Союзу. Приведенные сведения ставят «Правду» в ряд значимых источников воссоздания хронологии международных отношений СССР и Швеции.

Последний вывод в полной мере относится и к ежедневной газете «Известия», которая неофициально рассматривалась как второе по значимости периодическое издание СССР. «Известия» являлись главным правительственным органом. Первый номер вышел в Петрограде в 1917 г., с 1918 г. выходила в Москве под названием «Извѣстія Всероссийскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов и Московскаго Совѣта Рабочих и Красноармейских Депутатов». После образования Советского Союза с 1923 и до 1938 г. «Известия» стали органом ЦИК СССР и ВЦИК. Затем решением Президиума Верховного Совета СССР газета стала выходить под названием «Известия Совета депутатов трудящихся СССР».

В рассматриваемый в статье хронологический период главными редакторами «Известий» были влиятельные в большевистской партии и связанные с журналистикой Ю. М. Стеклов (1917—1925), И. И. Скворцов-Степанов (1925—1927), И. М. Гронский (и. о. 1927—1930).

Сравнение «Известий» и «Правды» показало, что издание ЦИК в отличие от главного партийного рупора в освещении советско-шведских отношений при примерно равном внимании к дипломатическим вопросам сообщало несколько меньше информации о коммунистическом движении в Королевстве Швеция, но зато

подробно писало о политических, экономических, гуманитарных и даже военных взаимосвязях Москвы и Стокгольма. Кроме того, в «Известиях» более обстоятельно показаны спортивные и культурные контакты, включая музейно-выставочные.

Еще одним источником, использованным при подготовке настоящей статьи, стал «Информационный бюллетень ВОКС» — еженедельное печатное издание Всесоюзного общества культурной связи с границей (ВОКС). ВОКС было создано и финансировалось советским правительством, находилось под строгим партийным контролем, но официально позиционировало себя общественной, независимой от государства организацией [Дэвид-Фокс, 2015: 81]. Общество начало работу в апреле 1925 г. Устав ВОКС был утвержден в Совнаркомом СССР 8 августа этого же года и вскоре опубликован в прессе¹. Организация была призвана содействовать международным культурным контактам советских ученых, представителей творческой интеллигенции и спортсменов, налаживанию связей с зарубежными организациями, приему иностранных гостей и т. д. С 1925 по 1929 г. во главе организации стояла О. Д. Каменева (сестра Л. Д. Троцкого). ВОКС тесно взаимодействовало с Наркоматом по иностранным делам, Наркоматом просвещения, Объединенным государственным политическим управлением и другими советскими институтами власти, а также с Исполкомом Коминтерна [Там же: 85, 86—90 и др.]. В контексте нашей работы важно то, что на страницах «Информационного бюллетеня ВОКС» регулярно печатались материалы о разнообразных культурно-просветительских мероприятиях, проводимых при участии общества, включая музейно-выставочные.

Методология и методы исследования

В основание методологии представленной статьи положен системный подход, который предполагает ориентацию исследователя «на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину»². Данный методологический подход позволяет рассматривать историю

¹ Устав Всесоюзного общества культурной связи с границей: утвержден 8 августа 1925 года. [М.], 1926. 7 с.

² Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 612—613.

советско-шведских отношений комплексно — в неразрывной связи дипломатии, экономики, истории, культуры и т. д.

Основными исследовательскими методами при подготовке настоящей статьи стали: хронологический, диахронный и контент-анализ. Хронологический метод помог проследить развитие советско-шведских отношений в музейно-выставочной сфере сквозь призму временных изменений, то есть поэтапно. Диахронный метод позволил более глубоко погрузиться в определенный период и изучить различные изменения и явления в отдельно взятых регионах. Использование метода контент-анализа обуславливалось обширной работой с периодическими изданиями Советского Союза.

Основная часть

Первые контакты шведские предприниматели попытались установить с большевиками, пришедшими к власти в России, еще в 1918 г., однако затем Стокгольм вошел в орбиту антисоветской политики Антанты, которая 10 октября 1919 г. объявила о военно-экономической блокаде РСФСР. По факту блокада проводилась с конца 1917 г. и постоянно ужесточалась [Шишкин, 1989: 54—110]. Существенные изменения в отношении Советской России и Королевства Швеции произошли в 1920 г., на что повлияли следующие внешние факторы. Во-первых, успехи большевиков в Гражданской войне. Во-вторых, подписание 2 февраля 1920 г. РСФСР и Эстонией мирного договора, по которому страны устанавливали полномасштабные дипломатические отношения³. В последний день марта договор был дополнен торговым соглашением. Третьим, и, пожалуй, наиболее значимым фактором стало решение Верховного совета Антанты 16 февраля 1920 г. о торговле с Советской Россией через кооперативные организации [Там же: 125]. По сути это означало снятие очень тяжелой для большевистского режима военно-экономической блокады.

Москва воспользовалась новой ситуацией. Весной 1920 г. в страны Европы выехала делегация Центрального союза потребителей Российской Федерации (Центросоюза). Официально она не была большевистской, однако по факту являлась

³ Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 430—432.

именно таковой. Во главе делегации стоял нарком торговли и промышленности Л. Б. Красин, а большинство делегатов принадлежали к разным советским властным институтам. Одну из первых остановок делегация Центросоюза сделала в Стокгольме, где 15 мая 1920 г. ее представителям удалось заключить три соглашения — с концерном из 14 крупнейших шведских фирм, с паровозостроительной компанией «А. Б. Нюдквист и Хольм» и с королевским правительством⁴. Эти договоры способствовали развитию советско-шведских торговых связей. Следующим импульсом стала провозглашенная в Советской России в марте 1921 г. Новая экономическая политика, которая, в частности, стимулировала (хотя и в ограниченном виде) частное предпринимательство, наглядным проявлением которого является кустарное производство. Именно с этим направлением советской политики оказался связанным первый выявленный нами факт советско-шведского взаимодействия в выставочной сфере.

В марте 1922 г. в Стокгольме была организована выставка изделий кустарей из Советской России. Ремесленники из большевистской страны представили скандинавам свои вышивки, изделия из дерева и т. д.⁵ Отмечая данный факт, следует заметить, что в столице Швеции прошла не просто выставка изделий ремесленников из РСФСР, а выставка-ярмарка, изначально нацеленная на распродажу выставляемого. И это удалось. За время работы выставки-ярмарки удалось реализовать немало изделий советских кустарей.

Выставка 1922 г. не привела, однако, к регулярному обмену подобными мероприятиями. Одной из причин стало отсутствие официальных дипломатических отношений между СССР и Шведским королевством. Лишь 15 марта 1924 г. страны признали друг друга де-юре. В этот день, как сообщала «Правда», министр иностранных дел Швеции Б. Э. Унден в присутствии премьер-министра Э. Трюгера вручил дипломатическому представителю СССР в Стокгольме Н. Осинскому (В. В. Оболенскому) ноту о дипломатическом признании королевством Советского Союза⁶.

⁴ Там же. С. 516—530.

⁵ Русская кустарная выставка // Известия. 1922. 26 марта.

⁶ Последние известия. Признание СССР Швецией // Правда. 1924. 16 марта.

Тогда же был подписан торговый договор. Вскоре после установления дипломатических отношений Н. Осинский получит статус полномочного представителя (полпреда), но оставался на этом посту недолго. В начале октября 1924 года его сменил В. С. Довгалевский.

Признание Советским Союзом и Швецией друг друга де-юре стимулировало развитие всех направлений двустороннего взаимодействия, включая организацию выставок. Уже в 1925 г. СССР получил и с удовлетворением принял приглашение на ежегодную Скандинаво-Балтийскую выставку-ярмарку, проведение которой в Стокгольме было запланировано на 14—25 июня⁷. К участию Москву подталкивало стремление углубить экономические связи со Стокгольмом в условиях ухудшившихся отношений с Германией из-за инцидента вокруг советского торгового представительства в Берлине, что повлекло передачу части заказов из Веймарской республики в другие страны, в том числе в скандинавское королевство (подр. см., напр.: [Черноперов, 2005]). Для Москвы выставление своей продукции в шведской столице помимо сугубо коммерческой составляющей имело еще одну — просветительскую. Большевики надеялись познакомить посетителей из разных стран с достижениями и возможностями народного хозяйства и науки СССР.

Один из организаторов выставки с советской стороны, заместитель председателя Всесоюзной Западно-торговой палаты И. А. Маковецкий связал участие в Скандинаво-Балтийской ярмарке с историей отношений Москвы и Стокгольма. В заметке, опубликованной в «Известиях», он подчеркнул, что «Швеция была первой страной из западных государств, которая восстановила с нами торговые сношения после прорыва блокады», последствием чего стала «наши заказы» 1922 г. «на паровозы, оборудование для промышленности и т. д.»⁸. Именно эта предыстория, по мнению И. А. Маковецкого, предопределила интерес деловых кругов скандинавского королевства, проявленный к «нашему выступлению в Стокгольме».

⁷ См.: Скандинавско-Балтийская ярмарка. Стокгольм, 14—21 июня 1925 г. Stockholm, 1925. [16] с.

⁸ СССР на Балтийской ярмарке // Известия. 1925. 2 июля.

Действительно, организаторы Скандинаво-Балтийской ярмарки выделили СССР павильон площадью в 600 м², и выставленная в нем продукция вызвала повышенный интерес как со стороны деловых кругов, так и широкой общественности. Особой популярностью пользовались отделы с мехами и продукцией табачных трестов. Пушнины удалось реализовать на 50 тыс. шведских крон. Что касается табачных изделий, то посетителей привлекали даже упаковки папирос, каждая из которых была выполнена в неповторимом стиле. Внимание шведской публики привлек также радиотехнический отдел павильона СССР. Журналисты местных газет, посетившие его, согласно «Известиям», констатировали, что советский «радиоотдел стоял на одном ряду со Швецией и Данией — передовыми странами в области радиотехники»⁹.

5 мая 1926 г. в Москве к 10-летию Октябрьской революции состоялось открытие Выставки революционного искусства Запада. Подготовка к ней началась еще в сентябре 1925 г.¹⁰ С советской стороны ее главными организаторами выступили Государственная академия художественных наук — исследовательское учреждение РСФСР, действовавшее в Москве в 1921—1931 гг., и ВОКС¹¹. Для формирования коллекции организаторы обратились с призывом к творческим людям за границей прислать свои произведения. Откликнулись художники, писатели и драматурги из Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Венгрии, Австрии, США, Англии, Испании и Италии. Были представлены и скандинавы. Всего удалось собрать около 3000 экспонатов.

Нарком просвещения А. В. Луначарский, отметившийся не только на ниве утверждения советской системы образования, но и в области драматургии, литературы и критики, в июне 1926 г. на страницах «Правды» опубликовал пространную статью о Выставке революционного искусства Запада¹². В данной публикации

⁹ Там же.

¹⁰ Выставка революционного искусства Запада // Известия. 1926. 11 февр.

¹¹ Культурная связь с заграницей // Информационный бюллетень ВОКС, 1926. № 10 (12.03): С. 10.

¹² Луначарский А. В. Выставка революционного искусства Запада // Правда. 1926. 5 июня.

большевистский нарком связал идею выставки с поиском художниками «революционного искусства». По мнению А. В. Луначарского, значение форума повышал тот факт, что ко времени его организации «совершенно убедительных, завоевавших всеобщее признание шедевров революционного искусства мы еще не имеем»¹³. Рассуждая о причинах сложившегося положения нарком писал: «Непосредственно после революции художники-реалисты показали себя относительно равнодушными, а подчас и враждебными к ее завоеваниям. <...> Наоборот, “левые” художники, художники острых, постимпрессионистских исканий откликнулись на революцию весьма бурно.

Позднее выяснились два факта. Первый: широкая публика, воспитанная революцией, требовала от искусства прежде всего яркого, заражающего и в то же время ясно выраженного социального содержания, между тем как “левые” художники по самой сути своей были прежде всего формалистами. Стремясь к замысловатой стилизации, они далеко уходили от языка реальных вещей и делались непонятными массам. Вторым фактом было то, что среди художников-реалистов начался поворот к революции, поворот, усиливавшийся из года в год...»¹⁴

В условиях поиска «революционного искусства», которое бы удовлетворяло и эстетическим, и общественным запросам, и возникла, по словам Луначарского, идея «обернуться на Запад и посмотреть, нет ли там таких достижений, которые могли бы принести нам пользу в наших исканиях»¹⁵. Идея получала дополнительный стимул к осуществлению, потому что к середине 1920-х гг. «сами европейские художники революционного направления (скажем еще шире — антибуржуазного направления) не перекликались между собою, и никакого общего смотра революционно-пролетарской и антибуржуазной художественной работы до сих пор еще сделано не было»¹⁶.

Слова Луначарского о значении выставки как места, в котором оказались объединены художники и писатели разных стран

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Запада полностью совпадали с мнениями председателя оргкомитета выставки П. С. Кагана [Каган, 1926: 3] и руководителя изобразительного отдела выставки А. Эфроса [Салиенко, 2018: 115].

Заявленных целей Выставка революционного искусства Запада не достигла, хотя на ней были представлены произведения авторов, чье творчество уже получило признание: французского художника, графика и иллюстратора Т. А. Стейнлена, британского художника, дизайнера и колориста Ф. У. Бренгвина, немецкой художницы К. Кольвиц, бельгийского художника Ф. Мазереля и мн. др., а также многочисленных писателей, драматургов и поэтов: Р. Роллана, А. Барбюса, Т. Драйзера, Дж. Лондона, Э. Толлера и т. д. Проблемы начались еще на стадии организации. Если со сбором литературных произведений вопросов не было, то с формированием экспозиции изобразительного искусства возникли осложнения, в результате чего организаторы «решили ограничиться “графикой, рисунками, репродукциями, увеличенными фотографиями и акварелями”» [Там же]. Кроме того, как отмечает культуролог А. П. Салиенко: «Выставка не привлекла внимания общественности, посещалась плохо и не оправдала возлагаемых на нее надежд, связанных с идеей создания молодого пролетарского искусства» [Там же].

В феврале 1927 г. полпредом СССР в Швеции стал В. Л. Копп [Черноперов, 2022]. Именно при нем сотрудничество Москвы и Стокгольма в выставочно-ярмарочной сфере стало наиболее активным. Причем их направленность существенно расширилась. Так, в начале мая 1927 г. советские представители в Швеции оказались сопричастны работе XII Международного кооперативного конгресса. Заседания проходили в Стокгольме. Подготовка к конгрессу и его работа сопровождались острым идейным противоборством, вызванным желанием Коминтерна «большевизировать» левые партии центрально-европейских стран [Земзюлина, 2013: 44]. В работе съезда кооператоров приняла участие и делегация из Советского Союза. Причем в дни работы конгресса Москва получила возможность проведения выставки, посвященной кооперативным периодическим изданиям и пропаганде, для чего шведы выделили отдельный зал¹⁷.

¹⁷ Хроника. Выставка кооперативной прессы // Правда. 1927. 5 мая.

Но не только в Стокгольме в мае 1927 г. проходили заметные выставочные мероприятия с участием советских и шведских представителей. С 14 по 17 мая 1927 г. в Москве на территории сада «Аквариум» состоялась организованная Всероссийским промыслово-кооперативным союзом охотников Вторая всесоюзная выставка собак. На конкурс было представлено более 760 особей разных пород, большей частью охотничьих и служебно-разыскных. Выставка вызвала большой интерес. Несмотря на дождливую погоду, ее посетили более 10 тыс. москвичей и гостей столицы¹⁸. Одной из самых заметных фигур на выставке стал шведский эксперт отдела пойнтеров, профессор Г. Лундберг. Этот авторитетный специалист-сабоковод «дал наилучший отзыв об общем уровне выставленного материала»¹⁹. Он лично пересмотрел «все породы на рингах» и участвовал «в отборе лучших ирландских сеттеров». В процессе экспертной работы Г. Лундберг «неоднократно отмечал, что не только прошедшие в числе первых 6—10 собак... но даже последующие [собаки], отмеченные большими серебряными медалями[,] ... займут на европейских рингах хорошие места»²⁰. Всего по итогам выставочного конкурса при участии шведского профессора было присуждено 140 золотых и серебряных медалей²¹.

1927 г. был особым в истории Советского Союза. Большевики отмечали 10-летие совершенной ими Октябрьской революции и стремились продемонстрировать миру свои достижения. Одним из вариантов стала организация зарубежных выставок, посвященных юбилею. Причем было решено учесть пожелания иностранцев. В Стокгольме, например, интересовались советским плакатом²².

¹⁸ Кульбин Д. 2-я Всероссийская выставка собак // Охотник. 1927. № 7. URL: <https://гончиероссии.рф/vystavki/arkhiv/vserossijskie/659-1927-2-ya-vserossijskaya-vystavka-moskva-14-17-maya> (дата обращения: 10.01.2024).

¹⁹ Сахаров В. Итоги выставки собак // Охотник. 1927. № 6. URL: <https://гончиероссии.рф/vystavki/arkhiv/vserossijskie/659-1927-2-ya-vserossijskaya-vystavka-moskva-14-17-maya> (дата обращения: 10.01.2024).

²⁰ Кульбин Д. Указ. соч.

²¹ Закрытие выставки собак // Известия. 1927. 18 мая.

²² СССР на международных выставках // Информационный бюллетень ВОКС. 1927. № 2 (14.01). С. 3.

Итогом масштабной работы, проведенной ВОКС в содружестве с разными институтами власти и организациями Советского Союза, стали передвижные выставки, которые были показаны в Афинах, Вене, Берлине, Париже, Праге, Нью-Йорке, Токио и других городах, включая Стокгольм. Тематические выставки состояли из следующих разделов: национальная политика, промышленность и индустриализация, сельское хозяйство, внутренняя и внешняя торговля, кооперация, финансовая и банковская система, транспорт, почта и телеграф, народное просвещение, научная жизнь, искусство (изобразительное, театр и кино), коммунальное хозяйство, жилищное строительство, здравоохранение, социальное обеспечение и Красная армия²³.

В Москве Государственная академия художественных наук организовала выставку, посвященную литературе о киноискусстве, которая открыла двери 8 июня 1927 г. Основу ее экспозиции составили 255 русских и 206 иностранных книг и брошюр, а также 178 периодических изданий со всех континентов²⁴. Европейские журналы были представлены из 18 стран, включая Швецию.

Еще одна выставка, демонстрировавшая в юбилейном году достижения СССР, была посвящена электрификации сельского хозяйства. Открылась она в Москве в июле 1927 г. и помимо показа успехов СССР была призвана помочь выполнению постановления Совета народных комиссаров от 19 февраля 1927 г. «О положении электрификации сельского хозяйства и ее перспективах на ближайшее пятилетие»²⁵. В организации мероприятия помимо смешанного акционерного Общества по электрификации сельского хозяйства (Электросельстрой), созданного при Наркомате земледелия и ставшего одним из ведущих в строительстве сельских электростанций в СССР²⁶, выступило Всеобщее шведское электрическое акционерное общество (Allmänna

²³ Октябрьские выставки за границей // Известия. 1927. 27 сент.

²⁴ Выставка кино-литературы // Информационный бюллетень ВОКС. 1927. № 22 (03.06). С. 11.

²⁵ Электрификация СССР: Сб. докум. и материалов, 1926—1932 гг. М., 1966. С. 442—444.

²⁶ См.: Устав акционерного Общества по электрификации сельского хозяйства «Электросельстрой». М.: [б. и.], 1927. 18 с.

Svenska Elektriska Aktiebolaget; АСЕА)²⁷, с которым в мае 1927 г. был подписан концессионный договор о сооружении, оборудовании и эксплуатации в Ярославле электромеханического завода, который шведская фирма начала строить еще в 1916 г.²⁸

АСЕА на московской выставке 1927 г. представила множество приборов сельского хозяйства, приводимых в действие электричеством: сепаратор, маслобойка, насос, плуг, зерносушилка и т. д. Не меньшее внимание специалистов и посетителей привлекла продукция еще одной шведской фирмы — «Альфа-Лаваль», которая представила оборудование для двух маслодельных заводов (для крестьянского хозяйства и колхозов или совхозов). Это оборудование приводилось в действие электромоторами в 0, 5—2 лошадиные силы²⁹. Среди других экспонатов «Альфа-Лаваль» выделялся автоматически работающий «очиститель отработанного машинного масла», крестьянская водокачка и зерносушилка. Водокачка, например, подавала воду для хозяйственных надобностей и могла использоваться также во время пожара. Причем ее баки наполнялись водой автоматически, как только в них заканчивалась влага.

Из советских экспонатов на выставке электрификации сельского хозяйства выделялась модель ветросилового электродвигателя, построенного сотрудниками отдела сельских электромонтеров первых московских районных электротехнических курсов имени Г. М. Кржижановского по принципу Флетнера³⁰.

Организаторы выставки сразу после ее открытия приняли решение о расширении экспозиции. В частности, советский Государственный электротехнический трест и шведская фирма «Вольта» должны пополнить залы электроприборами для домашнего хозяйства. Кроме того, организаторы запланировали

²⁷ Выставка по электрификации сельского хозяйства // Известия. 1927. 1 июля.

²⁸ Краткая история и логотипы (товарные знаки) АСЕА АБ // Музей реле. URL: <https://museumrza.ru/proizvoditeli/inostranye/kratkaya-istoriya-i-logotipy-tovarnye-znaki-asea-ab> (дата обращения: 13.02.2023).

²⁹ Выставка по электрификации сельского хозяйства // Известия. 1927. 1 июля.

³⁰ Там же.

демонстрацию советских и зарубежных фильмов по электрификации и чтение тематических лекции³¹.

В августе 1927 г. в Персиановке близ Ростова открылся Всесоюзный конкурс по испытаниям тракторов (ВКИТ), организованный Народным комиссариатом земледелия и Всероссийским комитетом по испытанию тракторов³². Возглавил жюри член комиссии ВСНХ по развитию тракторостроения, один из крупнейших знатоков в этой области П. М. Белянчиков [Шаров, 2024: 41]. Всего в жюри вошел 81 человек. Все были специалистами по машиностроению, агрономии, экономике и военному делу [Там же].

В Персиановку прибыли 33 колесных и гусеничных трактора [Там же] американских, немецких, французских, итальянских и шведских марок³³. Большинство из них демонстрировались в СССР впервые. Лабораторные испытания машин производились под руководством специалистов московского Научного автомобильного института (НАМИ). Полевые — контролировал ленинградский Государственный институт опытной агрономии.

Испытания начались с лабораторной проверки работы двигателей. Прибывший в Ростов заведующий технической частью Всесоюзного комитета по испытанию тракторов инженер А. А. Крживицкий в беседе с корреспондентом «Известий» сообщил, что все машины иностранных марок являлись собственностью всесоюзного комитета, который приобрел их для тщательного изучения и выбора наиболее подходящих для российских условий³⁴.

Помимо зарубежных тракторов в Персиановке испытывались три советских трактора: «Коммунар» Харьковского паровозостроительного завода, «Большевик» Обуховского завода и «Фордзон» Путиловского завода³⁵. Кроме тракторов проверке подверглись более 75 различных сельхозмашин, главным образом американских, германских и чехословацких заводов, а также 12 дорожно-строительных машин.

³¹ Там же.

³² Всероссийский комитет по испытанию тракторов. Отчет по испытанию тракторов в Персиановке: в 4 ч. Л., 1929—1930.

³³ Всесоюзные тракторные испытания // Известия. 1927. 3 авг.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

Испытания машин в Персиановке продолжались с 22 августа по 16 ноября 1927 г. [Там же]. Причем трактора советских марок «Фордзон», «Путиловец» и «Большевик» «оказалась ничуть не хуже заграничных»³⁶. Испытания вызвали большой интерес со стороны хлеборобов Северного Кавказа и других районов, которые во время конкурса неоднократно посещали Персиановку³⁷.

Победителями в итоге были признаны американские трактора — колесный «Mc-Cormik 15/30» и гусеничный «Caterpillar Sixty». «Именно они стали выпускаться поточно-массовым производством на заводах-гигантах под марками СТЗ-15/30 в Сталинграде, СХТЗ-15/30 в Харькове и С-60 в Челябинске» [Там же].

Последний сюжет, рассматриваемый в настоящей статье, имел к выставочно-ярмарочным контактам Москвы и Стокгольма косвенное отношение. Но оно весьма показательное с точки зрения изменения международного фона, влиявшего на контакты советских людей.

В 17-м (апрельском) номере еженедельника «Современный театр» за 1928 г. появилась короткая заметка о том, что «в связи с исключительным успехом заграничной поездки “Синей блузы”» ленинградское отделение ВОКС предложило местному Областному совету профсоюзов «наметить клубные самодеятельные кружки, которые могли бы быть вывезены за границу для показа западным рабочим»³⁸. Руководители Облсофпрофа выбрали театр живой газеты «Стройка» и хор гусяров завода «Красный Треугольник» — популярные и творчески-неординарные самодеятельные коллективы Ленинграда. Гастроли должны были начаться в конце мая 1928 г. и пройти по маршруту Латвия — Германия — Швеция — Норвегия — Финляндия. Однако в указанный срок коллективы на гастроли, по-видимому, не выехали. Согласно сообщению газеты «Вечерняя Москва», 18 июля 1928 г., самодеятельные артисты отправились из Ленинграда в Кёльн, где проходила Международная выставка печати³⁹. Однако, как позже писал

³⁶ Там же. 24 дек.

³⁷ Там же.

³⁸ Клубные кружки — за границу // Современный театр. 1927. № 17 (24.04). С. 22.

³⁹ Из утренних газет // Вечерняя Москва. 1928. 18 июля.

корреспондент газеты «Советское искусство» Б. Филиппов, «в последний момент германская полиция воспротивилась приезду театра, обеспокоенная чрезмерным, по ее мнению, желанием революционной части немецких рабочих видеть у себя в гостях самодеятельный коллектив из Страны Советов»⁴⁰. Помимо данной причины еще одним фактором для отказа во въезде самодеятельных артистов из СССР, возможно, стало подключение к гастрольной поездке помимо ВОКС Международной рабочей помощи — организации, которая занималась поддержкой революционных рабочих и участников национально-освободительной борьбы в колониальных странах. Ее штаб-квартира находилась в Берлине, и она была близка Коммунистической партии Германии.

Последней попыткой изменить ситуацию с ленинградскими творческими коллективами стал договор, заключенный советскими представителями с организаторами Международной выставки печати в Кёльне 29 сентября 1928 г. Договор об организации заграничных гастролей злосчастных театра «Стройка» и хора гусярлов по городам Европы, включая шведские⁴¹. Однако состоялась ли эта поездка, выяснить не удалось. Вероятнее всего, она так и не состоялась. Прежде всего, из-за ухудшения отношений СССР с западными странами, ужесточением большевистского режима внутри страны, что вело к снижению интенсивности контактов советских граждан с зарубежными партнерами.

Заключение

Проведенное исследование показало, что первая советская выставка-ярмарка в Стокгольме состоялась в 1922 году, т. е. до установления полномасштабных советско-шведских отношений. Причем она прошла как кустарно-ремесленная, что снимало со шведских организаторов возможные обвинения со стороны антикоммунистических сил Европы в выстраивании дружественной

⁴⁰ Филиппов Б. Театр агитационного зрелища «Стройка» приезжает в Москву. Вырезка из газеты «Советск[ое] искусство» от 1[?] июля 1931 г. // Театр «Стройка». 1929—1936. Электронная библиотека Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки. URL: <http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/6650#mode/inspect/page/6/zoom/8> (дата обращения: 15.01.2024).

⁴¹ Заграничная поездка театра «Стройка» // Известия. 1928. 30 сент.

государственной политики с большевистским режимом России. Настоящий прорыв в выставочно-ярмарочном взаимодействии Москвы и Стокгольма произошел после признания Королевством Швеция де-юре Советского Союза в 1924 г. С этого времени разнообразные выставки, в которых эти страны или их граждане принимали участие, стали ежегодными. При этом области взаимодействия существенно расширилась — от Скандинаво-Балтийской выставки-ярмарки 1925 г. в Стокгольме, на которой СССР представил меховые, табачные и радиотехнические экспонаты, до участия скандинавов в подготовке московской Выставки революционного искусства Запада в 1926 г.

Наибольшее количество выставок, в которых оказались вовлечены советские и шведские представители, имело место в 1927 г. Одной из главных причин стало желание большевистских руководителей в год 10-летия Октябрьской революции создать за рубежом максимально благоприятный образ Советского Союза. Одним из центров по выполнению этой задачи стало ВОКС. В случае со Швецией заметную роль сыграло также назначение полпредом в эту страну в 1927 г. дипломата В. Л. Коппа, имевшего богатый опыт работы в Германии, центральном аппарате НКВД и Японии.

В череде разных юбилейных мероприятий 1927 г. выделялась передвижная выставка к 10-летию Октябрьской революции, рассказывающая о жизни и достижениях СССР. Однако, как показал изученный материал, СССР в выставочно-ярмарочной деятельности не ограничивался идеологически-пропагандистскими экспозициями, рассказывающими об успехах страны в самых разных областях. Для Москвы при организации выставок или участия в них не меньшее значение имел обмен научно-техническими новинками и изучение зарубежной достижений, включая шведские, которые следовало перенести в советскую экономику. В условиях провозглашенной большевиками политики индустриализации эта линия даже усилилась. Наглядными примерами стали: выставка в Москве, посвященная электрификации сельского хозяйства, в организации и расширении экспозиции которой шведы приняли самое активное участие; Всесоюзный конкурс по испытаниям тракторов в Персиановке близ Ростова.

Как показывают изученные материалы, 1927 г. стал пиком в развитии выставочно-ярмарочных связей СССР и Швеции. В условиях обострения международных отношений, ужесточения внутренней политики в Советском Союзе и коррекции его внешней политики с 1928 г. происходит резкое сокращение международных контактов. Причем один из первых ударов оказался нанесен по выставочной деятельности, связанной со Швецией. Если в Германии, США или Японии Советский Союз (в том числе по линии ВОКС) продолжал организовывать и проводить разные выставки и после 1928 г. (прежде всего, изобразительного или прикладного искусства)⁴² (см., напр.: [Белозеров, 2023: 331—341, 349—351; Сыченкова, 2019]), включавшие реализацию экспонатов, то в случае с Королевством Швеция такого не наблюдалось.

Список источников

- Белозеров В. В.* От Москвы до Токио: выставки советского искусства и поездки художников в Японию (1925—1933) // Искусствознание. 2023. № 4. С. 290—351.
- Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921—1941 год / пер. с англ. В. Макарова, науч. ред. перевода М. Долбилов и В. Рыжковский. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 568 с.
- Земзюлина Н. И.* Влияние левых политических партий на кооперативное движение в Европе (первая треть XX в.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5. С. 42—45.
- Каган П. С.* Предисловие // Каталог выставки революционного искусства Запада. М.: Мосполиграф, 1926. С. 3—4.
- Решетов Е. А.* Советско-шведские отношения в 1927—1930 гг. по материалам газеты «Правда» // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков: материалы XXI Междунар. науч. конф., Иваново, 30—31 марта 2022 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 496—501.
- Решетов Е. А.* Советско-шведские научные связи в 1920—1930-е гг. (по материалам газет «Правда» и «Известия») // Государство,

⁴² 1929 г. Выставки за границей. Художественно-кустарная выставка СССР (выставка-базар). URL: <https://maslovka.org/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=714&page=7> (дата обращения: 15.01.2024).

- общество, церковь в истории России XX—XXI веков: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Иваново, 27—28 марта 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 465—469.
- Салиенко А. П. Пролетарское искусство в поисках идентичности. По материалам советской прессы 1920-х гг. // Вестник Московского ун-та. 2018. Серия: История. № 3. С. 103—120.
- Сыченкова Л. А. Культурное событие европейского масштаба: выставки древнерусского искусства в Германии 1926 и 1929 гг. // Вопросы музеологии, 2019. Т. 10. № 2. С. 172—186. doi.org/10.21638/11701/spbu27.2019.204.
- Черноперов В. Л. Противоборство дипломатов ленинской школы во время советско-германского конфликта 1924 г. // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. 7. № 2. С. 254—274.
- Черноперов В. Л. История перемещения полпреда СССР В. Л. Коппа из Японии в Швецию в контексте борьбы И. В. Сталина с объединенной оппозицией в 1926—1927 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков: материалы XXI Междунар. науч. конф., Иваново, 30—31 марта 2022 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 553—558.
- Шаров В. В. Вклад профессора П. М. Белянчикова в тракторостроение СССР // Агроинженерия. 2024. Т. 26, № 4 С. 35—43. doi.org/10.26897/2687-1149-2024-4-35-43.
- Шишкин В. А. Антисоветская блокада и ее крушение. Л.: Наука, 1989. 206 с.

References

- Belozеров, V. V. (2003), 'From Moscow to Tokyo: Exhibitions of Soviet Art and Artists' Trips to Japan (1925—1933)', *Iskusstvoznanie* [Art Studies], no. 4: 290—351.
- Chernopeov, V. L. (2005), 'Confrontation of Leninist School Diplomats During the Soviet-German Conflict of 1924', *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], vol. 7, no. 2: 254—274.
- Chernopeov, V. L. (2022), 'History of the Transfer of the USSR Plenipotentiary Representative V. L. Kopp from Japan to Sweden in the Context of I. V. Stalin's Struggle with the United Opposition in 1926—1927', *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX—XXI vekov: materialy XXI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [State, society, church in the history of Russia in the XX—XXI centuries: materials of the XXI International Scientific Conference], Ivanovo, Russia,

- 30—31 March 2022], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 553—558.
- David-Fox, M. (2015), *Vitriny velikogo eksperimenta. Kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuzia i ego zapadnye gosti, 1921—1941 god* [Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921—1941], Translated by Makarova, V., in Dolbilov, M. and Ryzhkovsky, V. (scientific eds of the translation), *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Kagan, P. S. (1926), 'Preface', *Katalog vystavki revoliutsionnogo iskusstva Zapada* [Catalogue of the exhibition of revolutionary art of the West], Mospoligraf, Moscow, Russia: 3—4.
- Reshetov, E. A. (2022), 'Soviet-Swedish relations in 1927—1930 based on the materials of the newspaper "Pravda"', *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX—XXI vekov: materialy XXI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [State, society, church in the history of Russia in the XX—XXI centuries: materials of the XXI International Scientific Conference], Ivanovo, Russia, 30—31 March 2022], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 496—501.
- Reshetov, E. A. (2024), 'Soviet-Swedish scientific ties in the 1920—1930s (based on the materials of the newspapers "Pravda" and "Izvestia" ', *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX—XXI vekov: materialy XXIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [State, society, church in the history of Russia in the XX—XXI centuries: materials of the XXIII International Scientific Conference], Ivanovo, Russia, 27—28 March 2024, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 465—469.
- Salienko, A. P. (2018), 'Proletarian art in search of identity. Based on the materials of the Soviet press of the 1920s', *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriia: Istoriiia* [Bulletin of Moscow University, series: History], no. 3: 103—120.
- Sharov, V. V. (2024), 'Contribution of Professor P. M. Belyanchikov to the tractor industry development in the USSR', *Agroinzheneriia* [Agricultural Engineering], vol. 26, no. 4: 35—43, doi.org/10.26897/2687-1149-2024-4-35-43.
- Shishkin, V. A. (1989), *Antisovetskaia blokada i ee krushenie* [The anti-Soviet blockade and its collapse], Nauka, Leningrad, Russia.
- Sychenkova, L. A. (2019), 'European cultural event: Exhibitions of old Russian art in Germany in 1926 and 1929', *Voprosy muzeologii* [The Issues of Museology], vol. 10, no. 2: 172—186, doi.org/10.21638/11701/spbu27.2019.204

Zemzyulina, N. I. (2013), 'The Influence of Left-Wing Political Parties on the Cooperative Movement in Europe (First Third of the Twentieth Century)', *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'* [Historical and Social-Educational Thought], no. 5: 42—45.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 31.07.2024.

The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 31.07.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Е. А. Решетов — аспирант, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

E. A. Reshetov — Postgraduate Student, Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

**ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ
FROM ARCHIVAL FUNDS**

Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 153—170.

Intelligentsia and the World. 2024. No. 4. P. 153—170.

Из архивных фондов

УДК 792.075/077(091)(470.315)

DOI: 10.46725/IW.2024.4.8

**ПЕРЕПИСКА ГЛАВНОГО РЕЖИССЕРА
ИВАНОВСКОГО МОЛОДЕЖНОГО
НАРОДНОГО ТЕАТРА Р. М. ГРИНБЕРГ
И КОЛЛЕКТИВА ТЕАТРА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
ТВОРЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
МОСКОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
(Продолжение. Начало: «Интеллигенция и мир».
2024. № 1. С. 156—171; № 2. С. 165—189)**

Сергей Валерьевич Точенов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
stochenov@gambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9164-9988>

Ключевые слова: Регина Гринберг, Ивановский молодежный народный театр, творческая элита московской интеллигенции

Для цитирования: Точенов С. В. Переписка главного режиссера Ивановского молодежного народного театра Р. М. Гринберг и коллектива театра с представителями творческой элиты московской интеллигенции (Продолжение. Начало: «Интеллигенция и мир». 2024. № 1. С. 156—171; № 2. С. 165—189) // Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 153—170.

From archival

**CORRESPONDENCE
BEETWEEN THE CHIEF DIRECTOR
OF THE IVANOVO YOUTH PEOPLE'S THEATRE
R. M. GRINBERG AND THE THEATRE STAFF
WITH REPRESENTATIVES
OF THE MOSCOW INTELLIGENTSIA CREATIVE ELITE
(Continuation. Beginning: "Intelligentsia
and the World". 2024, no. 1: 156—171; no. 2: 165—189)**

Sergey V. Tochenov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
stochenov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9164-9988>

Keywords: Regina Grinberg, Ivanovo Youth People's Theatre, the Moscow intelligentsia creative elite

For citation: Tochenov, S. V. (2024), 'Correspondence between the chief director of the Ivanovo Youth People's Theatre R. M. Grinberg and the theatre staff with representatives of the Moscow intelligentsia creative elite (Continuation. Beginning: "Intelligentsia and the World". 2024, no. 1: 156—171; no. 2: 165—189)', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 153—170 (in Russ.).

А. КРОН¹

Р. Гринберг — А. Крону

Черновик письма осень 1972 г.²

Дорогой Александр Александрович!

Очень хотелось бы поддерживать с Вами контакты на творческой основе, но, увы... Основы этой мы до сих пор лишены.

¹ А. Крон посетил Иваново весной 1972 г. Был на показе спектакля «Торжественный реквием». Составной частью спектакля стал его очерк об ивановском поэте-фронтовике А. Лебедеве, с которым они пересекались на фронте. После просмотра опубликовал в «Известиях» большую статью («Без даты». 2 июля 1972 г.), где в адрес Р. М. Гринберг и театра было сказано немало лестных слов.

² Датировано по содержанию.

К ремонту сцены летом не приступали. И снова (четвертый сезон!) «обнадеживающие» обещания: «оборудование в пути, материалы почти готовы» и т. п.³

Статус театра до сих пор не ясен, и в этом причина всех бед. Будучи по существу своему городским, он фактически поставлен в полную зависимость от руководства фабрики. Последние кивают на город: «Театр не наш, и нам не нужен. Пусть город помогает». Город — на фабрику: «Театр при клубе фабрики — решайте все на месте». ЦК профсоюза тоже отмежевывается: «В театре мало членов профсоюза текстильщиков, поэтому он не наш. Решайте в ВЦСПС». ВЦСПС отсылает в облсовпроф, совпроф — в обком профсоюза, и конца этому не видно. Раньше (несколько лет назад) были хотя бы самые элементарные условия для работы: сцена, какие-то подсобные штаты (технические).

Сейчас мы лишены всего.

Нет возможности показывать спектакли даже на выездах. Нет возможности завершить начатое (в репертуаре «Лебедев»⁴, «Майоров»⁵, Горький, Вознесенский). В портфеле — Шатров⁶, Крон, Евтушенко, Маяковский, Межелайтис⁷).

³ В 1969 г. в клубе было объявлено аварийное состояние, закрыта сцена на трехлетний ремонт. Одновременно появился акт финансовой ревизии облсовпрофа с ложными обвинениями в адрес режиссера и актеров. Ремонт затянулся, и Р. М. Гринберг прилагала все усилия для ускорения процесса, опираясь на помощь «московских покровителей». Письмо А. Крону — как раз одна из таких попыток.

⁴ Премьера спектакля «Торжественный реквием» («Алексей Лебедев») состоялась в 1971 году. Лебедев Алексей Алексеевич (1912—1941) — советский поэт-маринист, подводник. Во второй половине 1920 — начале 1930-х гг. проживал в Иванове. Погиб в 1941 г.

⁵ Премьера спектакля «Николай Майоров» состоялась только в 1975 г. Майоров Николай Петрович (1919—1942) — советский поэт-фронтвик. Отрочество и юность были связаны с г. Иваново. Погиб в 1942 г.

⁶ Шатров Михаил Филиппович (настоящая фамилия — Маршак; 1932—2010) — советский, российский драматург и сценарист, лауреат Государственной премии СССР (1983).

⁷ Межелайтис Эдуардас Беньяминович (1919—1997) — литовский советский поэт, переводчик и редактор, эссеист. Герой Социалистического Труда (1974).

Продолжаю тешить себя мыслью, что смерть пока еще клиническая и что какая-то заинтересованная *спасательная команда* извне может изменить положение (внутренние возможности исчерпаны полностью).

Может быть, возможно выступление в «Известиях»? Может быть, по линии Союза писателей возможно какое-то вмешательство. Театр ведь литературный, поэтический. Разумеется, делать это нецелесообразно через друга нашего — тов[арища] Жукова⁸. Очень, очень важно еще раз напомнить нашему руководству, что театр в поле зрения литературной общественности, что у театра есть серьезные защитники.

Дорогой Александр Александрович! Придумайте, пожалуйста, что-нибудь. Будьте нашим реаниматором.

С глубоким уважением.

Регина

P. S. Очень прошу Вас не передавать это письмо в официальные инстанции. Это не в интересах дела. Если потребуется встреча со мной для более подробного разговора, я готова в любой момент приехать (тел. 4—34—90).

А. Крон — Р. Гринберг

Письмо 11 окт[ября] 1972 г.⁹

Уважаемая Регина Михайловна!

Простите, что отвечаю с опозданием, я только вчера приехал из Болгарии и разобрал почту.

О том, что выступления «Комсомольской правды» и «Известий»¹⁰ пока не дали результатов, я знаю, правда, не от Вас,

⁸ Жуков Владимир Семенович (1920—1997) — советский поэт. Участник Великой Отечественной войны. Член Союза писателей (1947). С 1962 г. на протяжении более чем 20 лет возглавлял Ивановскую организацию писателей. Ирония Р. М. Гринберг объясняется довольно просто: на протяжении длительного периода у нее были достаточно прохладные отношения с руководством писательской организации.

⁹ Датировано по штемпелю на конверте.

¹⁰ Скорее всего, речь идет о статье самого А. Крона «Без даты» («Известия», 2 июля 1972 г.) и публикации В. Сагаловой «По техническим

а от В. П. Гольцева¹¹, которому Вы писали. Я его еще не видел. В ближайшие дни дойду в редакцию и проверю, сделал ли он то, о чем Вы его просили.

Организовать в «Известиях» выступление в пользу театра мне не удастся, военный отдел второй раз на эту тему выступать не будет, а народные театры вообще — это сфера действия отдела искусств, с которым у меня отношения холодные, вернее никаких.

На заседании¹² комиссии по военно-худож[ественной] литературе Союза писателей СССР я выступал по поводу Вашего театра дважды. На первом заседании предс[едатель] Военной комиссии СП РСФСР Ананьев обещал мне помочь, и я передал ему письмо Ирины Алексеевны¹³. Письмо было переслано для принятия мер в Ивановское отделение и сочувствия там не встретило. Второй раз я выступал уже после командировки в Иваново и появления статьи. [Как бы] (в порядке информации) был заслушан с интересом и вниманием. Попробую поговорить с председателем нашей комиссии А. А. Сурковым¹⁴, он человек влиятельный. Больше говорить не с кем, Иваново — ведомство Союза писателей РСФСР, я там не бываю и никого не знаю.

Мне прислал один товарищ очень лукавую заметку из «Ивановской газеты». Некий Питерцев¹⁵ пишет, что я бывал на *репетициях* «Реквиема», давал советы etc. Мысль ясна: никто не мешал театру показать премьеру, то, что видел Крон, было

причинам» («Комсомольская правда», 11 мая 1972 г.), в которых шла речь о многочисленных проблемах молодежного театра.

¹¹ Гольцев Валентин Петрович (1909—1990). Журналист. С начала 1960-х гг. — специальный корреспондент газеты «Известия», с 1965 г. — редактор военного отдела этой газеты.

¹² Слово вписано над строкой.

¹³ Скорее всего, речь идет об И. А. Хорьковой, сестре поэта А. Лебедева.

¹⁴ Сурков Алексей Александрович (1899—1983) — русский советский поэт и литературный критик, общественный деятель; педагог, журналист, военный корреспондент. В 1953—1959 гг. — первый секретарь Союза писателей СССР. Лауреат двух Сталинских премий (1946, 1951), Герой Социалистического Труда (1969).

¹⁵ Речь идет о статье В. Питерцева «Самодетельные артисты — поэту-воину», опубликованной в «Рабочем крае» 22 июля 1972 г.

репетицией, и вообще Крон — свой человек, потому и написал статью в «Известиях». Мелкое вранье, но кому-то оно полезно.

Передайте Ирине Алексеевне, что день 1 августа я провел в Севастополе, ездил туда с большой группой работников и авторов «Известий» на празднование Дня Флота. Во всех своих публичных выступлениях я говорил об Алексее Лебедеве и его 60-летию.

Надеюсь, что поездка в Суздаль доставила ей, хотя и грустное, но все же удовлетворение. У меня никаких сведений о том, как прошел митинг и торжественный вечер, к сожалению, нет.

Желаю Вам и вашим товарищам здоровья и бодрости.

Ваш А. Крон

А. Крон — Р. Гринберг

Письмо 05.12.[19]72¹⁶

Уважаемая Регина Михайловна!

Я только недавно вышел из больницы и постепенно начинаю приходить в себя. Проболеl я более месяца.

Жена сказала мне, что Вы звонили. Малинкина¹⁷ очень жаль, он был на редкость талантлив, да и личность, по-видимому, незаурядная. Про дела Вашего театра я ничего не знаю, т. к. на мое письмо Вы не ответили. Перед отправкой в больницу я мельком видел А. А. Суркова, и мы условились о встрече. Встреча не состоялась из-за моей болезни. Прошло время, и я не знаю, надо ли мне идти к нему и о чем конкретно с ним говорить. Сурков — депутат Верх[овного] Совета, секретарь Союза писателей и Предс[едатель] Военной комиссии союза. В Министерстве культуры и в ВТО я никого не знаю, пришли новые люди.

¹⁶ Датировано по штемпелю на конверте.

¹⁷ Станислав Николаевич Малинкин (1940—1972) — инженер на одном из ивановских предприятий, играл в Ивановском молодежном театре с 17 лет. На протяжении 15 лет был занят во всех спектаклях. В частности, играл главные роли в постановках «Были и сказки» и «Алексей Лебедев». Уже после его трагической гибели радиоспектакль «Алексей Лебедев» дважды транслировало Всесоюзное и много раз ивановское радио.

Прошу передать коллективу театра мое искреннее соболезнование по поводу безвременной смерти Славы Малинкина.

Привет

Подпись

Р. Гринберг — А. Крону

Черновик письма декабрь 1972¹⁸

Дорогой Александр Александрович!

Ваше письмо получила на 40-й день¹⁹. [Очень вы нас...] Я тогда очень болела.

Очень благодарна Вам за внимание.

Смерть Станислава [чудовищно]²⁰ нелепа, неправдоподобна до дикости.

Смириться с этим просто невозможно.

[В день похорон] И чудовищное совпадение — в день похорон Центральное радио [транслировало] передавало «Торжественный реквием», с прощальными монологами, траурными маршами. Кажется, передача эта будет повторена по 1-й программе. Моск[овское] радио (и мы тоже) получили много благодарственных писем. Копии двух из них пересылаю Вам. На память. Очень хотелось бы хоть как-то увековечить память о С[танисла]ве. С[танислав] Лесневский предложил мне связаться с т.²¹, дабы он оказал содействие в издании пластинки. «Лебедев» — последняя его роль²². Хотя бы очень маленьким тиражом. «Лебедев» — последняя его работа, очень, очень сожалею, что Вы не видели его в других работах. Это необыкновенно яркое...²³

Все наши ремонтно-организационные дела отодвинулись на 2-й план. Все мы буквально оглушены этой смертью. Трудно

¹⁸ Датировано по содержанию.

¹⁹ Видимо речь идет о 40-м дне со дня смерти С. Малинкина (30 октября).

²⁰ Слово вписано над строкой.

²¹ Так в тексте. Фамилия отсутствует.

²² Предложение вписано над строкой.

²³ Так в тексте.

и порой невозможно смириться с мыслью, что придется что-то делать без Стасика. 15 лет совместной работы, абсолютное единомыслие и взаимное понимание с полуслова. Мне кажется, я и мыслила-то режиссерски через этого актера.

Сейчас мы готовим вечер памяти, вернее, вечер с Малинкиным. Пытаемся в спектаклях по Горькому, Маяковскому, Вознесенскому осуществить возобновление без вводов — с его голосом, фотоматериалами, кинокадрами.

Пытаемся пережить [смерть] сами себя²⁴, понимаем, что все это сделать невозможно²⁵, и все-таки пытаемся...

Но для этой попытки нужна сцена. А ее по-прежнему нет. Основные работы завершены, остались мелочи, но их миллион. И при этих темпах все это может затянуться еще на многие месяцы, если не годы. Не решены самые насущные проблемы, без которых су[ществовани]е театра невозможно, даже при условии пуска сцены.

[Штаты] Это оборудование требует хотя бы самых элементарных штатов они по ф[абри]ке, но...²⁶

Отношение руководства фабрики откровенно²⁷ враждебное, а городские организации, мягко говоря, равнодушны. Мы живем в полной изоляции. Особенно обидно...²⁸

Вмешательство Суркова было бы очень уместно и своевременно. Надо только придумать форму.

Вероятно, было бы целесообразно организовать официальный запрос о состоянии театра в два адреса: Обком партии и Облсовпроф (или в обком комсомола). Запрос о положении театра, о состоянии сценической площадки.

А может быть, вообще запрос в адрес театра, пожалуй, это было бы еще лучше.

Повод к запросу — статья в «Комсомолке», в «Известиях».

А уж мы бы показали эту бумагу, где надо и кому надо.

Думаю, что телеф[онный] разговор с Обкомом ничего не даст. Послует ответ-отговорка: «завершают», «решаем», «думаем» и т. п.

²⁴ Два слова вписаны над строкой.

²⁵ Два слова вписаны над строкой.

²⁶ Так в тексте.

²⁷ Слово вписано над строкой.

²⁸ Так в тексте.

А правда, если бы можно было организовать [такой] запрос в адрес театра — было бы здорово. Это было бы вполне логично — он, поэт, интересуется положением театра поэзии.

Посылаю Вам снимки.

Очень²⁹

Если бы все наши авторы были столь же внимательны к нам, как Крон.

Р. S. Мои письма не должны...³⁰

Это, поверьте, не только не поможет³¹, только помешает делу.

Посылаю Вам несколько документов (может быть пригодится)³² из последнего протокола заседания совета кол[лекти]ва.

Очень хотелось бы знать, в какой стадии ваша повесть, где и когда она будет напечатана. Берегите себя, пожалуйста.

Приветы от всех наших.

С уважением.

Регина М.

Р. S. Если для уточнения каких-то деталей потребуется [мой приезд] — немедленно приеду.

А. Крон — Р. Гринберг

Письмо 26.12.[19]72³³

Дорогая Регина Михайловна! Жаль, что вы не сразу ответили, я уже третий день живу в Голицине³⁴, начал работать, и отсюда мне будет труднее что-либо сделать. Я позвоню <1 нрзб>³⁵ насчет пластинки, заодно попрошу его организовать мне свидание с А. А. Сурковым. Если он это сделает, я специально приеду в город.

²⁹ Так в тексте.

³⁰ Так в тексте.

³¹ Пять слов вписано над строкой.

³² Пять слов вписано над строкой.

³³ Датировано по штампу на конверте.

³⁴ Предположительно в Голицине — городе в Одинцовском районе Московской области, расположенном в 40 км к западу от Москвы, где у А. Крона была дача. В одном из писем она упоминается.

³⁵ Неустановленное лицо.

Здесь очень тихо и удобно. За время отпуска и болезни я очень отбился от работы над своим романом. Постепенно вхожу в колею. Вы спрашиваете — когда? И конца не видно. А насчет печатания я даже не начал думать.

С Новым годом! Желаю Вам и коллективу, чтоб Новый год был счастливее старого.

Ваш А. К.

А. Крон — Р. Гринберг

Письмо 17.05.1973³⁶

Уважаемая Регина Михайловна, только сегодня получил Ваше письмо и приглашение на спектакль. Мы с женой были в санатории, а из санатория я угодил в больницу. Было воспаление легких, и резко ухудшилась кардиограмма. Единственное место, куда мне разрешено поехать — дача. Так что при всем моем желании выбраться в Иваново для меня пока невозможное дело. Жаль. К Вашему коллективу я отношусь с интересом и симпатией и очень хочу успеха Вашему новому спектаклю.

Судя по приглашению, Ваш театр уже не нуждается в реанимации и вполне жизнеспособен. Я писал Вам, спрашивал, о чем конкретно надо говорить с Сурковым, ответа не получил, а затем заболел (апрельское воспаление легких это уже второе за полгода), месяц пролежал в больнице, затем три месяца прожил за городом, и наша встреча с Сурковым так и не состоялась.

Желаю Вам преодолеть консерватизм местных властей. К сожалению, без сопротивления не обходится ни одно свежее театральное начинание. Искренне надеюсь, что коллектив выстоит.

За добрую память — спасибо. Прошу передать мой привет всем моим ивановским знакомым и запоздалые поздравления с праздниками.

Ваш А. Крон

³⁶ Датировано по штемпелю на конверте.

Л. ХЕЙФЕЦ³⁷

Л. Хейфец — Р. Гринберг

Письмо 08.10.[19]74

Милая Регина Михайловна!

Признаться Вам, я забыл о том, что однажды, странствуя по земле Великого Княжества Ростовского мне был обещан один замечательный подарок... И вот! Спасибо! Спасибо!

Одно досадно — наверняка в ближайший месяц не прочту и 10 страниц. Сезон начался с такого бешеного темпа, какой чаще всего, если и бывает, то, во всяком случае, не сразу.

Репетирую «Вечерний свет»³⁸. С удовольствием. Было 2 огромных ввода в «Перед заходом солнца»³⁹. Фактически надо было заново отрепетировать спектакль. 75-летие Анненкова⁴⁰ отмечалось Маттиасом Клаузенем⁴¹ + Н. Корниенко⁴² —

³⁷ Р. М. Гринберг и Л. Е. Хейфец познакомились, скорее всего, в 1970-е гг., когда параллельно с работой в качестве режиссера Малого театра Л. Хейфец организовал Московский постоянно действующий семинар режиссеров народных театров РСФСР (при ВТО) и руководил им. Р. Гринберг регулярно посещала эти занятия, проходившие, как правило, в Москве (но и в других областных центрах РСФСР), у режиссеров установились партнерские, приятельские отношения, продолжавшиеся и в 1980—1990-е гг. Регина Михайловна многократно приглашала Леонида Ефимовича посетить спектакли Молодежного народного театра, но в Иваново он так и не приехал.

³⁸ Одна из постановок Л. Хейфеца в Малом театре.

³⁹ Речь идет о подготовке фильма-спектакля Малого театра по пьесе «Перед заходом солнца» 1932 г. немецкого драматурга, лауреата Нобелевской премии по литературе Г. Гауптмана (1862—1946).

⁴⁰ Анненков Николай Александрович (настоящая фамилия — Кокин; 1899—1999) — советский, российский актер театра и кино, педагог. Герой Социалистического Труда (1990). Народный артист СССР (1960). Лауреат трех Сталинских премий (1947, 1948, 1949).

⁴¹ Герой драмы «Перед заходом солнца» семидесятилетний тайный коммерции советник, овдовевший за три года до начала действия пьесы, глава большого семейства и фирмы.

⁴² Корниенко Нелли Ивановна (1938—2019) — советская и российская актриса театра и кино, театральная педагог. Одна из ведущих актрис Малого театра. Народная артистка РСФСР (1974).

Инкен Петерс⁴³ — это уже из-за болезни Н. Вилькиной⁴⁴. И еще телевидение, где сейчас снимается «Свадьба Кречинского»⁴⁵, и еще училище, хотя и чуть-чуть, а все же. Конечно, это счастье — когда жив, когда работа и еще раз работа.

Однако, книга про любовь мою, про декабристов, да?⁴⁶

Еще раз спасибо.

Будете в Москве, объявитесь.

Желаю Вам добра и привет всем, кто рядом с Вами, привет и поклон Вашему театру. Я надеюсь, мы еще познакомимся.

Ваш Л. Хейфец

Р. С. У меня изменился индекс: К-220.

Л. Хейфец — Р. Гринберг

Письмо 1974 г.⁴⁷

Милая Регина!

Вы тоже хороши! Где-то рядом в Москве Вы мелькаете у разных людей, в разных местах, и ни разу, ни разу не занесло Вас в Малый театр. Ну, я понимаю, Академия, ну старики, ну консерваторы, но ведь и мы люди!!!

За письмо спасибо. За разные слова — тоже. За Вас — рад чрезвычайно, честное слово. Просто рад. И это неправда, что успех в Польше⁴⁸ Вашего театра — это автор. Так не бывает. К черту! Вы — молодец. И все.

⁴³ Героиня драмы «Перед заходом солнца», дочь сестры садовника.

⁴⁴ Вилькина Наталья Михайловна (1945—1991) — советская актриса театра и кино. Заслуженная артистка РСФСР (1984).

⁴⁵ Телеспектакль по одноименной пьесе А. Сухово-Кобылина. Телевизионная запись спектакля Малого театра, премьера которого состоялась в 1975 г.

⁴⁶ Не удалось установить, о какой книге идет речь.

⁴⁷ Датировано по содержанию.

⁴⁸ В 1974 г. театр выезжал в Польшу с Поездом дружбы ЦК ВЛКСМ, выступал в Лодзи с фрагментами из спектаклей «Памяти друга» и «Замок надежды».

И на семинаре первое слово — Вам. Какой к чертям «Садик», если Вы были в гуще всяких студенческих шуток. Нет уж. Голубушка, будьте любезны — на арену! И вообще пора привести на семинар Окуджаву. Думайте об этом.

Софья Михайловна⁴⁹ уже наметила срок встречи. Так что увидимся.

Мои дела сейчас действительно весьма напряженны. Я счастлив. Не результатами, Боже упаси, просто я репетирую. Потом лечу в училище. Потом бегаю в больницу, у меня на лице красные пятна, и никто не может их побледнить. Я — красный! Ура!

Работа идет тяжело. В пьесе вроде бы разобрался. А как быть с сытостью театра? Мало? Завидую тем, кто со своими. Плохими. Неумелыми. Неголосистыми. Но своими.

Поклонитесь Вашему театру.

Желаю Вам добра. И до встречи в Москве. Привет всем нашим, если увидите.

С уважением
Ваш (подпись)

Р. Гринберг — Л. Хейфецу

Копия письма (первый вариант) 1982 г.⁵⁰

Дорогой Леонид Ефимович!

Много раз «сочиняла» Вам письмо, потом рвала в клочья. Снова «сочиняла». Жуткое у меня состояние, жуткое настроение. Ностальгия по Москве, вспыхивающая как-то эпизодически, стала наваждением, хронической болезнью. Я не могу больше — физически, психологически, творчески, не могу без Москвы. Я не знаю, что делать. Здесь не-вы-но-си-мо. Здесь микроклимат, здесь все по гениальному фильму Михаила Ромма⁵¹. Везде скажете? Дело в степени.

⁴⁹ Софья Михайловна Ганцевич — старший консультант Всероссийского театрального общества.

⁵⁰ Датировано по содержанию.

⁵¹ В фильмографии М. Ромма — 20 фильмов. Из них «гениальным» обычно называют «Обыкновенный фашизм» (1965). Однако трудно даже предположить, чтобы Р. Гринберг сравнивала «душную атмосферу»

«Мещане со свистками» одолели, я не в силах больше сражаться с ними. Как в песне поется: «Нервы устали, стервы...»⁵²

Чувствую, наступила зрелость, есть, что сказать, чувствую, что могу сказать, хочется «поиграть мускулами». Но осуществляю 5—6 % задуманного. Буквально «лопаюсь» от замыслов (Айтматов⁵³, Маяковский, Лермонтов, Пастернак, Блок⁵⁴, снова Цветаева, Самойлов⁵⁵, снова Вознесенский...) Но все эти административно-хозяйственно-организационные дела отнимают порой 90 % времени, лишают всю работу смысла. Самодеятельность. Я «самодеятель»: сама сочиняю (композиции), сама ставлю, сама оформляю (и как художник, и по музыкальной части). Никаких профессиональных контактов! Кабинет считает этот жанр вымершим, мы и в самом деле «чудовища», ископаемо хвостатые. Мало их осталось, театров поэзии, но им необходимо хоть эпизодически, хоть как-то общаться. И еще надоело все время с начала, с нуля, с азбуки. В профессиональный театр? Но в Иванове это

провинциального областного центра 1980-х гг. с ситуацией в фашистской Германии 1930 — начала 1940-х гг. В копии второго варианта письма Л. Хейфецу, публикуемому далее, характеристики некоего фильма М. Ромма как «гениального» уже нет. Возможно, в письме речь идет о кинокартине М. Ромма «Девять дней одного года», которая вышла на экраны в 1962 г. и имела колоссальный успех. К. Шахназаров назвал ее «самой шестидесятилетней картиной». Герои фильма — целеустремленные, отрешенные от мещанской суеты и одновременно живые ученые-физики, готовые не обращать внимания на земные блага и обстоятельства, рисковать и идти до конца ради достижения цели.

⁵² Строка из стихотворения М. Анчарова «МАЗ».

⁵³ Айтматов Чингиз Торекулович (1928—2008) — советский, кыргызский писатель. Герой Социалистического Труда (1978), лауреат Ленинской (1963) и трех Государственных премий СССР (1968, 1977, 1983). Неоднократно номинировался на Нобелевскую премию по литературе.

⁵⁴ Блок Александр Александрович (1880—1921) — русский поэт Серебряного века, писатель, публицист, драматург, переводчик, литературный критик. Классик русской литературы XX столетия, один из крупнейших представителей русского символизма.

⁵⁵ Самойлов Давид Самуилович (настоящая фамилия — Кауфман; 1920—1990) — советский поэт и переводчик. Один из крупнейших представителей поколения поэтов, ушедших со студенческой скамьи на фронт.

учреждение ужасающее, да и вообще на периферии... (Челябинск — исключение из всех правил).

Нет, не подумайте, что у меня провалы какие-то, внешне все «в ажуре». На спектакли мои ломаются, несмотря на то, что клуб-то — на окраине города и совершенно отрезан от городского транспорта. Билеты распродаются на несколько месяцев вперед, заявки, записи, очереди, на каждом спектакле — специально приехавшие из других городов...

Но мне все вдруг стало жутко противно, не то все это⁵⁶, не так, а как — не знаю.

Вот сейчас не стала бы приглашать Вас ни в коем случае (а ведь звала лет 5—6). А сейчас вдруг решила, что приглашать не буду. Может быть, [я устала] это просто усталость. Из 25-ти — 18 лет я сама сочиняю, ставлю, оформляю и гвозди достаю. Осточертело. [новая] Так называемая «новая драматургия» меня не волнует. Режиссерские эмоции не будоражат. Она инфантильна, многословна, многозначительна, порой — жестока, она, по-моему, очень проходяща! Волнует Володин. [и др.] Может быть, причина кризиса и в том, что я, обожая, боготворя и очень чувствуя драматурга⁵⁷ Володина, фатально не могу выпустить его спектакль. Несколько лет назад «лопнуло» на полпути «Назначение» (выбыл Лямин⁵⁸, другого не было). Уже третий год не могу выпустить «Ящерицу» (за это время вышло 4 спектакля, из них [один] два — этапных: Цветаева и Брехт⁵⁹). Но «Ящерица»... все они одна за одной уходят в декрет и один за другим — в армию. И я третий раз начинаю сначала, с нуля, с «пустого пространства...»

Пока чувство юмора не изменяло, утешала себя тем, что «нести свой крест и терпеть» — удел еще и «женщины в песках»⁶⁰

⁵⁶ Слово вписано над строкой.

⁵⁷ Два слова вписаны над строкой.

⁵⁸ Актер Ивановского молодежного народного театра.

⁵⁹ Брехт Бертольд (полное имя — Ойген Бертольд Фридрих Брехт; 1898 — 1956) — немецкий драматург, поэт и прозаик, театральный деятель, теоретик искусства, основатель театра «Берлинер ансамбль».

⁶⁰ Скорее всего, речь идет о книге Кобо Абэ «Женщина в песках» (1962).

(в отличие от Н. Заречной⁶¹ величаю себя «женщиной в песках»). До какого-то момента это утешало. А сейчас — пески одолели. «Я строю на плывущем под ногами, на уходящем из-под ног песке»⁶².

Очень перспективное занятие. Это не истерика, это перманентное состояние, в котором я пребываю от Москвы до Москвы.

Что же дальше делать, не ведаю. [Вы хоть почаще вызывайте нас]. Пока — вою. Когда выть перестану — все кончится.

Напиши хоть какие-то слова, вдруг поможет. Я не сентиментальничаю, но ты и в самом деле для меня вроде иконы.

[Это ужасно, что вешаю свои проблемы на тебя (у тебя своих хватает), но что делать? Это ужасно все: нытье...]

Р. Гринберг — Л. Хейфецу

Копия письма (второй вариант) 1982 г.⁶³

Дорогой Леонид Ефимович!

Много раз «сочиняла» Вам письмо, потом рвала в клочья. Снова «сочиняла». Жуткое у меня состояние, жуткое настроение. Ностальгия по Москве, вспыхивающая как-то эпизодически, стала наваждением, хронической болезнью. Я не могу больше — физически, психологически, творчески, не могу больше без Москвы. Я не знаю, что делать. Здесь не-вы-но-си-мо. Здесь микроклимат, здесь все по фильму Михаила Ромма... Везде скажете? Дело в степени... [Чувствую, что нервы] Как в песне поется: «Нервы устали, стервы...» Давит с невероятной силой тот самый «атмосферный столб», временами сплющивает, лишает смысла не то, что работы — жизни.

Чувствую, наступила зрелость, хочется «поиграть мускулами», чувствую возможности, но осуществляю 5—6 % задуманного. Самодеятельность... Все время с начала, с нуля, с азбуки —

⁶¹ Героиня пьесы А. П. Чехова «Чайка».

⁶² Строка из стихотворения Б. Слуцкого (1954).

⁶³ Датировано по содержанию.

на-до-е-ло. В профессиональный театр? Но в Иванове это учреждение ужасающее, да и вообще на периферии... (Челябинск — исключение из всех правил). В общем — тупичок.

Внешне все «в ажуре». На спектакли мои ломаются, несмотря на то, что театр далеко от центра и полностью отрезан от транспорта, билеты проданы на несколько месяцев вперед, зрители из других городов (систематически на каждом спектакле). Но мне все вдруг стало жутко противно, не то все это⁶⁴ и не так. А как — не знаю.

Вот сейчас не стала бы приглашать Вас, ни в коем случае не пустила бы, хотя приглашала лет 5—6 подряд. А сейчас вдруг стыдно смотреть все это. Бред какой-то.

И эти бесконечные административно-хозяйственно-организационные заботы, убивающие порой 80 % времени, и отсутствие контактов творческих, постоянных каждодневных контактов с братьями по ремеслу... [Превращаюсь в кустаря-одиночку].

Кустарь-одиночка (сама композиции сочиняю, сама ставлю, сама оформляю и как художник, и как музыкант). [Бред] Помощи никакой. Да и какая может быть помощь? От кого? Кабинет на этом жанре поставил давно крест, [мы] в самом деле, в большинстве городов он кончился, вернее его искусственно прикончили, в этом я убеждена. Так называемая «новая драматургия» как режиссера меня не волнует. Она инфантильна, она жестока, она многословна и многозначительна. А может быть, я «устарела» и не ощущаю этой новой волны? Впрочем «волна»-то не однозначна.

Выпустила недавно спектакль по Цветаевой, зритель визжит, а я не удовлетворена. Из 30 сыгранных спектаклей сносно, на мой взгляд, прошли три.

Буквально «лопаюсь» от замыслов (Айтматов, Маяковский, Лермонтов, Пастернак, Блок, опять Цветаева, Самойлов). Но на воплощение — никаких возможностей. Ко всему здоровью идет под откос. Мотор и пр[очее].

⁶⁴ Слово вписано над строкой.

Пока чувство юмора не изменяло, утешалась тем, что «нести свой крест и терпеть» — удел еще и «женщины в песках». [Но пески заели] «Я строю на ползущем под ногами, на уходящем из-под ног песке». Точная формула.

Это не истерика. Это перманентное состояние, в котором я пребываю от Москвы до Москвы. Что же дальше делать — не ведаю.

Вы хоть почаще вызывайте нас.

Что с любовью моей «Картиной»⁶⁵?

(Продолжение следует)

Статья поступила в редакцию 20.10.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 29.11.2023.

The article was submitted 20.10.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 29.11.2023.

Информация об авторе / Information about the author

С. В. Точенов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Россия.

S. V. Tochenov — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

⁶⁵ «Картина» — спектакль Л. Хейфеца по одноименному роману Д. Гранина, премьера которого состоялась в Малом театре в 1983 г.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО READING AND DISCUSSION

Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 171—177.

Intelligentsia and the World. 2024. No. 4. P. 171—177.

Рецензия

УДК 930:32.019.5

DOI: 10.46725/IW.2024.4.9

ИДЕИ И ПРАКТИКИ ПАНСЛАВИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ

Рец. на кн.: Павленко О. В.

*Панславизм реальный и воображаемый:
1830—1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с.*

Дмитрий Игоревич Польшанский

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
dipol53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3680-5508>

Аннотация. В рецензии выделены основные исследовательские выводы монографии известного ученого-богемиста, доктора исторических наук, проректора по науке РГГУ Ольги Вячеславовны Павленко и оценены достижения автора книги в сравнительном изучении панславянской идеологии и связанных с ней общественно-политических практик в России и Австрийской империи 40—60-х гг. XIX в. Идеи и практики панславизма представлены О. В. Павленко в контекстах сопоставления двух государств в историческом, геополитическом и общественно-политическом планах. В результате формируются многомерные и динамические представления о типах «славизмов» — от «истинного панславизма» чешских и словацких просветителей монархии Габсбургов 30—40-х гг. XIX в. до «имперского панславизма» в Российской империи 1860-х гг.

Ключевые слова: славянофильство, панславизм, «славизмы», идеи, практики, Российская империя, монархия Габсбургов

Для цитирования: *Польвянный Д. И.* Идеи и практики панславизма в Российской империи и в монархии Габсбургов. *Рец. на кн.: Павленко О. В. Панславизм реальный и воображаемый: 1830—1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с. // Интеллигенция и мир. 2024. № 4. С. 171—177.*

Review

IDEAS AND PRACTICES OF PANSLAVISM IN THE RUSSIAN AND HABSBURGS' EMPIRES.

***Review on the book: Pavlenko O. V.
Panslavism real and imaginary:
1830—1860s. M.: RSUH, 2023. 404 p.***

Dmitry I. Polyvyanny

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
dipol53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3680-5508>

Abstract. The reviewer stresses main conclusions of the monographic research by Olga V. Pavlenko, well-known scholar of Bohemian history, Doctor of Science (History) and Provost of the Russian State Humanitarian University (Moscow) and evaluates the author's achievements in comparative study of Pan-Slavic ideologies and appropriate sociopolitical practices in Russian and Austrian Empires of the 1830—1860s. The author presents the ideas and practices of the Panslavism in the both states in historical, geopolitical, social and political contexts shaping as the result multidimensional and dynamic images of “slavisms” from the “genuine Panslavism” of the Czech and Slovak enlighteners in the Habsburg monarchy in the 1830—1840s to the “imperial Panslavism” in Russia of the 1860s.

Keywords: Slavophilia, Panslavism, “slavisms”, ideas, practices, Russian Empire, Habsburg monarchy

For citation: Polyvyanny, D. I. (2024), ‘Ideas and practices of Panslavism in the Russian and Habsburgs’ empires. Review on the book: Pavlenko, O. V. (2023), *Panslavizm real'nyi i voobrazhaemyi: 1830—1860-e gg.* [Panslavism real and imaginary: 1830—1860s], Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 171—177 (in Russ.).

Выход в свет монографии известного историка-богемиста О. В. Павленко — закономерное продолжение ее многолетних исследований истории славянской (прежде всего чешской) общественной мысли, дипломатических, научных и общественных связей Российской и Австро-Венгерской империй, отечественной и зарубежной историографии истории славянских стран и народов и других смежных тем. Нередко монографии, опубликованные в связи с защитой диссертации, повторяют научно-квалификационное сочинение. В данном случае рецензируемая книга развивает в полноценное монографическое исследование отдельные сюжеты защищенного в том же году диссертационного труда [Павленко, 2022].

Автор исходит из определения панславизма как «совокупности многообразных объединительных идей, проектов и движений общеславянского формата, в которых особая роль отводилась России как наиболее влиятельному славянскому государству» [Павленко, 2023: 14]. Составившие эту совокупность «славизмы»¹ рассматриваются О. В. Павленко как референтные модели панславизма, «вызывавшие наибольший общественный резонанс, влиявшие на принятие политических решений в дипломатической среде и имперской политике в целом» [Там же: 15]. «В центре нашего внимания, — пишет автор, — ...панславистские проекты, в которых осмысливалась роль России, и на этой основе создавались образы будущего славянского мира» [Там же: 18]. В исследуемый период такие проекты были характерны и для части внешнеполитических и дипломатических кругов Российской и Австрийской империй, и для формирующейся в двух странах национальной интеллигенции: отечественных славянофилов, и лидеров и идеологов движений зарубежных славянских народов, а также первых поколений ученых-славяноведов, многие из которых были увлечены панславизмом и активно участвовали в его развитии.

¹ Выражение восходит к работе К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство», в которой на фоне изучаемого им «византизма» автор замечал, что «идея славизма не представляет отвлечения исторического, то есть такого, под которым бы разумелись, как в квинтэссенции, все отличительные признаки... составляющие в совокупности своей полную и живую историческую картину известной культуры» [Леонтьев, 1875: 31].

«Модели» и проекты панславизма представлены О. В. Павленко в контекстах Российской империи и империи Габсбургов, сопоставляемых в историческом, геополитическом и общественно-политическом планах в эпохи бурных общественных перемен в обеих странах в 1830—1860-е гг. В результате у читателей формируются многомерные и динамические представления о выделяемых автором «славизмах»: «истинном панславизме» чешских и словацких просветителей в монархии Габсбургов 30—40-х гг. XIX в.; «австрославизме» и «мнимом панславизме», возникших в Австрийской империи на основе осмысления опыта национально-освободительных движений 1848—1849 гг.; российском славянофильстве 1840—1850-х гг. и «имперском панславизме» 1860-х гг., в котором О. В. Павленко видит сложное, не оформившееся в общую модель, переплетение общественных настроений и дискуссий с государственной политикой. Как заключает автор, «“имперский панславизм”... не имел определяющего значения в бурных спорах о российских ценностях», развернувшихся после Крымской войны [Там же: 332—333].

Исследование основано на многочисленных документах российских (АВПРИ, РГИА, ГАРФ, РГАЛИ) и зарубежных (Австрия, Венгрия, Польша, Чехия) архивов, периодике и корреспонденции, статистических и экономических материалах, обширной отечественной и зарубежной публицистической, мемуарной и научной литературе. Отдельный раздел в структурированном списке источников составили российские «документы и материалы по меморизации памяти о Крымской войне». Впечатляет и перечень использованной литературы (475 названий на русском и нескольких европейских языках).

Исследование разделено на три главы. В первой (с. 33—134) рассмотрены историографические сюжеты; во второй (с. 135—198) — панславистские идеи в Российской и Австрийской империях 1830 — начале 1850-х гг., представленные в контекстах геополитической обстановки и внешней политики, общественно-политических событий и интеллектуальных тенденций в обеих странах; в третьей (с. 199—328) — «славянский фактор» в общественной жизни и внешней политике изучаемых стран в 1850—1860-х гг. Благодаря концептуальной целостности и обилию фактического материала, в том числе малоизвестного, книга

от начала и до конца читается с интересом, а ее трехуровневая структура (каждая из глав разбита на разделы и подразделы, выделенные разными шрифтами), придает тексту объемность и облегчает читателю повторное обращение к тем или иным вопросам через оглавление.

Полноценный историографический очерк совмещает общие оценки состояния проблемного поля с критическим обзором важнейшей научной литературы о значимых объектах и акцентах исследования. О. В. Павленко наряду с общественными движениями и идеями, внутренней и внешней политикой правящих кругов обеих империй рассматривает многие смежные темы: от общего состояния историографических школ и направлений до современных исследовательских практик и методов в применении к избранной теме. Наряду с традиционными методами исторического исследования автор использует подходы смежных наук, в особенности культурной и интеллектуальной истории, теории международных отношений и др.

Разделяя вывод историографических наблюдений автора о том, что «слияние интеллектуального и политического как в самом панславизме, так и в сообществах его исследователей», приведет к формулированию концепций, которые вызовут новые споры, отметим, что в новейшем сборнике, посвященном панславизму, последний рассматривается как часть современной российской государственной доктрины, а «панславистские и славянофильские идеи» — как «ставящие под вопрос и подрывающие демократию и наднациональные институты и идеи, например, ЕС» [Pan-Slavism..., 2023: VIII]. Статья М. Сулова в том же сборнике завершается предостережением, что «современный панславизм (славянофильство) может быть использован как основа для продвижения целого спектра нелиберальных идей, прежде всего, консервативно-коммунитаристского толка» [Pan-Slavism..., 2023: 100].

Возвращаясь к исследовательским главам труда О. В. Павленко, отметим глубокую и оригинальную трактовку раннего чешского австрославизма и роли в его формировании К. Гавличека-Боровского (1821—1856), который анализировал современные ему славянские движения и идеи в монархии Габсбургов и в России и сумел сформировать долговременные критерии

для складывающейся чешской национальной идеологии. Вывод автора, что идеи К. Гавличека отличал «выраженный прагматизм» и поиски «третьего пути» в ответ на великогерманские притязания и формирующийся в России «имперский панславизм» [Павленко, 2023: 189], представляется нам более объективным, нежели нередкие и в наши дни попытки представить одного из идеологов чешского национального движения заклятым врагом России и русских [Зиглер, 2016].

Еще один перспективный сюжет этой главы, достойный отдельного исследования — становление российского «имперского панславизма» на фоне развития отношений России и Австрии в рамках перенастройки «европейского концерта» в 1830—1860-х гг. — переходит из второй главы в третью, где находит завершение в контексте его сравнения с панславистскими идеями радикальных кругов российского общества и с развитием современного ему австрославизма в теряющей перспективы самостоятельного внешнеполитического курса империи Габсбургов. Роль в формировании «имперского панславизма» Ф. И. Тютчева, его идей и дел на общественном поприще и государственной службе, на наш взгляд, также заслуживает продолжения в виде отдельного исследования.

Монография О. В. Павленко опубликована при содействии Российско-австрийского Форума общественности «Сочинский диалог». Возможность оценить ее достоинства, на наш взгляд, должны получить и европейские читатели, прочтя книгу в переводе на немецкий или английский язык.

Список источников

- Зиглер Я.* Для Карела Боровского русские были хуже венгров. 31.07.2016. URL: <https://inosmi.ru/20160801/237391763.html?ysclid=1wz6q6nmpi850536432> (дата обращения: 28.06.2024).
- Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство. М.: Императорское Общество истории и древностей российских, 1875. 134 с.
- Павленко О. В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов (1830-е гг. — 1914 г.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2022. 578 с.
- Павленко О. В.* Панславизм реальный и воображаемый: 1830—1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с.

Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe. Origins, Manifestations and Functions / eds M. Suslov, M. Čejka, V. Đorđević. Palgrave Macmillan, 2023. 428 p. doi.org/10.1007/978-3-031-17875-7.

References

- Leontyev, K. N. (1875), *Vizantizm i slavianstvo* [Byzantium and Slavism], Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh, Moscow, Russia.
- Pavlenko, O. V. (2022), *Slavianskii faktor v ideologii i vneshnei politike Rossiiskoi imperii i monarkhii Gabsburgov (1830-e gg. — 1914 g.)* [The Slavic factor in the ideology and foreign policy of the Russian Empire and the Habsburg monarchy (1830s — 1914)], D. Sc. (History) Thesis, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Moscow, Russia.
- Pavlenko, O. V. (2023), *Panslavizm real'nyi i voobrazaemyi: 1830—1860-e gody* [Panslavism real and imaginary: 1830—1860s], Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Moscow, Russia.
- Suslov, M., Čejka, M. and Đorđević, V. (eds) (2023), *Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe. Origins, Manifestations and Functions*, Palgrave Macmillan, N. Y., doi.org/10.1007/978-3-031-17875-7.
- Zigler, Ya. (2016), *Dlia Karela Borovskogo russkie byli khuzhe vengrov*, available at: URL: <https://inosmi.ru/20160801/237391763.html?ysclid=1wz6q6nmpi850536432> (Accessed 28 June 2024).

Статья поступила в редакцию 08.07.2024; одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 31.07.2024.

The article was submitted 08.07.2024; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 31.07.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Д. И. Полювянный — доктор исторических наук, профессор, руководитель научно-образовательного центра интеграции науки и образования, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

D. I. Polyuyanny — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Scientific and Educational Center for the Integration of Science and Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2024 ГОД

Наименование статьи	№
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ	
Ахунзянова Ф. Т., Зайцев А. В., Зябликов А. В., Максименко А. А. Место и роль интеллигенции в эпоху цифровых трансформаций	1
ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	
Анисимова А. П. «Иерусалимская антология»: рождение, основные направления деятельности и участие в израильско-российском культурном взаимодействии в 1999—2022 гг.	3
Башмакова Е. В. К вопросу о развитии школьного образования Англии XVI в. (на примере грамматических школ)	2
Евсеев В. А. Борьба университетской и городской корпораций: столкновения школяров и горожан (на примере Оксфорда и Кембриджа XIII—XIV вв.)	1
Кирчанов М. В. Мемориальная культура современного бразильского монархизма	4
Кураев А. Н. К вопросу о месте и роли интеллигенции в общенациональном кризисе России начала XX в.	2
Рогачева Е. Ю., Тимошук И. А. Научные школы Ф. А. Фрадкина и П. Б. Гурвича	3
Смирнова О. А., Кузнецова Н. А. Онлайн-петиции как институт демократии во Франции	2
Ткачев В. В. Из истории просветительской деятельности представителей художественной и других групп интеллигенции Байкальской Сибири во второй половине XIX — начале XX в.	3
Яновский О. А. Становление и трансформация международного сотрудничества первого университета Беларуси в общественно-политических условиях 1921—1941 гг.	4

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Балдин К. Е.** Деятельность провинциальной медицинской интеллигенции в экстраординарных условиях:
врачи г. Иваново-Вознесенска на службе
в военных госпиталях (конец XIX — начало XX в.) 2
- Околотин В. С.** Ленд-лиз в истории Ивановской области
в воспоминаниях очевидцев и архивных документах
(1941—1942 гг.) 3
- Соловьев А. А., Комиссаров В. В.** Интеллигенция Ивановской
области в деле развития аграрного образования региона:
страницы истории 4

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Агафангел (Гагуа), игум.** Влияние Императорского
Московского университета на судьбу семьи Толстопятых 4
- Новичкова Н. Ю.** Духовность как доминанта
творческого пути выдающегося православного художника
П. Д. Корина 2
- Оришев А. Б.** Академик И. А. Каблуков: портрет московского
интеллигента 3
- Хавкин Б. Л.** Немецкие интеллектуалы против нацизма.
Граф Гельмут Джеймс фон Мольтке и «Кружок Крейзау» 4

К 50-летию

Ивановского государственного университета

- Золотарев О. В.** Штрихи к портрету Учителя 2
- Сибиряков И. В.** Научная школа профессора В. С. Меметова 1
- Федотов А. А.** Золотой юбилей преподавания истории:
к 75-летию со дня рождения и 50-летию преподавания
в ИвГУ профессора А. А. Корникова 4

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Чугунова Т. В.** Социально-политическая активность студенческой молодежи как один из факторов формирования отечественной интеллигенции на рубеже XX—XXI вв. 1

ДЕБЮТ

- Дворцов Г. И. (игумен Герман).** Семья священника в период трансформации общества: от духовного сословия к интеллигенции (на примере семьи священника В. С. Авдакова) 1
- Решетов Е. А.** Советско-шведские выставочно-ярмарочные связи в 1922—1928 гг. (по материалам советской печати) 4
- Трубицина Л. В. П. А. Жилин** как исследователь Отечественной войны 1812 г. и полководческого таланта М. И. Кутузова 2
- Шепелева Е. О.** Европейская идентичность в трудах Ю. Хабермаса 3

ДИСКУССИЯ

- Порозов В. А.** Развитие понятия «интеллектуал» в отечественном интеллигентоведении 1
- Усманов С. М.** Этнос интеллектуала: трудные вопросы, неясные ответы 3

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Точенов С. В.** Переписка главного режиссера Ивановского молодежного народного театра Р. М. Гринберг и коллектива театра с представителями творческой элиты московской интеллигенции 1, 2, 4

Наименование статьи	№
---------------------	---

ТВОРЧЕСТВО УЧЕНЫХ

К 50-летию

Ивановского государственного университета

Березина Е. В., Черноперов В. Л. Симфоническая личность. Заметки о профессоре В. А. Годлевском и его творчестве	3
Годлевский В. А. Стихотворения	3

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

Борзова И. С., Усманов С. М. Русский либерализм per se. <i>Рец. на кн.: Китаев В. А. К истории либерализма в России: вторая половина XIX — начало XX века. Н. Новгород: Изд-во Нижегородской консерватории, 2023. 320 с.</i>	3
Полывянный Д. И. Идеи и практики панславизма в Российской империи и в монархии Габсбургов. <i>Рец. на кн.: Павленко О. В. Панславизм реальный и воображаемый: 1830—1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с.</i>	4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Юркин Н. Г. Интеллигенты и интеллектуалы: опыт многомерного исследования	1
--	---

CONTENTS

Name of the article	№
URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES	
Akhunzyanova F. T., Zaitsev A. V., Zyablikov A. V., Maksimenko A. A. The place and role of the intelligentsia in the era of digital transformation	1
FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA	
Anisimova A. P. “Jerusalem Anthology”: birth, main activities and participation in Israeli-Russian cultural interaction in 1999—2022	3
Bashmakova E. V. On the question of the development of school education in England in the XVI century (by the example of grammar schools)	2
Evseev V. A. The struggle of university and city corporations: clashes of schoolchildren and townspeople (on the example of Oxford and Cambridge of the XIII—XIV centuries)	1
Kyrchanoff M. V. Memorial culture of modern Brazilian monarchism	4
Kuraev A. N. On the question of the place and role of the intelligentsia in the national crisis in Russia at the beginning of the XX century	2
Rogacheva E. Yu., Timoshchuk I. A. Scientific schools of F. A. Fradkin and P. B. Gurvich	3
Smirnova O. A., Kuznetsova N. A. Online-petitions as democratic institute in France	1
Tkachev V. V. From the history of educational activities of representatives of the artistic and other groups of intelligentsia of Baikal Siberia in the second half of the XIX — early XX century	3
Yanovsky O. A. Formation and transformation of international cooperation of the first university of Belarus in the social and political conditions of 1921—1941	4

Name of the article	№
INTELLIGENCE IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS	
Baldin K. E. Activity of the provincial medical intelligentsia in extraordinary conditions: doctors of Ivanovo-Voznesensk serving in military hospitals (late XIX — early XX century)	2
Okolotin V. S. Lend-lease in the History of the Ivanovo Region in Eyewitness Memoirs and Archival Documents (1941—1942)	3
Soloviev A. A., Komissarov V. V. The intelligentsia of the Ivanovo Oblast in the development of agricultural education in the region: pages of history	4
PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES	
Agafangel (Gagua), abbot. The influence of the Imperial Moscow University on the fate of the Tolstopyatov family	4
Khavkin B. L. German intellectuals against nazism. Count Helmuth James von Moltke and the “Kreisau Circle”	4
Novichkova N. Yu. Spirituality as the dominant of the creative activity of the outstanding orthodox artist P. D. Korin	2
Orishev A. B. Academician I. A. Kablukov: portrait of a Moscow intellectual	3
<i>To the 50th anniversary of Ivanovo State University</i>	
Fedotov A. A. Golden jubilee of history teaching: on the 75th anniversary of birth of Professor A. A. Kornikov and the 50th anniversary of his teaching activity at Ivanovo State University	4
Sibiriyakov I. V. Scientific school of Professor V. S. Memetov	1
Zolotarev O. V. Touches to the Mentor’s portrait	2

Name of the article	№
---------------------	---

SOCIOLOGY OF THE INTELLIGENTSIA

Chugunova T. V. Social and political activity of student youth as one of the factors in the formation of the domestic intelligentsia at the turn of the XX—XXI centuries	1
---	---

DEBUT

Dvortsov G. I. (Abbot Herman). The family of a priest during the transformation of society: from the clergy to the intelligentsia (on the example of the family of priest V. S. Avdakov)	1
Reshetov E. A. Soviet-Swedish exhibition and fair relations in 1922—1928 (based on the materials of the Soviet press)	4
Shepeleva E. O. European identity in the works of J. Habermas	3
Trubitsina L. V. P. A. Zhilin as a researcher of the Patriotic War of 1812 and the military talent of M. I. Kutuzov	2

DISCUSSION

Porozov V. A. Development of the concept of “intellectual” in Russian intelligentsia studies	1
Usmanov S. M. The ethos of the intellectual: difficult questions, unclear answers	3

FROM ARCHIVAL FUNDS

Tochenov S. V. Correspondence between the chief director of the Ivanovo Youth People’s Theatre R. M. Grinberg and the theatre staff with representatives of the Moscow intelligentsia creative elite	1, 2, 4
---	------------

CREATIVITY OF SCIENTISTS

To the 50th anniversary of Ivanovo State University

Berezina E. V., Chernoperov V. L. Symphonic personality. Notes about Professor V. A. Godlevskiy and his work	3
Godlevskiy V. A. Poems	

Name of the article	№
READING AND DISCUSSION	
Borzova I. S., Usmanov S. M. Russian liberalism per se. <i>Review on the book: Kitaev V. A. To the history of liberalism in Russia: the second half of the XIX — early XX century. N. Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod Conservatory, 2023. 320 p.</i>	3
Polyvyanny D. I. Ideas and practices of Panslavism in the Russian and Habsburgs' empires. <i>Review on the book: Pavlenko O. V. Panslavism real and imaginary: 1830—1860s. M.: RSUH, 2023. 404 p.</i>	4
SCIENTIFIC LIFE	
Yurkin N. G. Intelligentsia and intellectuals: experience of multidimensional research	1

Информация для авторов

Information for authors

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceol.com).

Реквизиты журнала ISSN 1993-3959

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41533

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

К публикации принимаются научные статьи, обзорные статьи, редакционные статьи, дискуссионные статьи, персоналии, редакторские заметки, рецензии на книгу, рецензии на статью, спектакль и т. п. Рекомендуемый объем статьи и обзоров 30—40 тыс. знаков (до 1 авторского листа), в исключительных случаях до 45 тыс. знаков. Объем сообщения примерно 20 тыс. знаков (0,5 авторского листа), редакторский заметки и рецензии 10—15 тыс. знаков. Материалы представляются в электронном виде в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14, через 1,5 интервала.

Требования к оформлению статей смотри на сайте журнала «Интеллигенция и мир», раздел «Правила публикации» (<https://intelligentsia.ivanovo.ac.ru>).

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук
2024. № 4

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *Э. В. Кромер*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 16.12.2024.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 8,8.

Тираж 100 экз. Заказ № 45. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5

Факс: +7(920) 672-03-68. E-mail: int_i_mir@mail.ru

Отпечатано в АО «Ивановский издательский дом»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Степанова, 5

☎ (4932) 30-32-37. E-mail: 301411@rambler.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

**Представлены
основные направления
интеллигентоведения**

**Роль
в современном
обществе**

**Сущностные
черты**

*Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год*

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР